THE Man BOOKER PRIZE 2003

ПРЕМИЯ БУКЕРА

Дэймон Гэлгут

ШОРТ-ЛИСТ БУКЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ 2003 ГОДА

ДОБРЫЙ ДОКТОР

THE GOOD DOCTOR

·РОСМЭН·

Добрый доктор
Дэймон Гэлгут

Аннотация
Дэймон Гэлгут. Добрый Доктор
От автора
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
XVIII
XIX

Аннотация

Дэймон Гэлгут (р. 1963) — известный южноафриканский писатель и драматург. Роман «Добрый доктор» в 2003 году вошел в шорт-лист Букеровской премии, а в 2005 году — в шорт-лист престижной международной литературной премии IMPAC.

Место действия романа — заброшенный хоумленд в ЮАР, практически безлюдный город-декорация, в котором нет никакой настоящей жизни и даже смерти. Герои — молодые врачи Фрэнк Элофф и Лоуренс Уотерс — отсиживают дежурства в маленькой больнице, где почти никогда не бывает пациентов. Фактически им некого спасать, кроме самих себя. Сдержанный Фрэнк и романтик Лоуренс живут на разных полюсах затерянной в африканских лесах планеты. Но несколько случайных встреч, фраз и даже мыслей однажды выворачивают их миры-противоположности наизнанку, нарушая казавшуюся незыблемой границу между идеализмом и скептицизмом.

Сделанный когда-то выбор оказывается

необратимым — в мире «без границ» есть место только для одного героя.

Дэймон Гэлгут
Добрый Доктор

Сотни верст пустынной, однообразной, выгоревшей степи не могут нагнать такого уныния, как один человек, когда он сидит, говорит и неизвестно, когда он уйдет.

А. П. Чехов. Дом с мезонином

От автора

Хоумлендами в ЮАР назывались автономные районы, созданные правительством апартеида для того, чтобы черные «нации» могли воспользоваться так называемым правом на самоопределение. Под хоумленды выделялись земли в бедных, экономически неразвитых областях.

I

С первого взгляда на него я подумал: «Долго не выдюжит».

День клонился к вечеру. Я был на дежурстве. Внезапно на пороге ординаторской появился он — с чемоданом, одетый в белый халат поверх джинсов и коричневой рубашки. Молодой человек, ошарашенно озирающийся по сторонам, точно заблудился. «Не выдюжит», — заключил я. Дело не в его возрасте и не в поведении. Дело в выражении его лица.

Он произнес:

— Добрый день!.. Это и есть больница?

Голос у него был неожиданно низкий, плохо сочетавшийся с долговязой, тощей фигурой.

— Входите, — сказал я. — Поставьте чемодан.

Он вошел, но чемодан не поставил — наоборот, еще крепче вцепился в ручку. Оглядел розовые стены, незанятые стулья, пыльный письменный стол в углу, горшки с чахнущими цветами. И, очевидно, сделал вывод, что попал совсем не туда, куда направлялся. Мне стало его жаль.

— Фрэнк Элофф, — представился я.

— А я — Лоуренс Уотерс.

— Да-да, я знаю.

— Знаете!..

Казалось, его изумило, что мы ожидали его приезда. Однако он уже несколько дней бомбардировал нас факсами, извещая о прибытии.

— Будете жить в одной комнате со мной, — сказал я. — Пойдемте, я вас провожу.

Комната находилась в другом корпусе. Идти туда нужно было через лужок, примыкавший к автостоянке. Он не мог не заметить этого лужка, когда приехал, но, словно в первый раз, таращился на тропинку в высоком бурьяне, на растрепанные ветви деревьев, что нависали над ней, медленно роняя листья.

Мы прошли по длинному коридору. Вплоть до сегодняшнего дня я распоряжался своей комнатой единолично. Жил в ней один. Спал один. Шкаф, коврик, кровать, на одной стене — какая-то литография, на другой — зеркало. Зеленая кушетка, низкий журнальный столик под дерево, лампа… Стандартный набор. Все занятые комнаты — а их можно было пересчитать по пальцам — походили друг на друга, точно номера унылого и безликого отеля. Индивидуальность хозяина выражалась разве что в расстановке мебели, но

за прожитые здесь годы я удосужился что-либо передвинуть лишь единожды — два дня назад, когда притащили вторую кровать. Добавлять я вообще ничего не добавлял. Никогда. Среди этой уродливой функциональной мебели, напрочь лишенной характерных черт, даже случайный лоскуток ткани показался бы откровением, выдающим всю подноготную жильца.

— Вот ваша кровать, располагайтесь, — сказал я. — В шкафу есть свободное место. Санузел за той дверью.

— Ага. Да. Хорошо, — говорил он, не выпуская из рук чемодана.

О том, что ко мне подселят соседа, я узнал лишь две недели назад. Доктор Нгема вызвала меня к себе и объявила о своем решении. Оно меня не обрадовало, но протестовать я не стал, а через несколько дней, вопреки собственным предубеждениям, даже смирился с предстоящим. «Авось не так все страшно, — думал я, — мы с соседом поладим, вместе будет веселее, он внесет в мою здешнюю жизнь приятное разнообразие». В общем, я предвкушал перемену не без спортивного интереса. Заранее позаботился, чтобы соседу было удобно: поставил его кровать у окна, постелил свежие простыни, освободил несколько полок

в шкафу. И даже — большая редкость для меня — прибрался и подмел пол.

Но теперь, когда он оказался здесь, я оглядел все его глазами — и сразу увидел, что зря старался. Безотрадность и убожество. Да и Лоуренс Уотерс, если судить по первому впечатлению, ничем не напоминал того соседа, которого я себе навоображал. Сам не знаю, кого я ожидал увидеть, но явно не этого растерянного парня с бледным, похожим на оладью лицом, который наконец-то решился поставить свой чемодан на пол.

Он снял очки. Протер их рукавом. Снова надел. И усталым голосом проговорил:

— Не понимаю.

— Что?

— Все это так…

— Вы о больнице?

— Не только о больнице. Я хотел сказать… — Он повел рукой в сторону окна.

Он подразумевал то, что окружало больницу, весь город.

— Вы сами вызвались сюда поехать.

— Но я не знал, до какой степени… Почему так? — спросил он с внезапной горячностью. — Ничего не понимаю.

— Давайте отложим этот разговор. Я на дежур-

стве, мне нужно вернуться в ординаторскую.

— Я должен поговорить с доктором Нгемой, — выпалил он. — Она меня ждет.

— Не беспокойтесь. Завтра утром поговорите. Торопиться некуда.

— А что мне сейчас делать?

— Займитесь чем хотите. Распакуйте вещи. Осмотритесь. Если хотите, можете составить мне компанию. Часа через два меня сменят.

Я пошел в ординаторскую, оставив его в одиночестве — удрученного, ошарашенного. И неудивительно! Оказавшись здесь впервые, я испытал то же самое. Чувство, что все ожидания обмануты.

Думаешь, что едешь в современную больницу, где кипит работа, — пусть небольшую, пусть в глуши, но там, где жизнь не стоит на месте. Все-таки бывшая столица одного из хоумлендов. Что бы ты ни думал о политическом курсе, породившем эти города, ты ожидаешь увидеть оживленный административный центр, запруженный людьми. С автострады, ведущей к государственной границе, сворачиваешь на узкую дорогу — единственную, по которой сюда можно попасть. Но и это тебя не разочаровывает. Открылся вид на город: главная улица, центральная площадь с

памятником и фонтаном, витрины, тротуары, уличные фонари, множество зданий. Чисто. Продуманная планировка. Неплохое местечко.

Но стоит пересечь городскую черту… Первым симптомом оказывается какая-нибудь тревожная деталь, подмеченная мимоходом: трещина на аккуратно выкрашенной стене, разбитые окна офисного здания. Или то, что фонтан не работает, а его чаша полным-полна сухого, грязного песка. Сбавляешь скорость, со смутной тревогой осматриваешься по сторонам и внезапно прозреваешь. Вдоль бордюра и вокруг тротуарных плиток — кайма бурьяна. Травяные островки посреди мостовой. В фонарях — перегоревшие лампочки. За стеклами пустых витрин — пустые магазины, плесень, подтеки, облезающая краска. Повсюду следы ливней. Медленный — крупинка за крупинкой, кирпич за кирпичом, доска за доской — самораспад строений. Закрадывается подозрение, что ты заехал куда-то не туда.

Людей нет. Ни души. Это ты замечаешь в последнюю очередь, но тут же понимаешь: твое подсознание с самого начала среагировало на безлюдье, разбередив в сердце ту самую смутную тревогу. Город пуст. Не то чтобы совсем — вон там, по боковой улице, медленно едет машина, по

тротуару прогуливаются один или двое в форме, да еще кто-то бредет по тропке через заросший пустырь. Но в основном, куда ни глянь, пустота. Город необитаем. Какие там толпы! Ничто не шелохнется.

Город-призрак.

— Здесь словно случилось что-то ужасное, — сказал Лоуренс. — Такое ощущение.

— Ja[1], но в действительности все наоборот. Здесь никогда ничего не случалось. И никогда не случится. В том-то и беда.

— Но почему же тогда?..

— Что «почему»?

— Просто почему…

Он хотел сказать: «Почему же этот город вообще здесь построили?» Что ж, он ухватил суть. Этот город возник не так, как обычно возникают города: в засушливых местах у реки, например, или вблизи новооткрытого месторождения золота, или благодаря какому-то историческому событию. Его задумали и спланировали на бумаге в далекой столице злокозненные чиновники, чья нога, вероятно, никогда не ступала в этих местах. «Вот наш хоумленд, — сказали они, начертив на

---

[1] Примечания: 1

Да *(африкаанс). — Здесь и далее прим. пер.*

карте некую геометрическую фигуру. — Где будет его столица? Почему бы не вот тут, не в центре?» Поставив красной ручкой крестик, чиновники самодовольно усмехнулись и заказали архитекторам генеральный план застройки.

В недоумении Лоуренса Уотерса не было ничего особенного. Я сам испытал это чувство. И потому знал: оно недолговечно. Через неделю-другую недоумение вытеснят иные переживания — возможно, чувство бессилия, обида или негодование. А затем эмоции поулягутся, перейдут в покорность судьбе. Месяца через два Лоуренс либо смирится и скрепя сердце станет, как все мы, тянуть лямку, либо начнет разрабатывать план побега.

— Но где же все они? — спросил он, обращаясь скорее к потолку, чем ко мне.

— Кто?

— Люди.

— Где угодно, только не здесь, — сказал я. — Люди там, где они живут.

Этот разговор происходил спустя несколько часов, вечером, в моей… нет, уже в нашей комнате. Я только-только выключил свет и растянулся на кровати, пытаясь заснуть, когда в темноте раздался его голос:

— Но почему бы им не жить здесь?

— А что им здесь делать? — отозвался я.

— Да мало ли что! Я проехал через весь район — там ровно ничего нет. Ни отелей, ни ресторанов, ни магазинов, ни кинотеатров… Ничего.

— Им все это ни к чему.

— И больница? Им даже больница ни к чему?

Я приподнялся на локте. Лоуренс лежал на спине, глядя в потолок, и курил — я видел, как движется вверх-вниз красный огонек сигареты.

— Лоуренс, — сказал я. — Поймите одну вещь: у нас не больница, а недоразумение. Помните последний город, который попался вам по дороге в часе езды отсюда? Вот там и находится настоящая больница. Туда люди обращаются в случае болезни. К нам не обращается никто. Здесь ничего нет. Вы попали не по адресу.

— Не верю.

— Постарайтесь поверить.

Красный уголек на миг замер, а затем снова закачался — вверх-вниз, вверх-вниз…

— Но те, кто получают травмы, острые больные — разве они не нуждаются в помощи?

— Подумайте сами, что у них ассоциируется с этим местом. Отсюда приходили солдаты. Здесь жил их марионеточный диктатор. Они ненави-

дят этот город.

— А-а… политика, — сказал он. — Но ведь все это в прошлом. И уже не имеет значения.

— Это совсем недавнее прошлое, Лоуренс. Прошлое, которое еще не прошло.

— Меня оно не касается. Я врач.

Я молча лежал, наблюдая за ним. Спустя несколько минут он погасил сигарету о подоконник и вышвырнул окурок в окно. Затем пробормотал пару слов, которые я не расслышал, всплеснул руками, вздохнул и погрузился в сон. Почти мгновенно. Его тело обмякло. Он громко, размеренно посапывал.

Я же заснуть не мог. Мне уже много лет не приходилось ночевать в одной комнате с другим человеком. И тут я вспомнил — и сам подивился почему, ведь этот парень мне никто, — что когда-то, в давно прошедшие времена, испытывал тихое умиротворение от того, что рядом со мной в темноте спит кто-то еще. Тогда мне казалось, что ничего отраднее и быть не может. Теперь же чужое ровное дыхание по соседству вселяло в меня тревогу, настороженность и даже какое-то беспочвенное раздражение. Не знаю, сколько часов миновало, прежде чем мои отяжелевшие веки все-таки сомкнулись.

II

Уже долгое время нас было всего семь: Техого и кухонная обслуга, доктор Нгема, супруги Сантандер и я. Когда-то дела обстояли иначе. Я еще застал докторшу-индуску — она давно уехала — и белого врача из Кейптауна — он женился и эмигрировал. Имелось также четыре или пять медсестер и фельдшеров, но всех, за исключением Техого, перевели в другие больницы или отправили на переподготовку. Диспропорция между нашей численностью и реальными потребностями района в медицинской помощи была слишком велика. Когда кто-то уезжал, взамен никого не присылали. Оставшиеся немедленно придумывали, как заполнить опустевшее место, — так осажденные затыкают пробоину в стене мешками с песком. Мы крепили оборону больницы, стараясь оттянуть неизбежный крах.

Именно поэтому приезд Лоуренса поверг всех в крайнее замешательство. Появление нового сотрудника не поддавалось рациональным объяснениям. Услышав от доктора Нгемы, что в нашу больницу направлен на годичную общественную

службу какой-то молодой врач, я поначалу счел, что это шутка. Об общественной службе я уже слышал: новая идея правительства, попытка обеспечить персоналом медицинские учреждения по всей стране. Но чтобы наше захолустье подпало под эту программу…

— Зачем это? — спросил я. — Нам люди не нужны.

— Знаю, — сказала она. — Я никаких заявок не подавала. Он сам сюда попросился.

— Сам? Но зачем?

— Понятия не имею, — произнесла доктор Нгема, ошарашенно разглядывая полученный факс. — Фрэнк, выбора у нас нет. Придется его куда-нибудь пристроить.

— Ну, ладно, — сказал я, пожав плечами. — Меня это не коснется.

Доктор Нгема со вздохом подняла глаза:

— Боюсь, что вас-то и коснется. Мне придется подселить его к вам.

— Как?

Такого оборота событий я никак не ждал. Увидев мое смятение, она поспешила добавить:

— Фрэнк, это ненадолго. Когда Сантандеры уедут, я переселю его на их место.

— Но… у нас же целый коридор свободных ком-

нат. Почему он не может жить там?

— Потому что ни в одной нет мебели. Кровать я еще могу подыскать, а вот стол, стулья… Надо же ему на чем-то сидеть. Пожалуйста, Фрэнк. Я знаю, это сложно. Но кто-то же должен пойти на компромисс.

— Но почему я?

— Кого еще просить, Фрэнк?

Отвечать было нечего. И все же одно возражение я подыскал. В дальнем конце коридора находилась еще одна подходящая комната.

— Техого, — заявил я.

— Фрэнк… Вы же знаете, это невозможно.

— Почему?

Она нервно заерзала в кресле, ее голос возмущенно зазвенел:

— Фрэнк… Фрэнк! Я-то что могу? Пожалуйста. Обещаю, я что-нибудь придумаю. Но не могу же я его просто выгнать!

— Зачем его выгонять? Почему бы им не поселиться вместе?

— Потому что… Техого, в отличие от вас, не врач. Два врача в одной комнате — это логичнее.

Доктор Нгема недоговаривала. С Лоуренсом Уотерсом меня объединял не только статус врача, но и цвет кожи. Раз мы оба белые, то и жить

должны в одной комнате.

Когда меня поутру разбудил будильник, Лоуренс, уже полностью одетый, сидел на краешке постели и курил.

— Я хочу познакомиться с доктором Нгемой, — тут же выпалил он.

— Пожалуйста. Но вам придется чуть подождать.

— Пойду к ней в кабинет. Вам не обязательно меня провожать, я сам доберусь.

— Ее там еще нет — сейчас только шесть утра. Расслабьтесь! Успокойтесь, черт подери! Идите примите душ, что ли.

— Душ я уже принял.

Я вошел в ванную. Пол был мокрый. С двери свисало сырое полотенце Лоуренса. Раковина заляпана щетиной и кремом для бритья. Пока я прибирал за соседом, настроение у меня испортилось. Выйдя, я окунулся в синее марево его табачного дыма и разозлился еще больше. Лоуренс с потерянным видом ходил из угла в угол, задумчиво попыхивая сигаретой. Когда я закашлялся, он загасил окурок о подоконник, совсем как вчера, и выбросил на улицу.

— Не делайте так больше. Уже весь подоконник прожгли.

— Пепельницы нет. Я искал.

— Я не курю. Купите ее себе сами.

— Свинская привычка, я знаю, надо бросить. — Он лихорадочно заметался по комнате, а затем снова бухнулся на кровать. — Вы готовы?

— Лоуренс, мне нужно одеться. К чему такая спешка? Торопиться некуда.

— Правда?

Я медленно оделся, наблюдая за ним. Он не знал покоя: останавливал на мне взгляд и тут же отвлекался на какую-нибудь произвольную мелочь внутри комнаты или за окном. Казалось, его безо всяких на то причин переполняет какая-то неуемная тревога. Со временем я хорошо изучил эту черту его характера, но в тот первый день она показалась мне странной и небезобидной.

Наконец я собрался.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Пойдемте. Только, Лоуренс… ваш белый халат. Халатов мы здесь практически не носим.

Он немного опешил, но халата не снял. Я запер дверь, и мы прошли по тропке под густыми кронами. Солнце светило все ярче. Я чувствовал, что Лоуренса неодолимо притягивает главный корпус — дирекция, все официальное, — но решительно поволок его в другом направлении,

завтракать. Столовая была в третьем корпусе, под одной крышей с кухней. Там же находилось общежитие кухонного и технического персонала, к тому времени почти опустевшее. Мы вошли в длинный зал, разгороженный надвое: одна половина служила уголком отдыха, а в другой стоял большой прямоугольный стол, накрытый грязной скатертью.

Я представил Лоуренса Сантандерам — Хорхе и Клаудии. Они так и подскочили от неожиданности.

— Вы… приехали сюда работать? — спросил Хорхе.

— Да, общественная служба. Я здесь на год.

— Простите, — переспросила Клаудия, — как вы сказали? Что за служба?

— Правительственная программа, — пояснил я. — Все выпускники медицинских факультетов должны пройти общественную службу. После получения диплома.

— А-а… Да… — бормотали Сантандеры, не спуская с Лоуренса изумленных глаз: на их памяти несколько человек уволилось из больницы, но они впервые видели, чтобы кто-то устраивался сюда работать.

Возникла пауза. Когда я и Сантадеры остава-

лись с глазу на глаз, всегда ощущалась взаимная неловкость, но сегодня это чувство усилилось из-за Лоуренса: за столом он ерзал, не столько ел, сколько нервно крошил тосты. Несколько раз пытался начать разговор, произнося наудачу какие-то фразы, но все они повисли в воздухе. Мы сидели молча. Слышалось лишь постукивание ложек о тарелки да смех поваров за стеной, на кухне. Наконец Сантандеры, учтиво извинившись, ушли.

Лоуренс и я остались наедине. Одновременно принялись рассматривать уголок отдыха: стол для пинг-понга, черно-белый телевизор, стопки старых журналов и коробки с настольными играми.

Мне показалось, что Лоуренс начинает осознавать, куда именно его занесло. От маниакальной энергии, снедавшей его утром в комнате, не осталось и следа. Отодвинув тарелку, он снова закурил, но почти не затягивался — просто сидел, глядя в пространство. Вокруг его пальцев обвивались струйки дыма.

Затем мы вместе отправились в главный корпус. Там никого не было, хотя дежурство Клаудии Сантандер еще официально не закончилось, да и Техого теоретически полагалось находиться

на посту. Дожидаясь доктора Нгемы, мы молча сидели и пили кофе. Здесь, в ординаторской, медленно, капля по капле, утекли годы моей жизни, пропитанные кофейной горечью. На стене висели часы — умолкшие, сломанные. Стрелки навеки приросли к циферблату, показывая без десяти минут три. За время, прошедшее с моего приезда сюда, в комнате изменилось лишь одно: прибавилась доска для дартса. Как-то в воскресенье я перенес ее сюда из уголка отдыха и повесил на дальней стене, надеясь, что игра поможет мне скоротать время. Но дротик можно метнуть считанное количество раз: один, два, три… десять… а затем понятие «цель» полностью теряет смысл.

Доктор Нгема явилась пунктуально, ровно в девять, чтобы совершить обход. И так каждый день, даже когда — на практике почти всегда — в больнице не было ни одного пациента. Всякий раз находилось что обсудить, хотя бы один пустяк, хотя бы одна формальность, бюрократическая или техническая тонкость. Но сегодня — по воле случая — нам предстояло осмотреть двух пациентов.

Доктор Нгема остановилась на пороге, косясь на ослепительно белое пятно — халат Лоуренса. Он встал, заулыбался, протягивая ей руку:

— Лоуренс Уотерс.

Доктор Нгема озадаченно пожала руку:

— Да-да-да… Ну конечно. Когда вы приехали?

— Вчера. Вчера вечером. Я хотел сразу к вам явиться, но Фрэнк сказал…

— Я подумал, что уже поздно, — пояснил я. — Посоветовал подождать до завтра.

— Вот-вот, — сказала доктор Нгема. — Вот-вот.

И энергично закивала.

Повисла пауза. Лоуренс, широко улыбаясь, выжидающе застыл перед нами. Его лицо сияло. Очевидно, он полагал, что дело наконец-то сдвинулось с мертвой точки. Прочее — приезд, ночевка, разговоры со мной, — было лишь подготовительным этапом. Теперь же он предстал перед начальством. Сейчас он получит ответственное задание, которое придаст его жизни смысл…

Но доктор Нгема на него не смотрела, а, сдвинув брови, оглядывалась по сторонам.

— Где Техого? — спросила она.

— Не знаю. Еще не появлялся.

— А-а… Что ж… Хорошо. Приступим?

Я шел рядом с ней, а Лоуренс — позади. В пустом здании наши шаги отдавались гулким, солидным эхом. Оба пациента лежали в первой

палате — единственной, которая действительно функционировала. Она находилась совсем рядом с ординаторской и напротив операционной, где мы осматривали пациентов и производили все хирургические вмешательства. Дверь операционной была заперта. Дверь первой палаты не запиралась никогда. Все как в нормальной больнице: два ряда коек, занавески, тусклые лампы дневного света.

Мы сгрудились вокруг койки первого пациента — парня лет двадцати двух, нелегального иммигранта. Из-за близости границы к нам попадало много таких больных. Эти люди преодолевали огромные расстояния пешком, без еды и денег, а затем рисковали жизнью на нейтральной полосе. Парню повезло — он лишь обгорел на солнце, стер ноги и получил сильное обезвоживание. От обезвоживания мы лечили его внутривенными вливаниями. Дела явно шли на лад. С нами пациент не разговаривал — только испуганно таращил глаза.

— Давление сто тридцать на восемьдесят. В котором часу Техого заполнил его карту?

— Понятия не имею.

— Пусть указывает точное время. Минута в минуту. Передайте ему, хорошо? Фрэнк, темпера-

тура у него что-то высоковата. Но жидкий стул появился. Что скажете?

— На следующее утро попробуем дать ему твердую пищу.

— Я того же мнения. Скажете и об этом Техого, хорошо?

— Конечно.

— Когда, по-вашему, его можно будет выписать?

— Прогресс налицо, — сказал я. — Послезавтра.

Доктор Нгема кивнула. Мы не были друзьями — у нее вообще не было друзей, — но на людях она никогда не забывала поинтересоваться моими мнением. Мы с ней, так сказать, сработались.

Все перешли к койке другого пациента, точнее, пациентки. Эту женщину с острой болью в животе пару дней назад привез ее муж. Аппендикс уже разрывался. Доктор Нгема не мешкая удалила его. Изо всех неотложных состояний мы предпочитали аппендицит: легко распознается и легко лечится средствами, не выходящими за пределы наших технических возможностей.

Большую часть хирургических операций в нашей больнице делала доктор Нгема, хотя рука у нее была далеко не твердая, да и глаз, на мой взгляд, не слишком острый. По некоторым лич-

ным причинам я стремился зарекомендовать себя как хирург, но мне доверяли лишь простейшие операции. Я досадовал, но виду не подавал — протест мог бы обойтись мне слишком дорого. За годы, проведенные здесь, я проглотил много обид.

Взять хоть сегодняшнее утро. Я с первого взгляда заметил, что состояние пациентки оставляет желать лучшего: вздутый живот, общая слабость. Но упоминать об этом на обходе не стал — это было бы не к месту и не ко времени. Дело было даже не в том, что доктор Нгема болезненно относилась к критике. Нас обязывали отправлять пациентов с осложнениями в ближайший город, до которого был час езды, — в крупную больницу с хорошим оснащением и квалифицированным персоналом. Но это делалось лишь в крайних случаях — ведь, расписываясь в своем бессилии, мы фактически признавали, что не окупаем даже свой скудный бюджет.

— Давайте последим за ней повнимательнее, — сказал я.

Доктор Нгема, помедлив, кивнула:

— Хорошо.

— Негерметичность культи, — произнес Лоуренс.

Мы оба уставились на него.

— Шов не герметичен, — сказал он. — Глядите. Живот вздут. Боль при пальпации. Запускать нельзя.

Воцарилась тишина, которую нарушало только хриплое дыхание женщины на койке.

— Лоуренс, — сказал я.

Это прозвучало как окрик. Я и впрямь хотел поставить его на место, но по существу вопроса мне было нечего возразить. И я, и доктор Нгема сознавали: правда на его стороне. Замечание Лоуренса было настолько очевидным, что нам стало совестно.

— Да, — сказала доктор Нгема. — Да. Полагаю, нам всем это ясно.

— Какие будут рекомендации? — поспешно обратился я к ней.

— Отвезите ее сегодня же утром, Фрэнк. Я подменю вас на дежурстве. Лучше уж… да. Да-да. Давайте поступим так.

Она говорила спокойным тоном, четко выговаривая слова, но чувствовалось: ей это нелегко дается. Когда она внезапно повернулась на каблуках и зашагала к своему кабинету, я не пошел, как обычно, вровень с ней, а отстал на шаг. Лоуренс, однако, нагнал ее.

— Доктор Нгема, можно вас на минутку? — сказал он. — Я хочу знать, что я должен делать.

— Не понимаю…

— Каковы мои обязанности? — бодро спросил он. — Не терпится приступить, знаете ли.

Она ответила не сразу. Дошла до двери кабинета и только тогда обернулась:

— Поезжайте с Фрэнком, — распорядилась она. — Вам будет полезно.

— Хорошо.

— Да, — сказала она, — Фрэнк очень опытный врач. Вы можете многое перенять… у опытных людей.

На моей памяти доктор Нгема ни с кем еще не говорила таким резким тоном, но он словно бы ничего не заметил. Увязался за мной, как щенок, в кабинет, где за столом сидел Техого и мрачно разглядывал сучки на деревянной столешнице.

— Я отвезу женщину с аппендицитом в ту больницу, — сказал я. — Техого, пожалуйста, указывайте в картах время. Другой пациент, тот, молодой, с завтрашнего дня может есть твердую пищу.

— Хорошо, — откликнулся Техого, не поднимая глаз.

Он произнес это так, словно дал мне свое ми-

лостивое соизволение. Вечная кислая мина на его лице никогда не вытеснялась проявлениями других эмоций, в том числе удивления, но даже Техого на миг опешил, когда мой новый сосед ринулся к нему, приветливо протягивая руку:

— Здравствуйте, очень рад познакомиться. Я Лоуренс Уотерс.

Я ушел с головой в рутинные хлопоты. Выехали мы незадолго до полудня. «Скорая» у нас была одна-единственная — ржавый драндулет. Штатный водитель давно уволился. На вызовах за руль садился кто-нибудь из врачей. Мы поставили носилки с женщиной в задний отсек. Я сел за руль, ожидая, что Лоуренс займет переднее сиденье рядом со мной. Но он забрался в кузов вместе с пациенткой и с неусыпным вниманием наклонился к ней, точно хищник над добычей.

— Не заслоняйте ей свет, — сказал я. — Пусть полежит спокойно.

— Простите. Простите.

Он пристыженно перебрался на сиденье. Я вгляделся в его широкое лицо, отраженное в зеркале. Складка между бровей, казалось, никогда не разглаживалась, словно он постоянно ломал голову над каким-то проклятым вопросом.

Я молча включил зажигание и выехал из ворот.

Мимо поползли безлюдные городские кварталы, обескураживающие своими просторами. Затем к обочинам по обе стороны подступил буш — мы выехали на дорогу, ведущую к автостраде. В горячем воздухе очертания листьев расплывались, так что лес казался сплошной неприступной стеной. Дорога петляла по предгорьям и невысоким холмам. Среди зарослей всегда было душно и жарко. Здесь мирно сосуществовали две крайности: выжженная трава и изумрудная зелень речных берегов.

Впервые оказавшись здесь, я влюбился в этот ландшафт, пышный и плодородный, щедро дарующий жизнь всем существам. Здесь ни одно место не пустовало. Сплошной ковер ветвей, шипов, листьев, на котором отчетливо различались тонкие линии — тропки животных и излюбленные пути насекомых. Буйство цветов и ароматов. В свободное время я только и делал, что бродил по бушу — наслаждался ощущением, что где-то совсем рядом бьется могучее сердце природы. Но прошло некоторое время, и все, что раньше пленяло, повернулось ко мне иной, тайной стороной. Отныне цветение и жар лишь удручали, казались какими-то зловещими. Здесь ничего нельзя было сохранить, ничто не оставалось неизменным.

Железо начинало ржаветь, ткань — гнить, яркая краска выцветала. Попробуй расчистить в лесу поляну — через две недели ее уже не найдешь.

Вдоль автострады местность была уже иной: лес не такой густой, признаки людского присутствия попадались все чаще. То с одной, то с другой стороны шоссе виднелись деревни — хижины с коническими соломенными крышами и узорчатыми, расписными стенами. Земля вокруг хижин плотно утоптана. Кто-нибудь да провожал нашу машину взглядом — дети, или праздно сидящие старики, или корпящие над какой-то работой мужчины. Женщины с мотыгами, возившиеся на крохотных, с лоскуток, огородах, разгибали спину, чтобы посмотреть нам вслед.

Через полчаса мы подъехали к эскарпу, откуда шоссе серпантином поднималось в гору. Эскарп с его крутым и высоким откосом знаменовал собой границу между бывшим хоумлендом и миром современной индустрии. В пейзаже стал преобладать другой цвет, темно-зеленый, благодаря присутствию сосен, посаженных ровными рядами. С откоса ненадолго открылся вид на оставшуюся позади равнину — бронзовый слиток, замшелый и волнистый. А затем вокруг раскинулась саванна.

До города с крупной больницей, куда мы ехали, оставалось недалеко — нужно лишь свернуть с автострады на боковую дорогу. Даже в часы полуденного зноя, когда окрестные улицы растомленно дремали, у ворот больницы наблюдалось несуетливое оживление: подъезжали и трогались машины, входили и выходили люди. Хотя состояние пациентки не было критическим, я направился в отделение экстренной помощи. Там работал врач, с которым я часто имел дело, — Дю Тойт[2], самоуверенный молодой парень ненамного старше Лоуренса. Сегодня он как раз дежурил — я предварительно поговорил с ним по телефону. Все бумаги Дю Тойт заполнил загодя и теперь вышел мне навстречу, язвительно усмехаясь:

— Еще одну нам сплавляете? В чем дело, не удалось совсем заморить?

— Предоставлю это вам.

— Если вдруг соскучитесь по настоящей работе, не стесняйтесь, обращайтесь к нам — что-нибудь придумаем. Долго еще собираетесь гнить в своей дыре?

---

[2] Примечания: 2

Дю Тойт — эта столь экзотическая, казалось бы, фамилия весьма распространена в Южной Африке. Ее носят потомки французских гугенотов, бежавших от гонений.

— Столько, сколько понадобится, — сказал я, в сотый раз расписываясь на знакомом бланке и глядя, как пациентку увозят на каталке.

Всякий раз, когда я привозил больных, Дю Тойт ворчливо подкалывал меня, а я парировал.

Дю Тойт с интересом уставился на Лоуренса:

— Недавно устроились? Я-то думал, у вас там от лишних избавляются, а смотрю: новых стали брать.

— Я приехал сюда на год, — пояснил Лоуренс. — Общественная служба.

Дю Тойт сморщил нос:

— Вот уж не повезло! Короткую соломинку вытянули?

— Нет, нет, я сам захотел сюда поехать.

— Ага. Ага. Ничего, время незаметно пролетит. — Дю Тойт хлопнул Лоуренса по плечу и обернулся ко мне: — Хотите пообедать?

— Спасибо, но мне пора ехать обратно. Дежурство. Как-нибудь в следующий раз.

Когда мы вышли из больницы, Лоуренс сказал:

— Противный тип.

— Да нет. Человек как человек.

— Избалованный. Высокого мнения о себе. Но врач из него никакой, это же видно.

На гребне эскарпа я притормозил у знакомого

придорожного ресторана.

— Зачем это вы? — спросил Лоуренс.

— Вот хочу перекусить. Вы разве не проголодались?

— Я так понял, мы на дежурстве… А знаете, — сказал он с умудренным видом, — вы нарочно отказались обедать с тем типом. Вам он тоже не по душе.

Мы сели за столик и пообедали, наблюдая за другими посетителями. На этом участке автострады преобладали фуры дальнобойщиков, едущих к границе или обратно. Шоферы часто останавливались выпить и поесть в этом ресторане. Мне нравились лица этих мужчин. Их не омрачало то мучительное самокопание, которое не дает покоя врачам никогда, даже в нерабочее время. Шоферов вела по жизни путеводная нить — бесконечная лента шоссе.

— Вот она какая, — внезапно сказал Лоуренс, — та больница. Та, куда все обращаются.

Я энергично кивнул:

— Она самая.

— Это в нее все вкладывается. Персонал, деньги, оборудование — все уплывает туда?

— Да.

— Но почему?

— Почему? Каприз истории. Еще несколько лет назад на карте неподалеку от места, где мы с вами сейчас сидим, была черта. По одну сторону хоумленд: сплошные муляжи, все для блезира. По другую — мечта белого человека, все капиталы, все…

— Да, да, это-то я понимаю, — нетерпеливо прервал он. — Но теперь на карте нет черты. Так почему же нас к ним не приравняли?

— Не знаю, Лоуренс, — пожал я плечами. — Денег в казне недостаточно. Приходится выбирать, кому дать их в первую очередь.

— Значит, их потребности первоочередные, а у нас вообще потребностей нет!

— Вот именно. Начальство хотело бы закрыть нашу больницу.

— Но… но… — Скорбная складка на его лбу стала еще глубже. — Опять политика — правильно я понимаю? Куда ни кинь.

— Лоуренс, что ни возьми, всё — политика. Вот человек сидит в комнате один. Стоит войти второму — и уже начинается политика. Такова жизнь.

Мое замечание заставило его задуматься; он не раскрывал рта, пока мы не вышли из ресторана. Подойдя к «скорой», он внезапно объявил, что

хочет сесть за руль.

— Вы серьезно?

— Что-то захотелось. Ну пожалуйста, Фрэнк, дайте я попробую. Мне интересно.

Я перебросил ему ключи. Не успели мы выехать с автостоянки, как я осознал: он крайне осмотрительный, медлительный, аккуратный водитель. Это совершенно не вязалось с его взвинченностью и нервозной речью. Но такова уж была натура Лоуренса — масса противоречий, нагромождение мелких недостатков и загадочных умолчаний, которые никак не складывались в четкую, логичную картину.

День клонился к вечеру. У подножия эскарпа уже сгущался сумрак; когда мы снова выехали на солнцепек, стало заметно, как удлинились тени. Шоссе, прямое, как стрела, тянулось к горизонту — туда, где находилась граница. Минут через двадцать я сказал ему:

— Сверните на обочину.

Решение я принял импульсивно, но тут же осознал, что оно зрело во мне весь день, с раннего утра. Или еще дольше.

— Что?

— Вот здесь, у деревьев.

У дороги росло несколько эвкалиптов. Поодаль

стояла маленькая деревянная хибарка. Еще дальше из-за небольшой горки выглядывали крыши — там находилась деревня.

— Но зачем?

— Просто посмотрим.

Тут он заметил вывеску и прочел ее вслух:

— «Сувениры, поделки народных мастеров».

— Посмотрим, чем тут торгуют.

У хибарки был уже припаркован какой-то автомобиль. К нему как раз направлялась супружеская пара — громогласные, демонстративно дружелюбные американцы. В руках они несли двух деревянных жирафов. В дверях, улыбаясь американцам, стояла продавщица. При виде меня улыбка на миг погасла и тут же блеснула вновь, но уже какая-то кривая, вымученная.

Продавщица крикнула вслед американцам:

— Приятного отдыха вам!

Ей было немного за тридцать. Узкая в кости, но сильная. Лицо широкое, открытое. Заношенное красное платье. Босые ноги.

Пройдя мимо нее, мы оказались в сумрачной лавке. Неказистые стеллажи с поделками — бусами, плетеными ковриками и корзинками, вырезанными из дерева фигурками животных, игрушками из проволоки. Африка на экспорт,

растиражированная и расфасованная на потребу туристам. Что-то типа комнатных пальм. Написанное от руки объявление со множеством орфографических ошибок извещало, что здесь представлены изделия народных мастеров всех деревень района. Мы прошлись вдоль полок, разглядывая товары. В лавке было очень душно.

— Какая… — начал было Лоуренс. Осекся.

— Какая что?

— Какая нищета!

Машина отъехала, и продавщица вернулась, растирая руки.

— Добрый день, как поживаете? — произнесла она, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Нормально, — сказал я. — А вы?

— Хотите купить что-то?

— Мы просто смотрим.

Лоуренс, мучительно морщась, озирался.

— Это ваш магазин? — спросил он.

— Нет, я здесь только работаю.

— Кому он принадлежит?

Она махнула рукой в сторону двери. Кому-то там далеко.

— Тут очень мило.

Она улыбнулась, кивнула:

— Да, да. Добро пожаловать.

— Я хочу вам кое-что подарить, Фрэнк, — сказал он, показав мне неуклюжую деревянную рыбку.

— Двадцать пять рэндов, — сказала она ему.

— В знак благодарности. Спасибо, что взяли меня сегодня с собой. Я очень хорошо провел время.

— Да что вы, не нужно! Я ничего особенного не сделал.

— Я хочу вас отблагодарить.

— Двадцать, — сказала она.

— Я дам вам двадцать пять. — Он отсчитал деньги и вложил ей в руку. — Спасибо, у вас чудесный магазин. Как вас зовут?

— Мария.

— У вас чудесный магазин, Мария.

— Я тоже так думаю, — сказал я.

Лишь в этот момент, впервые после того, как я вошел в лавку, она обернулась прямо ко мне и сказала:

— Вы были слишком заняты.

Это не было вопросом, но я ответил:

— Э-э… ja, ja, я был занят.

Мы выехали из эвкалиптовой рощи. Я держал рыбку на коленях, ощущая кожей все бугорки и заусенцы на ее грубо обработанной поверхности. В лучах заката эскарп казался черной волной,

которая вот-вот разобьется о скалу.

— Вы тут не впервые, — сказал он.

— Да, я заезжал сюда, когда впервые здесь оказался. По дороге в больницу.

— Это же было несколько лет назад.

— Да.

Он опустил стекло, и нас овеял теплый ветер. Набирая скорость, мы ехали по вечерней равнине, и казалось, что все места, где мы побывали сегодня, тянутся за нами шлейфом. Они нанесены на карту, которую сможем расшифровать только мы. Это был хороший день, легкий, как перышко, и вдруг меня нокаутировал вопрос Лоуренса, внезапный, произнесенный светским тоном:

— Вы спали с этой женщиной?

— Что?

— Эта женщина из магазина… Вы с ней…

— Не повторяйте, я расслышал. Нет. Нет. Почему вы так подумали?

— Точно не скажу. Интонации…

— Что ж, я с ней не спал.

— Я вас обидел?

— Нет, я просто… удивился.

— Извините. У меня что на уме, то и на языке. Совсем не умею сдерживаться.

Остаток пути мы проехали молча. Когда мы

вернулись, уже сгущались сумерки — целый день прошел, срок моего дежурства истек. В ординаторскую я не пошел, но и в комнату не тянуло. Заняться было нечем. На месте не сиделось.

Ужинать Лоуренс отказался — сказал, что не голоден. Я отправился в столовую один. Но у меня тоже не было аппетита, и я, сам не зная почему, уселся в уголке отдыха перед телевизором — смотрел, отключив звук, на бессмысленное мелькание картинок, перебрасывал с ладони на ладонь шарик для пинг-понга. Во мне кипела злость. Вновь стали донимать вопросы, которые я давно уже отучился задавать. Прежняя тоска. Прежняя жажда. Мне трудно было усидеть на месте. Промучавшись час-полтора, я уронил шарик на пол и пошел на автостоянку. Свет в моей комнате горел, но внезапно, прямо на моих глазах, потух.

Вначале я ехал медленно, но затем нажал на газ. Я спешил, точно меня ожидало срочное и важное дело, а на самом деле катил черт-те куда с весьма сомнительной целью. Оставив машину на обычном месте, вернулся пешком к магазину. Она меня уже ждала — услышала мотор. Взяла за руку, ввела в хибарку, ненадолго отвернулась, чтобы запереть дверь — накинуть на гвоздь ве-

ревочную петлю. Тоже мне замок! Даже малого ребенка не остановит.

III

В разговоре с Лоуренсом я скорее слукавил, чем солгал, ведь, впервые проезжая через эти места по пути в больницу, я действительно заглянул в лавчонку. Я осматривал окрестности. Почему бы заодно не осмотреть и магазин? За прилавком стояла Мария. В красном платье — возможно, том же самом, что было на ней сегодня. Босая. Я обвел изумленным взглядом полки с фигурками животных. Она поздоровалась.

— Вам нужно купить слон, — сказала она.

— Нет, нет, я просто смотрю.

— Смотреть можно бесплатно.

— Да, да, — буркнул я.

А может быть, ни одна из этих фраз так и не прозвучала. А может быть, платье на ней было черное. Ничего не помню. Не могу восстановить в памяти даже ее лицо в тот первый день. Знаю только, что заезжал в магазинчик и наверняка ее видел, ведь, оказавшись там в следующий раз, почувствовал, что она мне смутно знакома. Она же узнала меня моментально, улыбнулась, спросила, как я поживаю.

Между этими двумя встречами миновало почти два года. Я отвез пациента в другую больницу, в хорошую, а на обратном пути обратил внимание на вывеску, прикрученную к придорожному дереву. Что-то разбередило мне душу — беззащитно-корявый почерк, чудовищные ошибки? — и я затормозил.

И тут — ее лицо, широкая улыбка:

— Как вы сегодня? Вам не грустно?

— Не грустно?

— В прошлый раз вам очень грустно.

Темно-синее ситцевое платье, настолько вытертое, что кое-где просвечивает голое тело. Запястья и щиколотки унизаны тяжелыми бусами.

— Как вас зовут?

— Я Мария.

— Нет, как ваше настоящее имя? Ваше африканское имя?

На ее лицо словно бы опустилось забрало. Она отвела глаза.

— Мария, — повторила она. — Мария.

Я прекратил расспросы. Имя ей не шло, не умещалось у нее на языке, но мне понравилось, с какой суровой решительностью она воздвигла между нами эту преграду. Внезапно мне показалось, что в этой женщине есть загадка.

Около двух часов я просидел в углу, на ящике, разговаривая с ней. На беседу это походило мало: вопросы задавал я, она же отвечала. «Кто вы?», «Откуда вы родом?», «Сколько вам лет?»… Я хотел узнать о ней все.

Здесь она работает три года. Эта тесная хибарка для нее — и кухня, и спальня, и ванная. Когда я спросил, где же ее пожитки, она указала на потрепанный чемодан, задвинутый под стеллаж. Показала мне свою постель: драное одеяло, аккуратно свернутое вчетверо. Ржавое ведро в углу — вот ее ванная. Она пояснила, что воду носит из деревни. Оттуда же ей доставляют еду.

Это ее деревня? Нет. Ее деревня далеко. Почему она здесь живет? Из-за лавки. Но почему лавка находится здесь? Так решил муж. Он выстроил эту лавку. Привез Марию и поставил за прилавок. Сам он ездит по деревням, забирает у мастеров резные фигурки и прочие сувениры и привозит сюда, а она торгует. Он живет с ней в лавке? Нет, в другом месте. Вон в той деревне? Нет, в другом месте, она точно не знает, где. Приезжает иногда, иногда. Давно ли она виделась с ним? Она показала шесть пальцев. Шесть часов, дней, недель?

Она изъяснялась, коверкая слова, призывая на помощь мимику, все время улыбаясь. Раз или два

рассмеялась своим мыслям. Я не мог оторвать от нее глаз. Меня зачаровал этот язык знаков и сигналов, замысловатая каллиграфия жестов — язык, словно бы изобретенный нами, только для нас двоих. Я никогда еще не бывал в таких чудесных местах, как этот квадратик утоптанного песка, огороженный полками с деревянным зверьем. Задолго до того, как в лавке совсем стемнело, меня обуяло желание перегнуться через прилавок и погладить ее по затылку. И я это действительно проделал. Хотя и не сразу. Ощутив прикосновение, она застыла точно каменная.

— Поедем со мной, — сказал я. — Куда-нибудь.

— Куда?

— Ко мне, — заявил я, наплевав на благоразумие.

Она покачала головой, попятилась, уворачиваясь от моей руки.

— Почему нет?

— Нельзя, — сказала она. — Нельзя.

Я слишком много себе позволил; теперь она держалась со мной настороженно, холодно. Неужели я с самого начала неправильно истолковал ситуацию… Но когда, смирившись, я поднялся, чтобы уйти, она внезапно сказала:

— Позже.

— Позже?

— Вы приходите после. После, когда лавка… — Она показала жестами «закроется».

— Во сколько?

— Восемь. Когда темно.

— Хорошо, — сказал я. — Я вернусь позже.

Я поехал в больницу, принял душ, побрился, переоделся. Во мне бродил высоковольтный заряд похоти, смешанной с отвращением к самому себе. Казалось, о свидании договорилось какое-то мое тайное «я», о существовании которого я дотоле не подозревал. Зачем мне это свидание? Какая муха меня укусила? Я не мог отделаться от мысли, что добровольно сую голову в капкан. Неизвестные мне люди уже сидят в засаде. Предчувствие шантажа, похищения, убийства не оставляло меня. Я вполне отдавал себе отчет в том, что в лавку ехать нельзя.

Но, дрожа от страха, поехал. Мария поджидала меня у дороги. Велела поставить машину подальше от хибарки, вон там, за кустами. Я вернулся к лавке пешком во тьме. Сердце гудело, как колокол. У нее тоже был испуганный вид, она озиралась, старалась затаить дыхание. Лампа не горела. Она взяла меня за руку и ввела в мир, где время отмерло, где память не находит вех, за

которые можно было бы зацепиться.

Всякий раз повторялось одно и то же. Распорядок, установленный нами в первую ночь, выполнялся неукоснительно: припарковаться в укромном месте за кустами, вернуться пешком к магазину, где ждет в дверях она. Накидывает петлю на гвоздь, и мы ложимся на рваное одеяло, расстеленное на земляном полу.

Никогда не раздеваемся догола. Торопливое соитие. Всякий раз — с примесью страха. Я и сам не знал, чего мы боимся, пока однажды она не назвала страх по имени, сказав:

— Завтра не приходите, нельзя.

— Почему нельзя?

— Опасно, опасно.

— Почему опасно?

— Мой муж.

Я должен был скрывать от него свои визиты. Очевидно, ради нее. Но по ее лицу я прочел, что он может причинить вред и мне. Распространяться на эту тему она не захотела. Следующей ночью я нарочно проехал мимо хибарки. И действительно, у магазина стояла машина. Белая легковушка. Какой марки, я не разобрал. Прямо у двери, на виду.

С той ночи я начал ощущать неотступное при-

сутствие ее мужа, человека с неразличимыми чертами лица, застывшего где-то у нее за спиной. Выждав с неделю, я снова приехал к ней. Спросил:

— Он вам на самом деле муж?

Она серьезно кивнула.

— На самом деле муж? Или просто друг? Вы действительно поженились? Вы женаты?

— Женаты, — подтвердила она, энергично кивая.

Установить, поняла ли она мой вопрос, было невозможно.

Обручального кольца она не носила, но это ничего не значило. Когда люди живут в такой нищете и убожестве, никакие обычаи не в счет. Она вполне могла заключить брак по обряду, не предполагающему колец. Как тут узнаешь? Мне это нравилось. Нравилось, что я о ней почти ничего не знаю. К нашим отношениям никак не подходило слово «роман» в его обычном понимании. Я впервые в жизни испытывал такое чувство — колдовское наваждение, вполне обходившееся без слов. Главное понималось и так или угадывалось по намекам. Конечно, после того как мой брак распался, у меня были женщины: пара мимолетных встреч, в больнице — недолгая

связь с Клаудией Сантандер… Но ночи в хибарке были явлением совсем иного порядка. Безмолвие. Такая отдача, что становится не по себе. Я не мог рассчитывать ни на что, кроме того, что ожидало меня в ночной хибарке, того, ради чего я и приезжал: примитивная мебель, жесткий земляной пол, запах ее пота — иногда слегка едкий, — когда я расстегивал на ней платье. И жаркие объятия в темноте — объятия вслепую.

Мы не были нежны друг к другу. Разве что иногда, и то по-своему. Я ласкал ее и гладил, но она меня — никогда. Целоваться тоже не позволялось. Когда я попытался, она резко отвернулась, проронила: «Нет, нет». Я спросил: «Почему?» Но она не стала объяснять — промолчала, и ее молчание меня вполне устроило. Так же как и невозможность какого-либо нормального общения с этой женщиной. Мы сходились, чтобы вместе сделать тайное, древнее как земля дело, а огромная пропасть между нами так и оставалась пропастью.

Иногда я приезжал не ради секса. Хотелось чего-то другого. Я просто ложился, прильнув щекой к ее плечу, положив ладонь на ее голую грудь под платьем. Обычно мы лежали так молча — в темноте слышалось только наше дыхание. И лишь однажды она заговорила со мной — произнесла

длинный ласковый монолог на своем языке. Я не понял ни слова, но ее голос нарисовал у меня в голове целую историю о ней и обо мне, только с другим местом действия.

Какое-то время у меня было две жизни: бесцельная, пустопорожняя днем, в больнице, и запретная, напряженная — ночью, в придорожной хибарке. Эти жизни никак не пересекались между собой. Мария очень долго не интересовалась, кто я такой и чем занимаюсь. А когда наконец спросила, я безотчетно солгал. Сказал, что я инженер, работаю в государственной организации, приехал сюда по контракту на два года. Пояснил, что в данный момент кое-что делаю в больнице и потому иногда вожу «скорую». Сказал, что живу в городе, в муниципальной квартире, что у меня есть жена, она живет в столице, но часто меня навещает. Не знаю, зачем я ей наврал, — разве что из нежелания впускать ее в мою вторую, дневную жизнь.

Впрочем, я мог бы и не утруждаться. Она никогда не проявляла ни малейшего интереса к другим сторонам моей личности; даже ближайший город для нее был все равно что другая планета. Я видел ее там лишь однажды. Как-то ехал по главной улице и заметил: по тротуару

идет она. В одиночестве. Притворившись, что не узнал ее, я свернул на следующем же перекрестке. Она никогда не заговаривала со мной об этой встрече — возможно, действительно меня не видела; но меня двое суток мучила совесть, я чувствовал себя предателем.

Но опять приехал в хибарку. Я возвращался туда снова и снова. Каждую ночь, когда я был свободен от дежурства, если только она не предупреждала меня: «Нельзя», я, точно покоряясь какой-то внешней силе, садился за руль и отправлялся к ней. И ее хибарка, самое хлипкое и ненадежное здание на свете, всегда оказывалась на месте, точно была выстроена на века.

Со временем то, что было между нами, тоже стало казаться прочным, осязаемым, имеющим под собой почву. Реальным. И тогда я струсил. Сказал себе: «Так дальше нельзя. Надо рвать». Не хотел чувствовать себя ответственным за чужую судьбу, ощущать, что я кому-то что-то должен. Чурался всего, за что однажды придется расплачиваться.

И тут она попросила у меня денег.

И в одно мгновение наши отношения резко переменились.

Она завела речь о деньгах как бы между про-

чим, когда я уже собирался уходить. Оделся, наклонился завязать шнурки и услышал:

— У меня просьба, пожалуйста.

— Какая просьба? — спросил я, уже зная, о чем идет речь, и осознал, что ждал этого момента с самой первой ночи.

— У меня большая проблема. Мой муж…

И она принялась рассказывать какую-то длинную, невнятную историю.

Я прервал ее:

— Ну, ладно, сколько тебе надо?

— Я прошу двести рэндов.

— Хорошо.

— Вы их даете?

— Да.

— Это только на время.

— Ничего, ничего, — сказал я. — Можешь не возвращать.

Тон у меня был небрежный. Мы оба говорили с такой интонацией, словно речь шла о пустяках.

И я стал время от времени давать ей деньги. Иногда по ее просьбе, иногда по собственной инициативе. И всякий раз, когда я вручал купюры, ощущение глобальной перемены возвращалось. Все не так, как прежде. Вокруг нас совсем иной ландшафт. И только тогда, задним числом, я

понял: не будь хибарки, мое существование в больнице было бы невыносимо. Наши прежние, бесплатные свидания придавали моей параллельной жизни смысл — пусть даже этот смысл до сих пор оставался мне неясен. Но пути назад не было. Прежняя, абсурдно-целомудренная атмосфера бесследно испарилась. Я стал во всем сомневаться. Меня донимали вопросы: что было у нее на уме в тот первый вечер, когда она велела мне вернуться позже? Я искал у нее покоя и утешения, но что, собственно, требовалось от меня ей? Неужели с самого начала она все затеяла ради денег?

Только теперь я увидел — увидел по-настоящему — то, чего не замечал до сих пор. Примитивная, тесная хибарка, песчаный пол, странные запахи — не просто экзотический антураж, помогающий мне отрешиться от дневных забот, а ее постоянное, единственное жилище. Она совсем нищая. У нее ничего нет. Монеты и купюры, которые я сую ей в руку перед тем, как выйти наружу, — символ безмерно широкой пропасти, которая нас разделяет. Разрыва в электрической цепи. Деньгами эту пропасть не замостишь, ибо деньги и есть пропасть. Друг о друге мы ничего не знаем.

Отныне в моей голове роились навязчивые

мысли. Днем я вспоминал те полтора-два ночных часа. И уже не мог понять, где правда, где ложь. Не верил ни одному ее слову. Сомневался даже в том, что она действительно живет в хибарке. Как знать, возможно, стоит мне уйти — и она отправляется ночевать в другое место. Я же никогда не оставался до утра. А муж? Существует ли он вообще? Его я в глаза не видел — только белую машину перед лавкой. Мало ли чья это машина! А если он и существует, этот призрачный, безликий человек, — знает ли он обо мне? Или именно он дергает за ниточки, управляя на расстоянии всем происходящим, контролирует каждую мелочь? Рассказывая о себе, я наврал ей с три короба, и эта безобидная, пустая ложь словно подтверждала: она платит мне той же монетой. Ведь лгать так несложно! Мало-помалу ее вздохи, ломаный английский, объяснение жестами — все стало казаться притворством, фальшью. Возможно, она отлично понимает каждое мое слово. Я сам сознавал, что это домыслы безумца. Но моя подозрительность и недоверчивость не знали предела, как и, откровенно говоря, моя бесчестность.

Я начал ездить туда днем. Говорил себе, что поступаю как должно: вижусь с ней в нормаль-

ной обстановке, при дневном свете. Но на самом деле я попытался за ней шпионить, вызнать, кто она на самом деле. Но так ничего и не выяснил. Долгими часами, иногда в полном безмолвии, я просиживал на деревянном ящике. В лавке вечно толклись посторонние: проезжие, туристы, направляющиеся к границе или в охотничьи заказники. Все они останавливались поглазеть на товары, иногда что-то покупали. Из деревни за взгорком приходила женщина — приносила еду или чай в щербатых эмалированных мисках и кружках; увидев меня впервые, она испуганно шмыгнула прочь, но Мария, должно быть, ей что-то втолковала, и впоследствии женщина всегда задерживалась в лавке — присаживалась, поглядывала на меня со смущенной улыбкой. По-английски она не знала ни слова.

А потом все закончилось. Как и в истории с моим браком, установить переломный момент было невозможно. Просто какие-то непреодолимые свойства обстоятельств и наших собственных характеров постепенно возобладали. Мое странное влечение, вскормленное ночью и безмолвием, превратилось в заурядную дневную интрижку, такую же реальную, как и моя жизнь.

В итоге я перестал ее навещать. Выбирался

все реже — сначала раз в неделю, потом раз в две недели. Потом сам не заметил, как пролетел целый месяц. И внезапно вся эта история отошла для меня в прошлое. Иногда я проезжал мимо, не останавливаясь, — просто хотелось увериться, что хибарка никуда не делась. Однажды вновь увидел перед ней белую машину и испытал первый неподдельный приступ ревности. Но даже это не заставило меня отправиться к Марии. Я говорил себе: «Надо бы… как-нибудь… непременно… Вот только еще чуть-чуть выжду, еще пару месяцев, чтобы все неладное забылось. И тогда приеду — как прежде, в ночи, молча. И все у нас будет так, как в самом начале». Но «чуть-чуть» затянулось надолго. Прошел год, полтора года… И я осознал, что никогда уже туда не вернусь.

А потом поехал этой дорогой вместе с Лоуренсом Уотерсом, при совершенно иных обстоятельствах, и все получилось как бы само собой.

IV

На следующее утро после того, как Лоуренс приступил к своим обязанностям, доктор Нгема пригласила меня в свой кабинет для разговора. Мы уселись в низкие кресла перед ее письменным столом — это означало, что беседа неофициальная и останется между нами.

Доктор Нгема внешне напоминала птицу: высохшая, неизменно серьезная, какая-то нахохленная женщина лет шестидесяти двух — шестидесяти пяти. Вслух мы обращались друг к другу запросто, по имени, но про себя я неизменно называл ее «доктор Нгема». Из этого легко заключить, в каких отношениях мы находились. Она занимала должность главного врача больницы, то есть была моим непосредственным начальством. Однако по капризу обстоятельств я обрел статус ее будущего преемника. Итак, нас связывала хрупкая, замысловатая паутина закулисных интриг.

В эту больницу я первоначально прибыл для того, чтобы принять дела у доктора Нгемы. Должность главврача мне предложили в момент,

когда я переживал жизненный кризис: мой брак распался, практиковать на прежнем месте я не мог, хотелось изменить все разом. Переезд в захолустье показался мне счастливым шансом, осуществлением всех моих чаяний.

Первое время я был уверен, что все складывается наилучшим образом. Доктор Нгема собиралась перейти на новую работу в столице, в министерстве здравоохранения. Здесь, в этой больнице, она отработала лет десять-одиннадцать после того, как вернулась в Южную Африку. Большую часть жизни она провела за границей как политическая эмигрантка. Доктор Нгема вовсе не собиралась застрять в этой глуши, вдали от всего и вся, но и в центр не торопилась: прежде чем устремляться в гущу событий, надо было осмотреться, понять, откуда ветер дует. И вот ее время пришло. Ей оставалось лишь подыскать замену на свою прежнюю должность. И она выбрала меня. Как я потом узнал, соискателей было всего четверо. Комиссия по приему на работу состояла из одного человека — самой Рут Нгемы. Во мне она увидела то, чего искала. Что же? Неведомо.

Итак, поначалу все шло хорошо. Я перебрался сюда загодя, за месяц, чтобы перенять у нее опыт. Но спустя неделю или две после моего приезда

должность, на которую доктор Нгема рассчитывала, внезапно оказалась для нее недоступной: что-то сместилось в механизме власти. А значит, не стало и вакансии, которую должен был занять я.

Я мог бы уехать. Передо мной извинились, предложили выходное пособие. Я мог бы вернуться восвояси, к руинам моей прежней жизни. Но я решил остаться. Доктор Нгема утверждала, что место, на которое она претендует, в самом ближайшем будущем освободится снова, и если я останусь здесь работать, то, разумеется, автоматически стану первым в очереди. Я ей не верил, но предпочел поверить. «Потерплю немного, год или два, — сказал я себе, — успею еще задуматься о будущем».

Но год или два превратились в шесть или семь, а я по-прежнему был здесь. Время от времени до доктора Нгемы доходили новые слухи, и она, приободрившись, восклицала: «Наконец-то! Мне вот-вот сделают официальное предложение!» Но эти восторги всякий раз кончались ничем, оставалось лишь смиряться и таить разбитые надежды. Вины доктора Нгемы тут не было. Чаши весов беспрестанно колебались, и потому любая наша беседа, даже самая невинная, имела второй

смысл, была полна скрытого напряжения.

Сегодня она желала поговорить о Лоуренсе. Его вчерашний поступок — тот факт, что он при мне утер ей нос, блеснув познаниями, — ей крайне не понравился. Она решила его спровадить, но, разумеется, не собиралась высказывать свои намерения напрямик.

— У меня сложилось ощущение, что ему нужна не совсем такая больница, — начала она. — Для людей его типа у нас здесь слишком тихо.

— Я того же мнения, — сказал я.

— Фрэнк, почему бы вам не устроить для него экскурсию? Покажите ему все. Пусть увидит, что его ожидает. И если после этого он захочет перевестись в другое место, я, наверно, смогу ему как-то помочь.

— Хорошо. Без проблем.

— Разумеется, если он хочет остаться здесь, добро пожаловать. Поймите меня правильно. Идею общественной службы я полностью одобряю. Я всей душой за перемены и новаторство, вы это знаете.

— О да, — подтвердил я. — Знаю.

Перемены и новаторство. Одна из ее коронных фраз. Излюбленная мантра. Пустые слова. Рут Нгема была готова из кожи вон лезть, чтобы

избежать перемен и увильнуть от новаторства, — мало ли что повлекут за собой эти новшества… Но сегодня я был с ней солидарен: я знал, чего она хочет, а она понимала мои чувства.

— И если он уедет, вы снова будете полностью располагать своей комнатой, — добавила она. — Так будет легче для всех нас.

Итак, я организовал для Лоуренса экскурсию. В роли гида я ощущал себя странно. Я прожил здесь так долго, что смотрел и ничего не замечал вокруг. Но сегодня увидел все свежим взглядом, точно впервые. Я провел Лоуренса по больнице. Вся ее жизнь была сосредоточена в одном крыле главного корпуса. В прочих помещениях делать было нечего. В проемах распахнутых дверей виднелись палаты — ряды голых, призрачных кроватей, разделенных зелеными занавесками. Административные помещения располагались на втором этаже. Первый по коридору кабинет, находившийся непосредственно над центральным входом, занимала доктор Нгема. В приоткрытую дверь мы увидели ее за столом; склонившись над бумагами, она сосредоточенно писала, но тут же подняла голову и многозначительно улыбнулась нам. Дальше шли сплошные пустые комнаты, где не было даже мебели. Они

простаивали без дела, понапрасну дожидаясь людей, жизни, хлопотливой суеты.

Больнице скоро исполнялось десять лет, но она по-настоящему так и не была достроена. Постоянно что-нибудь да мешало. Строительство затеял первый премьер-министр хоумленда, но едва были возведены корпуса, как произошел военный переворот, и работа встала. Чтобы возобновить усилия, потребовалось еще года два. Но вскоре далеко отсюда, там, где была сосредоточена истинная власть, правительство белых наконец-то капитулировало, и всем снова стало не до больницы. Потом хоумленд упразднили, вновь присоединив его территорию к метрополии. После этого роль больницы и ее будущее вообще оказались под вопросом.

Итак, больница существовала как бы в вечных сумерках, на полпути между бытием и небытием. Это скопление зданий, как и все постройки в городе, мало-помалу приходило в упадок. На крыше проклюнулась трава. Розовые стены — почему их выкрасили в такой цвет, никто не знал — под воздействием климата приобрели светло-оранжевый оттенок. Сад, окруженный высокой стеной, зарос бурьяном. Ночью светилось лишь несколько окон.

Наша жизнь — жизнь тех немногих, кто здесь еще оставался, — представляла собой беспрестанные метания между двумя крайностями: штилем и бурей. Были долгие промежутки монотонного бездействия, когда ничего не происходило и больница пустовала. Но вдруг начиналась кутерьма: посреди ночи привозили раненого, окровавленного человека. И мы бросались на помощь. Однако, честно говоря, наши возможности были крайне ограничены. Не хватало оборудования, лекарств и просто денег. Или, если быть точным, не хватало многого необходимого, меж тем как склад был забит ненужными вещами. У нас имелись большие запасы средств, которые мы применяли редко; между тем поставки жизненно важных лекарств были заморожены, поскольку какая-то вышестоящая инстанция вовремя не погасила колоссальную задолженность. Так, имелся целый шкаф презервативов, хотя в нашей профессиональной практике в них надобности не было. Зато такие средства первой необходимости, как вата, стерильные перчатки и рентгеновская пленка, вообще не поставлялись — все заявки оставались без ответа. Был аппарат искусственной вентиляции легких, современный, с микропроцессором, и еще

кое-какое реанимационное оборудование — вот только электричество часто отключали, а наш автономный генератор дышал на ладан. Однако временное правительство области, несмотря на все наши мольбы, отказывалось выделить деньги на его ремонт. Мы уже привыкли проводить срочные операции при свете фонариков.

Жилой корпус был в ужасном состоянии. Пройдя до конца коридора, можно было попасть в пристройку, которая, по идее, должна была соединяться с главным корпусом и проектировалась по его подобию: внизу палаты, наверху кабинеты. Но эта пристройка была подчистую разграблена. Лишь кое-где валялись остовы железных кроватей да свисали с карнизов обрывки занавесок. Все, чему можно было найти хоть какое-то применение, вынесли. В санузлах сорвали со стен раковины, вывинтили краны. Трубы висели на соплях. В некоторых комнатах даже гнездились птицы, проникавшие внутрь через разбитые окна. Воркование голубей отдавалось в тишине странным эхом. На полу белели звездочки помета.

Проходя по этому заброшенному, медленно агонизирующему зданию, мы оба молчали. Дойдя до конца коридора, до двери, ведущей на авто-

стоянку, мы замерли. За окном виднелся вконец заросший газон между корпусами. Тени листьев плясали у нас на щеках.

— Вы, наверно, такого не ожидали, — сказал я.

— Да.

— Вы не обязаны здесь оставаться. Если вы попросите перевести вас в другую больницу, доктор Нгема наверняка…

— В другую? — удивленно переспросил он. — Но я хочу работать здесь.

Я посмотрел на него. Впервые — непредвзятым взглядом. Тощий, нескладный, очень высокий. Белесая челка. Плоское, беззащитное лицо. Черты неказистые, заурядные, но было нечто особенное, сквозившее во всем его облике. Эту необычность я подметил еще в первую секунду знакомства, но подыскать ей название не мог.

— Почему вы сюда приехали? — спросил я.

— Вы же знаете почему.

— Нет, я имею в виду, почему сюда? Вы захотели, чтобы вас направили в эту больницу. Специально сюда попросились. Почему?

Он снял очки. Протер их рукавом. Заморгав тусклыми серыми глазами, обернулся к окну.

— Я слышал, что это крохотная больница. Что у нее множество проблем.

— Не понимаю. По логике вещей, от таких больниц нужно держаться подальше. Зачем самому себе портить жизнь?

В эту тему он вдаваться не захотел. Надел очки, указал рукой в сторону окна, где над кронами деревьев виднелся самый высокий холм за городской окраиной.

— Глядите! Что это такое?

— Раньше там жил Бригадный Генерал.

— Бригадный Генерал? Кто это?

— Вы серьезно?

— Ja. Я обязан его знать? Он чем-то прославился?

— Он произвел военный переворот и сверг правительство хоумленда.

Любопытство, мелькнувшее на его лице, тут же куда-то делось, точно выключателем щелкнули. Лоуренс завертел головой, опять нахмурился.

— Столько тут… — произнес он. — Неужели все так и развалится? Какие-нибудь меры предпринимаются? Или больница так в этом состоянии и будет?

— В этом состоянии вряд ли… Ее растащат по кусочкам. Уже почти все вынесли и разворовали. Сами видите.

— Какая мерзость! Кто этим занимается?

Я пожал плечами:

— Дверь не заперта. Заходи кто хочешь, бери что хочешь.

Меня этот факт не очень-то беспокоил, но на лице Лоуренса выразилось неподдельное смятение. Он оглядывал грязный коридор, подмечая все увечья: зияющие дыры на месте розеток и плинтусов, разлохмаченные концы обрезанных проводов. Недоуменно покачал головой:

— Зачем? Куда это девается?

— В округе полно бедняков. Они все пускают в дело.

— Но она же существует для них! Это их больница.

— Пойдите и скажите им об этом.

Казалось, он вот-вот зарыдает. Он сморщил лоб, воюя с дилеммой, которая была для него неразрешима. Положив руку ему на плечо, я сказал:

— Пойдемте-ка отсюда. Здесь слишком мрачно.

— Почему никто ничего не предпринимает?

— А что тут предпримешь?

Мы развернулись и пошли назад по этой странной гробнице, оставляя отпечатки подошв на пыльном полу, вспугивая голубей. Выйдя наружу, я сощурился под горячим солнцем и сказал:

— Что ж, вот такая у нас больница.

— И это все?

— Хотите прокатиться на машине? Посмотрим город.

У него был крохотный синий «фольксваген-жук», еще более дряхлый и потрепанный, чем мой автомобиль. Я подивился, что за рулем «жука» он смотрелся совершенно естественно. Он вдруг раздухарился и уже мало напоминал серьезного молодого врача в белом халате.

— Ну, Фрэнк, куда? — спросил он. — Говорите мне, куда ехать.

Мы медленно двигались по главной улице — единственной заасфальтированной в городе, — мимо пустых магазинов с пустыми полками. Правда, некоторые все же торговали. Работал небольшой супермаркет, в этот час — жара! — почти покинутый людьми. В зале скучала единственная кассирша. Охранник перед входом с невероятной медлительностью обмахивался своим форменным кепи. Проводил нашу машину равнодушным взглядом, точно она проехала не у него под носом, а на экране телевизора. На главной площади, величественно возвышаясь над полуразрушенной, растрескавшейся чашей фонтана и бурым овалом газона, стоял в своей неизменной позе бронзовый человек. Одну руку

он прижимал к бедру, а другой решительно указывал вперед, на светлое будущее бушвелда[3]. Его ноги понемногу покрывались зеленой патиной.

— Вот опять Бригадный Генерал, если вам интересно.

— Где?

— Я про статую.

— А-а. Вижу.

— Хотите расскажу вам о ней одну историю?

Но, как и в прошлый раз, искорка интереса в его глазах уже потухла — к миру, в котором жил Лоуренс, история статуи не имела ни малейшего отношения. И я не стал ему рассказывать, как вскоре после приезда сюда пошел прогуляться по окрестностям города. В те времена меня переполняла беспричинная злость на весь мир, и я, прихватив рюкзак и палатку, часто совершал долгие, безрассудные вылазки в буш. Обычно я брел куда глаза глядят — мне было без разницы. Однажды, пробираясь по сильно заросшему оврагу за северной окраиной города, я натолкнулся на нечто металлическое, огромное, вросшее в песок. Казалось, оно свалилось с неба. Это оказался потемневший бюст размером с автомашину. Лишь

[3] Примечания: 3

Бушвелд — невозделанные степные просторы, покрытые кустарником, аналог лесостепи.

очистив его от лиан и бурьяна, я опознал предыдущего премьер-министра хоумленда. Отлитый в бронзе лик впечатлял своим благородством. Что ж, портрет был создан еще до военного переворота, до того, как на премьера были заведены двадцать четыре уголовных дела по обвинению в коррупции и он ударился в бега.

Лишь спустя несколько дней я сообразил, что этот бюст раньше стоял на главной площади, на том же пьедестале, где теперь находится статуя Бригадного Генерала. Мне живо представилась толпа ликующих солдат, набросившихся на бюст с топорами, цепями и монтировками. Не знаю уж, как его доставили туда, на дно оврага, но в тот момент бюст показался мне отрубленной головой железного исполина, чей торс наверняка валяется где-то неподалеку. Больше я в этот овраг не захаживал.

Я показал Лоуренсу нелепый купол здания парламента, которое стояло с заколоченными дверями. Показал библиотеку, куда так и не привезли ни одной книги. Школу, где не состоялось ни одного урока. Микрорайоны со служебными квартирами для всех, кто должен был сюда съехаться для работы в административных учреждениях и в сфере услуг. Некоторые, правда,

съехались. Но рабочих мест так и не нашлось. Потом в городе стало неспокойно, и в итоге люди тихо покинули его. Здесь застряла лишь горстка служащих. Иногда я встречал их на улицах — жалкие фигурки, затерянные посреди необитаемых просторов, обряженные в нелепую униформу.

Достигнув окраины, шоссе вдруг обрывалось, словно обрезанное по линейке. Здания замерли у незримой черты, за которой начиналось царство буша — бурые травяные пустоши с муравейниками и колючим кустарником. На горизонте темнела полоска леса.

У конца шоссе Лоуренс остановил машину и долго сидел, вглядываясь в знойное марево. Как давеча в грязном коридоре пристройки, на его лице выразилось смятение.

— Что нам теперь делать? — спросил он.

В его голосе мне послышалась нотка отчаяния.

— Хотите выпить?

— Но где?

— В городе есть бар.

— Правда?

Он поглядел на меня косо — должно быть, заподозрил насмешку. Но я говорил всерьез. В заведении Мамы Мтембу было очень мило. В любое время бар кишел людьми. Попадая туда из

безлюдного города, ты словно бы оказывался в другом мире. Отсидев положенное время на службе, туда стекались все. В тот день мы устроились в крохотном дворике бара, под бугенвиллией. Чувство пустоты, праздности, затерянности в глуши — все это осталось снаружи. Нам было комфортно, как в любом городе мира, в безымянной счастливой стране. Грязные пластмассовые столы, унылые лица завсегдатаев — подумаешь! Главное, что вокруг людской гам и суета, упоительная иллюзия общности, обволакивающая, как море.

Мама Мтембу была необыкновенно тучная, старая женщина. На людях она всегда появлялась в одном и том же цветастом платье. Ее щербатый рот постоянно улыбался. И неспроста! Ведь Мама Мтембу владела единственным коммерческим предприятием в городе, которое процветало. Вначале она открыла в этом здании гостиницу, но по очевидным причинам дело не пошло. Два этажа с номерами стояли пустые, как и наша больница. Вся жизнь сосредоточилась внизу — в баре и во дворике.

Хозяйка, приветливая и потная, подошла, чтобы вытереть наш столик засаленной тряпкой.

— Как вы сегодня, мистер доктор?

Хотя я часто появлялся в баре и вдобавок прожил в ее отеле две недели, когда впервые здесь оказался, Мама Мтембу так и не выучила моего имени.

— Хорошо, Мама. А вы?

— По-прежнему, по-прежнему. Кто ваш друг?

— Его зовут Лоуренс Уотерс. Он врач, приехал работать в нашей больнице.

— Добро пожаловать. Принести вам пива?

Когда она отошла, он спросил:

— Почему вы зовете ее Мама?

— Ее так все называют.

— Но почему?

— Не знаю. В знак симпатии, наверно. Или уважения. Не знаю.

Окинув взглядом людей во дворике, он заметно расслабился. Здесь хорошо сиделось: одновременно наслаждаешься тенью и солнцем, до ушей доносятся, замысловато переплетаясь, чужие разговоры. После того как Мама принесла холодное пиво и мы сделали по первому долгому глотку, Лоуренс со вздохом произнес:

— Помните, вы спросили меня в больнице, почему я захотел сюда поехать?

— Да.

— Я хотел бы вам объяснить. Но не уверен, что

вы поймете. Все остальные — другие студенты, я хочу сказать, — просто старались устроиться туда, где комфортнее. Они в принципе не хотели идти на общественную службу. Очень злились. Но если служба неизбежна, надо пройти ее где получше: недалеко от дома, в хорошей больнице. Так они рассуждали. На дело им плевать.

— А вы?

— Я сказал себе: не стану брать с них пример. Найду самую маленькую больницу в самом глухом месте. Не буду себя щадить.

— Но почему?

— Не хочу быть таким, как все. — И он тревожно вытаращился на меня через очки. Моментально отвел глаза. — Почему? — повторил он. — Вы считаете, я поступил как дурак?

— Нет. Но вы сделали красивый символический жест. Чего вы этим добьетесь?

Неторопливо, взвешивая каждое слово, он ответил:

— Я хочу, чтобы от моей работы была польза.

— Значит, вы хотите работать, — заметил я. — Однако вы приехали туда, где часто приходится сидеть сложа руки.

Он надолго призадумался, закусив губу.

— У вас всегда так? — спросил он наконец. — Не

может быть. Не верю.

— Почему же не может?

— Все можно изменить.

— Каким образом?

— Перемены совершаются людьми, — сказал он. — Все, что один человек сделал, другой может переделать.

— Ну, вы идеалист, — сказал я.

Вообще-то я хотел сказать: «Вы еще молоды». И предостеречь: «Долго не выдюжите».

— Да, — радостно кивнул он, не заметив моего неодобрения, отхлебнул пива. Снова посерьезнел. — А знаете, Фрэнк, — сказал он, — вы мне симпатичны.

Я смолчал. Мне стало неловко. Однако, честно говоря, он тоже стал мне симпатичен. После нескольких часов общения я вдруг ощутил, что уже не могу на него по-настоящему злиться.

И потому разозлился еще больше.

V

С самого начала я воспринимал Лоуренса как двоих людей, не имевших между собой ничего общего. Один, наглый узурпатор, сопровождал меня неотступно, как тень: маячил у меня перед глазами, когда я просыпался, ходил со мной в столовую и на работу, хозяйничал в моей собственной комнате. Другой, мой верный спутник, выслушивал мои излияния, скрашивал тоскливую обыденность, утоляя мой эмоциональный голод и потребность в собеседнике.

И потому в обществе Лоуренса я и сам раздваивался на двух Фрэнков — темного и светлого. Темный злобно косился на оккупанта. Светлый, уставший от одиночества, был признателен Лоуренсу за компанию.

Мне давно уже не приходилось жить бок о бок с кем бы то ни было. С Карен, моей женой, у нас была общая спальня, но двое мужчин в одном помещении — это, разумеется, совсем другое. Теснота, две койки… Казалось, я вновь оказался в армии. Но наши отношения не регулировались уставом, навязанным извне. Правил вообще ни-

каких не было. Просто два разных характера в одной клетке.

Он был неряха. После того первого дня так и не исправился: бросал одежду как попало, не подтирал воду в ванной. Я за ним прибирался, а он словно бы и не замечал. Даже после того, как я купил в супермаркете пепельницу и демонстративно выставил ее на стол, он продолжал швырять окурки в окно. Я был готов на стену лезть.

Но у него случались приступы аккуратности и собранности. Он внезапно решал, что нужно подмести в одном отдельно взятом углу или отмыть кусок стены. Тогда он с фантастическим энтузиазмом принимался драить и скрести, а достигнув цели, удовлетворенно откидывался на спинку стула и закуривал, стряхивая пепел на ковер.

Однажды, войдя в комнату, я увидел, что он переставляет мебель. Журнальный столик, торшер и шкаф стояли на новых местах. Хуже от этого не стало, перестановка ничего не изменила, но я почувствовал прилив возмущения, словно этот пришелец осквернил мой дом.

— Вам не стоит слишком уж привязываться к этой комнате, — заметил я. — Вы здесь лишь временно.

— В каком смысле?

— Вам не долго осталось здесь жить. Когда Сантандеры уедут, доктор Нгема даст вам их комнату.

— Ах, вот как! — изумился он. — Я не знал.

Но мебель так и осталась на новых местах, и через несколько дней я полностью с этим свыкся. Вскоре он сменил занавески и повесил на стену пару плакатов. Я снова разозлился, но уже не так сильно. Когда же он устроил у изголовья своей кровати этакий мини-храм в честь своей любимой, меня это почти не задело.

На подоконнике он расставил несколько фотографий миниатюрной, коротко остриженной темнокожей женщины, а между ними разложил какие-то камешки, браслет и засушенный листок. Очевидно, эти мелочи много для него значили.

— Как ее зовут?

— Занеле.

— Где вы познакомились?

— В Судане.

— В Судане?

Мое изумление ему польстило:

— Ну да. Я год путешествовал по Африке, после того как получил диплом. В Судане задержался дольше всего.

— А что она там делала?

— Она доброволец. Участвовала в программе борьбы с голодом. Для нее смысл жизни — в общественной работе.

Все это он произнес небрежным тоном, но, как я подметил, к подобным вещам он относился весьма серьезно. В такие моменты он возбуждал во мне любопытство. Казалось бы, человек простой, бесхитростный, а вот поди ж ты…

— А где она теперь, ваша девушка?

— В Лесото. Она перебралась в Южную Африку, чтобы быть поближе ко мне, но потом заинтересовалась одной гуманитарной организацией… — Он умолк. Его лицо просияло. — Такой уж она человек.

Он гордился своей девушкой. Гордился тем, что она, такая замечательная, остановила свой выбор на нем. Но в их отношениях было нечто странное. По-видимому, ему было легче любить ее издалека, превращать роман в четко выверенный ритуал: всматриваться в фотографии, обмениваться письмами… Они писали друг другу регулярно, раз в неделю. Я знал ее почерк по конвертам: буковки прямые, четкие, решительные. Полная противоположность его неразборчивым, неуверенным каракулям. Тем не менее возни-

кало ощущение, что их любовь — всего лишь конверты, снующие через границу, да храм на подоконнике, сооруженный для проформы.

Кроме портретов девушки, на подоконнике стояла еще одна фотография. Изображение немолодой сухопарой женщины с темными волосами, собранными на затылке. Женщина раздвинула губы в улыбке — вероятно, фотограф попросил, — но получилось что-то похожее на сердитый оскал.

— Ваша мать?

Он поспешно покачал головой:

— Сестра.

— Ваша сестра? Но, судя по фото, она…

— Намного старше? Да, да, я знаю. Я поздний ребенок. В определенном смысле она мне как мать. Она меня вырастила после гибели родителей.

— Простите, я не знал.

— Ничего, ничего. Дело давнее. — И он рассказал мне, как его отец и мать двадцать пять лет тому назад погибли в автокатастрофе. — Я их не помню — я был еще младенцем.

Сестра, тогда двадцатилетняя, взяла его к себе и вырастила. Они жили в бедном районе унылого прибрежного городка, о котором я никогда в жизни не слышал. Впервые Лоуренс выехал за

пределы города, когда был удостоен стипендии для обучения на медицинском факультете.

Все эти подробности он сообщил мне беспечной скороговоркой, точно нечто маловажное. Но я почувствовал, что он придает им очень большое значение.

Я сказал:

— Я тоже рано потерял мать.

— Да?

— Мне было десять лет. Так что я ее помню. Она умерла от лейкемии.

— Потому-то вы и стали врачом, — заключил он.

Это было утверждение, а не вопрос.

Я опешил:

— Не думаю.

— В какой момент вы осознали… по-настоящему осознали, что хотите стать врачом?

— По-моему, у меня такого момента не было.

— Никогда?

— Никогда.

— Но почему?

— Не знаю, — сказал я. — Просто обошлось без этого.

Он улыбнулся:

— Свой момент я запомнил. В точности.

Так уж он был устроен — считал, что все на свете происходит в соответствии с каким-то предвечным планом. Из своего момента откровения он сделал связную историю и никогда не уставал сам себе ее рассказывать.

— Мне было двенадцать. Мои родители покоились на кладбище неподалеку от нашего дома, и сестра много раз обещала как-нибудь сводить меня на могилу. Но она не спешила выполнять обещание. И я решил пойти один. Я проходил мимо каждый день, видел множество крестов, торчащих из земли. И вот однажды я просто вошел в ворота и начал искать родителей. Я шел и шел по кладбищу. День был жаркий. Я не знал, что бывает столько мертвых людей сразу. Ряд за рядом, без конца и края. Пройдя один ряд, я переходил к следующему. Все искал и искал, но родителей нигде не было. Я разревелся. Просто не смог с собой совладать. И тогда ко мне подошел один черный. Это был старик, который работал на кладбище. Он носил форму — какую-то одежду наподобие белого халата. У него был список людей, похороненных в этом месте. И карта. Но и он не смог найти моих родителей.

— Но почему?

— Не знаю. Я назвал ему имя моего отца — Ри-

чард. Но он сказал, что Ричарда Уотерса на карте нет. Я плакал, плакал и никак не мог успокоиться. Он был ко мне очень добр. Отвел меня в контору, напоил чаем. Поговорил со мной о том о сем. Немного оправившись, я пошел домой. Меня встретила сестра.

— Вы ей рассказали, где были?

Он опустил глаза:

— Ja. И в этот момент… Не могу объяснить. Она тоже меня обласкала: обняла, успокоила, сказала, что когда-нибудь мы навестим могилу вместе. Но в моей голове все перемешалось: ее нежность, чернокожий старик…

— Его белый халат, — подсказал я. Дал понять, что тоже кое-что смыслю в дешевой психологии.

— Белый халат, — задумчиво повторил он. — Да. Наверно, вы правы, Фрэнк. В тот самый момент меня осенило.

— Вы осознали, что должны стать врачом.

— Да. Не так однозначно, как вы формулируете, но… семя было заронено именно в тот момент.

— Из-за ваших родителей.

— Как я понял, у вас наверняка тот же случай. Ваша мать умерла. Мое решение тоже было связано с родителями. По-моему, Фрэнк, мы с вами очень похожи.

— Но у меня никогда не было такого момента, — сказал я.

— Видимо, вы его не помните, — сказал он. — Он был.

Переубедить Лоуренса, казалось, невозможно, но я-то знал: в моей биографии никогда не было такой определенной точки отсчета. Я никогда не чувствовал всем сердцем, что медицина мое призвание. Копаясь в себе, я видел лишь амбиции, замешенные на неуверенности, да мечту произвести впечатление на отца. Но вопрос, заданный мне Лоуренсом, донимал меня еще долго. Я жалел, что у меня не было такого момента истины, как у него. Лишь намного позднее, задним числом, я стал сомневаться, что история с прозрением на кладбище случилась на самом деле.

Сам Лоуренс больше не задавал мне этого вопроса, потому что у него было полно других.

Когда ему хотелось что-то узнать, он не знал удержу. Деликатных тем для него не существовало. Иногда мне становилось жутко. И все же я, сам не зная как, открывал ему то, чего никогда в жизни ни с кем не обсуждал.

Например, рассказывал о своем браке. Вот тема, на которую я не собирался откровенничать даже с самым близким человеком. Не из-за

ее гипотетической мучительности — болевую чувствительность в этой области я давно уже утратил. И все же мой брак оставался моим личным делом, моей тайной. Но Лоуренс спустя одну или две недели знакомства взял быка за рога:

— Я смотрю, вы еще носите обручальное кольцо.

— Ну так я еще женат.

— Правда? Но где же ваша жена?

Не прошло и минуты, как я выболтал ему все щекотливые подробности: что Карен сбежала с Майком, который со времен армии был моим лучшим другом, а после демобилизации стал еще и партнером по медицинской практике. Что теперь она живет с Майком и что процесс расторжения брака застопорился из-за моего бегства сюда, так что по документам мы покамест муж и жена.

— И когда все это завершится?

— Не знаю, — сказал я. — Месяцев через шесть, наверно. Недавно она активно взялась за дело, и процесс сдвинулся с мертвой точки. Кажется, они хотят поскорее выехать за границу.

— Она снова собирается замуж?

— Полагаю, для того ей и понадобился развод.

— За этого типа? Вашего армейского друга?

— За Майка? Ja, она по-прежнему с ним. Гово-

рит, что он ее любовь на всю жизнь.

— Фрэнк, он никогда не был вашим другом, — торжественно провозгласил Лоуренс. — Настоящий друг никогда бы так с вами не поступил.

— Да, Лоуренс, я это сознаю.

— Я никогда бы так не поступил. Никогда на свете.

— Похвально.

— Я не стал бы больше носить кольцо, — сказал он. — Почему вы его носите, Фрэнк?

— Не знаю, — сказал я. — Привычка.

Но золотой блик на моем пальце был скорее символом, чем привычкой. Я спрятал его, сжав руку в кулак.

Уверяя: «Я никогда бы так с вами не поступил», Лоуренс имел в виду, что он мне настоящий друг. Полагаю, он воспылал ко мне симпатией чуть ли не с первого дня знакомства. Но эта привязанность не была взаимной. Для меня Лоуренс был просто соседом по комнате, человеком, который временно вторгся в мою жизнь, нарушив ее устоявшийся уклад.

И все же я поймал себя на том, что провожу с Лоуренсом много времени. Отчасти не по своей воле — в комнате или на работе мне было некуда от него деться. Но и в часы досуга — почти бес-

сознательно — мы стали составлять друг другу компанию. Игра в пинг-понг стала для нас вроде ритуала. Раньше я никогда не засиживался в уголке отдыха — очень уж уныло там было. Но оказалось, что перекидываться пластмассовым шариком и бессвязными замечаниями даже приятно. Наши разговоры обычно походили на пинг-понг: пустопорожние, бесцельные. Способ скоротать время.

Иногда мы вдвоем отправлялись в буш. Я уже много лет не ходил в походы, но теперь они возобновились. Не помню уж, кому принадлежала идея — мне или ему, но именно он раздобыл большую карту нашего района. Обычно карта висела на стене над кроватью Лоуренса, но хотя бы раз в неделю он снимал ее и размечал маршруты на выходные. Прихватив сандвичи и пиво, мы бродили по тропам. Я показывал ему то, что запомнил по давним прогулкам, водил по живописным местам. В буше мы обычно чувствовали себя привольно, хотя Лоуренса всегда немного нервировала дикая природа.

По вечерам мы все чаще и чаще захаживали к Маме Мтембу. Конечно, посещения бара не были мне в новинку — мало ли я там бывал! Но раньше я появлялся у Мамы от случая к случаю и долго

не засиживался; по вечерам в баре становилось, по моим меркам, слишком тесно и дымно. Как правило, туда сбредались все свободные от дежурства сотрудники больницы; вынужденное панибратство за кружкой пива было выше моих душевных сил. Но теперь, в обществе Лоуренса, атмосфера бара почему-то казалась мне более гостеприимной.

У Мамы Мтембу в нерабочее время служебная иерархия ничего не значила. Повара Темба и Джулиус были на равных с Хорхе и Клаудией. Иногда за столик запросто подсаживалась даже доктор Нгема, хотя ее присутствие вносило легкую ноту неловкости. Сам я никогда до конца не расслаблялся, но, отчасти переняв незакомплексованность Лоуренса, стал держаться не так отчужденно, как раньше.

Однажды утром после очередных ночных посиделок в баре я оказался в столовой наедине с Хорхе. Добродушно посасывая свой ус, он сказал:

— Этот молодой человек… ваш друг… Он хороший молодой человек.

— Кто? Лоуренс? Он мне не друг.

— Не друг? Но вы везде вместе.

— Доктор Нгема подселила его ко мне в комнату. Но я не так уж хорошо его знаю.

— Он хороший молодой человек.

— Не сомневаюсь. Но пока еще он мне не друг.

Меня почему-то коробило, что между мной и Лоуренсом ставят знак равенства. Слово «друг» ассоциировалось у меня с определенными вещами. Майк был моим другом, пока не сбежал с моей женой. С тех пор я не обзаводился новыми друзьями. Не хотел никого подпускать к себе близко.

Но это слово звучало вновь и вновь. «Ваш друг сделал то-то». «Ваш друг был здесь». «Как там ваш друг?» И постепенно слово истиралось. Все меньше уязвляло мой слух.

— Вы уже поговорили с нашим новым другом? — спросила меня однажды доктор Нгема, когда мы вместе возвращались в жилой корпус.

— О чем? — переспросил я, искренне не понимая, что она имеет в виду.

Возможно, это недоумение свидетельствовало, как я переменился.

— Вы же знаете. Вы собирались показать ему больницу… обсудить вопрос о его направлении в другое место.

— Ах, да! Да, я с ним поговорил. Но ему здесь нравится. Он не хочет уезжать.

— Ну-ну. Это что-то новенькое, — сказала она.

Мы шли в ногу. Четыре подошвы слаженно втаптывали хрустящий гравий.

— Вы могли бы, — сказала она, помедлив, — слегка на него надавить.

— Вообще-то я ничего не имею против его общества.

— Действительно? Я правильно понимаю, что вам нравится делить свою комнату с соседом?

Это был совсем другой вопрос, никак не связанный с предыдущим.

— Нет, — сказал я. — Рут, если появится какая-то возможность… Комната Сантандеров, любая другая… Я был бы очень признателен.

— Буду иметь в виду, — сказала она.

Но я сознавал, что ничего не изменится: Лоуренс останется в моей комнате.

— Они не уезжают, — объявил он как-то, когда мы вместе дежурили в ординаторской.

— Кто?

— Сантандеры. Вы мне сказали, что они уезжают и я переберусь в их комнату. Но вчера я с ними говорил, и они сказали, что остаются здесь.

На деле все было куда сложнее, чем казалось ему. Я знал это наверняка, потому что подслушал часть этой вчерашней беседы. Пока я ужинал, Лоуренс, серьезно наморщив лоб, дискутировал с

Сантандерами в уголке отдыха. Мне стало любопытно, о чем разговор.

— Но почему именно в Южную Африку? — допытывался Лоуренс.

— Перспективы, — сказал Хорхе.

— Очень точно. Перспективы. Шанс что-то изменить собственными силами. Я думаю, в наше время на планете не так много мест, где это возможно.

— Да, да, — торжественно вторил Хорхе.

— Лучше платят, — сказала Клаудия. — Хороший дом.

— Ну, э-э… и это тоже. Но я имею в виду совсем другое.

— Что вы имеете в виду?

— Я считаю, что это только начало. Начало нашей страны. Прежняя история не в счет. Все начинается сегодня. Снизу. И потому я хочу быть здесь. Я не променяю это место ни на какую другую точку планеты — там мое присутствие или отсутствие ничего не изменит. Только здесь от меня что-то зависит.

Сантандеры были родом из Гаваны. Эти немолодые супруги прибыли сюда года два назад, когда министерство здравоохранения попыталось решить проблему острой нехватки персонала,

пригласив большую группу врачей из-за границы. Хорхе был обходителен и полноват. Острый ум сочетался в нем с добродушием. Его жена была весьма привлекательная для своих лет дама с легкой склонностью к истерикам. По-английски она объяснялась еле-еле. В прошлом году у меня была интрижка с Клаудией, и после разрыва она прониклась ко мне лютой ненавистью. Комната Сантандеров находилась по соседству с моей, и в последнее время по ночам оттуда все чаще доносились громогласные перебранки на испанском. Ни для кого не было тайной, что Клаудия хочет вернуться на родину, а Хорхе предпочел бы осесть здесь. Их брак треснул.

— Наша страна, — с жаром говорил Лоуренс, — держится на таких людях, как вы. На энтузиастах. На тех, кто стремится что-то изменить.

— Да, да, — повторял Хорхе.

— Они нам сказали: «Хороший дом, хорошая машина», — вставила Клаудия. — Но нам не сказали: «И Соуэто». О-ох, Соуэто!

Судя по интонации, на этих словах Клаудия театрально содрогнулась.

— Я охотно работал бы и в Соуэто, — сказал Лоуренс. — Но здесь лучше. Здесь самая нижняя точка.

Я немного знал о том, что Сантандеры думают о Соуэто. На пике нашего романа Клаудия излила мне свое горе. Сантандеров направили в Соуэто сразу после их приезда в страну. Они сами вызвались — возможно, как и Лоуренс, стремились что-то изменить собственными силами. Но то, с чем пришлось иметь дело в приемном покое, оказалось выше их сил. Бесконечный поток больных и потерпевших. Такого разнузданного насилия Сантандеры никогда раньше не видели. Субботними вечерами в приемном покое яблоку негде упасть: изрезанные ножами, раненные из дробовиков. Изуродованные. Ослепленные «розочками» из разбитых бутылок.

— Как война, — стенала Клаудия. — Снаружи — как большая война без конца!

И это вдобавок к обычной нагрузке врача в больнице, где и так еле справлялись с заурядными травмами и болезнями. Примерно через полгода Сантандеры попросили перевести их куда угодно и оказались здесь.

В определенном смысле именно из-за Соуэто началась моя связь с Клаудией. Однажды ночью, в первый месяц работы Сантандеров здесь, к нам поступила пациентка в критическом состоянии — жертва целой толпы. Односельчане избили ее,

изранили ножами и попытались сжечь заживо за то, что она была колдуньей. Было очевидно, что женщина при смерти, но все мы суетились вокруг нее как сумасшедшие, прилагая усилия для ее спасения. В конце концов она умерла. Из соседней больницы за телом приехала «скорая». После этого фиаско, в томительные часы предутреннего затишья Клаудия и я оказались в ординаторской наедине. Маска безразличия внезапно соскочила с ее лица и разбилась. Клаудия зарыдала. Ее трясло. Она выплеснула на меня накопленный за прошедшие месяцы ужас перед всем немыслимым, что она повидала в этой стране.

— Как люди могут так делать? — вопила она. — Как? Как?

Я обнял ее, чтобы успокоить. Она плакала, точно маленький ребенок. Я знал, интуитивно чувствовал, в чем причина: болезни нашей страны слишком запущены, клапаны расплавились. Гнев вырвался из-под контроля. Как я мог утешить Клаудию? Только обняв за плечи. Но затем утешение переросло в нечто совсем иное. Похоть, вскормленная горем, — очень сильное чувство. В ту первую ночь мы были как дикие звери. Так длилось несколько недель. Мы уединялись в пустующих палатах или в темных коридорах.

Бросив ездить к Марии, я начал страдать от внутренней опустошенности. В Клаудии я отчасти находил то, чего мне недоставало. Мне было нечего терять. Зато она сильно рисковала. Мы вели себя безрассудно. Нас могли застигнуть в любой момент. Мы не осмеливались встречаться разве что в моей комнате, ведь Хорхе был прямо за стеной.

Но по-моему, он знал. С тех времен между нами постоянно ощущалась какая-то напряженность и холодность. Впрочем, вполне возможно, что это ощущение навевала моя нечистая совесть. И лишь в самое последнее время, с появлением Лоуренса, напряжение немного ослабло.

— Нет, они уезжают, — сказал я ему теперь. — Дело решенное. Вопрос лишь в том, когда.

— Не думаю. Они замечательная пара. Самоотверженные люди.

— Самоотверженные?

— Да, они очень преданы стране. Заботятся о будущем. Обо всем.

— Не обольщайтесь, — сказал я. — Они никому не говорят, но все и так знают. Секрет Полишинеля.

— Хорхе мне сказал, что Куба — это дыра.

— Ja, не спорю, — сказал я. — Ситуация слож-

ная. Хорхе не хочет возвращаться, а она хочет. Из-за этого они постоянно ссорятся.

— Вы полагаетесь на то, что она возьмет верх.

— Она возьмет верх.

— Фига с два, — сказал он. — Кроме того, они не ссорятся.

— Разве вы их не слышали через стену?

— Нет. Определенно нет.

— И вообще, — отрезал я, — вы переедете не на место Сантандеров, а в комнату Техого.

— В комнату Техого?

Я выдумал этот вариант, не сходя с места. Но, едва сорвавшись с моего языка, слова обрели могущество непреложной истины.

— Да, — подтвердил я, — в комнату Техого. Ему все равно там жить не положено. Он скоро съедет.

— Куда он уезжает?

— Не знаю, — сказал я. — Какая разница!

Комнату Техого — крайнюю слева в нашем коридоре — полагалось занимать врачу. Но Техого был не врачом, а фельдшером. Строго говоря, он и фельдшером не был — не имел необходимой квалификации. Но в нашей больнице на него возлагались фельдшерские обязанности.

Техого появился здесь еще до меня. Когда я при-

ехал, он уже занимал ту же комнату, что и сейчас. Как он здесь оказался, мне так по-настоящему и не объяснили, — что-то связанное с давними беспорядками в хоумленде. Точно было известно лишь одно: все родные Техого — мать и отец, брат, дядя — были убиты по политическим мотивам. Кажется, семья состояла в дальнем родстве с самим Бригадным Генералом и убийства были совершены из мести.

В общем, темная история. Ясно было лишь то, что осиротевший Техого остался совсем один. Деваться ему было некуда. В то время он работал в больнице в качестве фельдшера-стажера, но экзамены всякий раз заваливал. Его держали в штате лишь потому, что других кандидатов не было. Жил он с родителями, каждый день приходил на дежурство из города. От смерти его спасло лишь то, что в роковой момент он находился в больнице. И теперь ему нельзя было возвращаться домой.

Доктор Нгема выделила ему комнату. Кажется, это была временная мера, пока Техого не встанет на ноги. Но он так здесь и застрял. Медсестры, фельдшера и санитары постепенно покидали больницу, а Техого брал на себя их обязанности. Теперь он оказался единственным человеком

на всю больницу, который умел или хотел выполнять черную работу — мыть и кормить пациентов, делать уборку, исполнять обязанности курьера и вахтера. Поскольку услуги Техого могли понадобиться в любую минуту, ему имело смысл жить тут же при больнице. Но возможно, были и другие причины. Если верить молве, сам Бригадный Генерал лично попросил доктора Нгему дать приют его юному родственнику.

Все это мне поведал другой белый врач, уволившийся несколько лет тому назад. Он был человек озлобленный, побитый жизнью, и я не придавал большого значения его россказням. Однако доктор Нгема явно принимала в судьбе Техого куда большее участие, чем полагалось начальнице. Она относилась к нему заботливо и даже заискивающе. На собраниях из кожи вон лезла, чтобы вовлечь его в дискуссию, приглашала его к себе в кабинет для бесед по личным вопросам, а однажды попросила меня взять его под опеку.

Я попытался. Но сблизиться с Техого было нелегко. Он всегда ходил мрачный, надутый, сосредоточенный на угрюмой тьме, которую носил в себе. Друзей у него, по-видимому, не было, за исключением одного юноши, который часто приходил к нему из города. Я старался не

обижаться на Техого: разумеется, гибель всей семьи его ожесточила. Но, честно говоря, он мало походил на жертву. Он был молод и красив, всегда одет щегольски, с иголочки. Носил в одном ухе серьгу, а на шее — серебряную цепочку. Он откуда-то получал деньги, но эта тема никогда не обсуждалась. Нам полагалось обходиться с ним как с несчастным, обездоленным Техого, помнить о его израненной душе. Забавно, какое могущество крылось в его беспомощности. Он не разговаривал — лишь неохотно выдавал какие-то междометия, да и то не по собственной инициативе, а вместо ответа на обращенный к нему вопрос. Он никогда не выказывал ни малейшего интереса к моей жизни, а его жизнью заинтересоваться было трудно. Уже много лет он был лишь молчаливым обитателем темного конца коридора, безмолвной фигурой в углу на общих собраниях. Я почти перестал его замечать.

Но теперь, с появлением Лоуренса Уотерса, мне пришлось вспомнить о Техого. Я обратил на него внимание, потому что он занимал комнату врача — комнату, где полагалось жить Лоуренсу. Но Лоуренсу я сказал неправду: об отъезде Техого не могло быть и речи. Переезжать ему было некуда.

— А-а… Что ж, — сказал Лоуренс, — странный

он человек, этот Техого. Я пытаюсь с ним разговаривать, но он очень…

— Да, да, знаю.

Помолчав, он с потерянным видом произнес:

— Мне нравится жить вместе с вами, Фрэнк.

— Действительно? — Мне стало стыдно; стыдно не только за ложь, но и за свою досаду. — Что ж, все это еще неточно.

— Вы так думаете?

— Вероятность есть, — сказал я. — Возможно, никто из нас так никуда и не сдвинется.

VI

Лоуренс не мог долго усидеть на месте. Его вечно распирала неуемная, какая-то бестолковая энергия. Если он не мерил комнату шагами, дымя сигаретой, то шатался по больничной территории, ко всему присматриваясь, обо всем расспрашивая. Почему стены покрашены в розовый цвет? Почему так плохо кормят? «Почему», «почему», «почему» — ну прямо маленький ребенок! Но с этим свойством уживалась предприимчивость взрослого человека, жаждущего перемен.

Как-то ранним вечером, возвращаясь в комнату, я увидел, что он возится с дверью в конце коридора.

— Что это вы делаете?

— Помогите-ка.

Он пытался приделать к дверной ручке замок с цепочкой. Скоба отсутствовала, и другой конец цепочки было не к чему прикрепить — разве что к пустому кронштейну для огнетушителя на стене. Сам огнетушитель либо вообще никогда здесь не висел, либо давно был украден.

— Проще было бы раздобыть ключ от двери, — сказал я ему.

— Ключа нет. Я уже искал. Доктор Нгема разрешила мне перепробовать все запасные.

— А зачем вы, собственно, хотите запереть дверь?

Он вытаращил глаза:

— Вы же знаете. Сами видите, что здесь творится.

Я не сразу сообразил, что он говорит о воровстве из заброшенной пристройки.

— Но замок же старый. Да и что он изменит?

— Что изменит? — Он неуверенно улыбнулся. — Вы серьезно спрашиваете? Нельзя такое допускать. Непорядок.

— Ох, Лоуренс, Лоуренс…

— Что вы сказали?

Я помог ему надеть цепочку на кронштейн и запереть дверь. Но сразу было заметно, что замок дешевый, хлипкий. Серьезного удара не выдержит.

Такие вот занятия он себе и находил. Спустя несколько дней я увидел, что он срезает траву на участке между жилым и главным корпусом. За все годы, что я прожил здесь, на эту траву никто не покушался. Газонокосилки в больнице не

было, но Лоуренс где-то раздобыл ржавый серп. Работа шла медленно. Он вспотел и раскраснелся. На крыльце столовой сидели Темба и Джулиус, наблюдая за ним с насмешливым изумлением.

— Ваш друг сошел с ума, — сказал Джулиус мне.

— Что ж, лужайка будет аккуратнее выглядеть, — ответил я.

Я и вправду полагал, что Лоуренс добивается именно этого. Когда бурые груды сухого густого бурьяна были убраны с лужайки и свалены на новую компостную кучу (тоже инициатива Лоуренса) за кухней, пространство между корпусами стало выглядеть весьма пристойно: чистая, голая земля.

Но Лоуренс, тяжело дыша, обвел участок хмурым взглядом.

— Что-то не так? Вы сделали большую работу.

— Да, знаю.

— Неужели вы собой недовольны?

— Доволен, — сказал он. — Доволен.

Но особой удовлетворенности его лицо не выражало.

На следующий день он забрался на крышу — стал выдирать растущие там сорняки. Солнце припекало. В раскаленном полуденном воздухе

его одинокая согбенная фигура расплывалась и таяла. Я принес ему наверх бутылку воды и постоял рядом, пока он пил.

— Только не ждите ни от кого благодарности, — сказал я.

— Благодарности? В каком смысле?

— Я не понимаю, зачем вы так себя утруждаете.

— Крыша должна быть в порядке.

— Может быть. Но ее состояние ни на что не влияет. А трава вырастет снова.

— Неважно, — упрямо сказал он. — Так она лучше смотрится.

И действительно, расчищенная крыша стала выглядеть аккуратно, как и участок внизу. Сверху был виден весь город и покатые окрестные холмы. Наслаждаясь высотой и просторами, я почувствовал себя удовлетворенным и самодостаточным, словно тоже трудился весь день не хуже Лоуренса.

Но, разумеется, прав оказался я: бурьян и сорняки выросли заново. Глядя, как зеленые стебли постепенно, по миллиметру, становятся выше, никто не говорил ни слова. И никто их не трогал. Даже Лоуренс ничего не замечал — его внимание уже было поглощено очередным новым проек-

том. Через месяц-два я обнаружил, что кто-то сломал дешевый замок на двери в конце коридора. Обнаружил — и промолчал.

У меня хватало своих забот. Вокруг Лоуренса или больницы моя жизнь вовсе не вращалась. У меня были и другие занятия, другие цели: я снова начал навещать по ночам Марию. Не так, как прежде, не каждую ночь. Я вдруг чувствовал, что засиделся на месте, и шел к машине.

Наши соития стали иными: звериными, жадными, неласковыми. По-видимому, теперь секс стал для нас просто сексом. Ушла романтика. Теперь я брал Марию, не церемонясь. Не насиловал, нет, но давал выход своей злобе. Я всегда был сверху, придавливал ее к полу. Она пассивно поддавалась, потворствовала моим капризам. Но что бы мы ни вытворяли, настоящей близости между нами больше не было. Мы даже не пытались разговаривать. Казалось, я ищу в ней то, чего мне не дано достичь; понапрасну бьюсь в тяжелую, неприступную дубовую дверь.

Теперь я всякий раз ей платил. И это была именно плата. Наши встречи были чисто прагматическими актами купли-продажи. Если мы и говорили, то об условиях сделки. Пару раз она предупредила меня, чтобы в определенную ночь

я не приходил. Я принимал эти ограничения, не позволяя себе никакой эмоциональной реакции. У меня не было соперника. Он существовал разве что в форме запретных дат. Или в чисто символическом присутствии белой машины перед хибаркой.

Лишь однажды пропасть между нами сузилась, и она спросила:

— Где этот человек — твой друг?

Вопрос я понял не сразу:

— Лоуренс? Он для меня не друг.

— Нет?

— Нет. Ну-у… может быть, и друг, — проговорил я, глядя, как она надевает через голову платье, просовывая руки в драные рукава. — Почему ты им интересуешься?

Она сделала жест рукой.

— Его лицо?..

— Да.

— Ну и какое у него лицо?

Она собралась было ответить. Но, осекшись, лишь помотала головой. Мы переглянулись… И все стало как обычно: опять стена, опять громадная пропасть.

— Ты приходишь в пятницу? — спросила она.

И сюда добрался!.. На бревенчатой стене хибар-

ки точно мелькнула фигура Лоуренса. Повеяло его маниакальным, беспокойным энтузиазмом. Трудно было представить, что всего два месяца тому назад в моей жизни не было никакого Лоуренса Уотерса.

О Марии я ему не рассказывал. Почему, сам не знаю. Все решилось в тот момент, когда он огорошил меня вопросом: «Вы спали с этой женщиной?» Я ответил поспешно и лживо, но вовсе не потому, что у меня был какой-то расчет. Просто я инстинктивно воспринял его догадку как угрозу и солгал, чтобы защитить себя. Пришлось лгать и дальше.

Я врал, хотя он отлично знал, куда я езжу. Уже то, что он никогда меня об этом не спрашивал, свидетельствовало: он знает. Не говоря ни слова, он наблюдал, как я принимаю душ, переодеваюсь и исчезаю в ночи. Иногда, вернувшись, я видел, что он еще не спит. За моими ночными отлучками много лет наблюдала вся больница, и никто не заводил о них речи. Но другие могли лишь строить догадки. А он знал.

Итак, даже эта малая доля моей жизни, оплачиваемая наличными, чтобы понадежнее отделить ее от прочих, теперь была связана с Лоуренсом. Шли недели, мы все больше свыкались друг с

другом — или смирялись, но в моей голове постоянно звучал вопрос, который он задал мне вскоре после знакомства: «В какой момент вы осознали, что хотите стать врачом?» Я наблюдал за Лоуренсом, когда он ухаживал за немногочисленными пациентами, попавшими в нашу больницу по воле случая. Неважно, дети это были или старики, настоящие тяжелобольные или ипохондрики, — любого он лечил заботливо, самоотверженно, добросовестно. Казалось, он всех пациентов ставит одинаково высоко.

Меня это нервировало. Нервировало, потому что я сам, сказать по чести, не слишком-то пекся о больных. Я не хочу сказать, будто я работал спустя рукава. Я относился ко всем пациентам с профессиональной объективностью, уделял им внимание, делал все, что мог, но, исчерпав свои возможности, забывал о больных. Старательность Лоуренса, его преданность делу высвечивали мои изъяны.

Я рылся в воспоминаниях, выискивая такой же, как у него, момент истины. Чувствовал: где-то когда-то все-таки произошло нечто, предопределившее мой путь. Но не мог восстановить этот момент в памяти.

И вдруг… восстановил. Меня осенило внезапно,

на пустом месте. Я просто кое-что вспомнил… И немедленно в этом раскаялся.

С моего момента истины миновало тринадцать лет. Несколько раз небрежно, между делом я упоминал в беседах с Лоуренсом о своей службе в армии. Он и сам иногда с наивным юношеским любопытством расспрашивал меня о тех годах. Но всякий раз, когда разговор касался данной темы, я чувствовал: она для него, в сущности, ничего не значит. Когда он произносил «армия», становилось ясно: он никакого понятия не имеет о том, что это такое, каково нам приходилось. В течение сорока лет воинская повинность была неотъемлемой частью жизни всякого белого мужчины. И вдруг в одночасье приняли закон об ее отмене. И вот передо мной мужчина, белый, который младше меня всего на одно поколение. Но для него эта часть моей жизни — древняя история.

Как-то раз мы с Лоуренсом везли в другую больницу очередного пациента, которому не могли помочь. Извилистая дорога, соединявшая город с автострадой, переваливала через холмы и ныряла в низины. С одного из поворотов была видна заброшенная военная база, откуда явился в столицу Бригадный Генерал. В старые времена

там, верно, кипела жизнь: длиннющие ряды палаток и грузовиков, люди, снующие туда-сюда. Но то было в неспокойные времена, когда из-за границы ожидались вылазки противника. Теперь база пришла в запустение: покосившиеся заграждения, кучка рваных палаток. К ней вела проселочная дорога — две сильно заросшие колеи. Съездить туда меня никогда не тянуло. Но на этом повороте я всегда сбавлял ход и бросал взгляд на палатки. Не знаю уж, чем они меня притягивали. Смотреть там было, ей-богу, не на что. Но сегодня мне почудилось, будто между палаток мелькнул человек. Крохотная фигурка. Далеко-далеко. Промелькнула и скрылась из виду. Я тут же засомневался: не обман ли зрения? Но что-то заставляло меня оборачиваться…

— В чем дело? — спросил Лоуренс. — Что-то случилось?

— Ничего, — сказал я. — Ничего не видно.

Мне не хотелось опять заводить разговор о Бригадном Генерале с человеком, которому все равно.

— Что это за место?

— Старая военная база.

Он сказал:

— Я жалею, что не служил в армии. Наверно,

многое потерял. Для становления личности такой опыт очень важен.

— Вы не знаете, о чем говорите.

Он встревоженно посмотрел на меня. Изумленно, искоса.

— Кажется, вы говорили об этом: «Ничего особенного». Сказали, что просто все время скучали.

— Скучно было.

— Но?

— Я не хочу об этом говорить.

Он не стал допытываться, но наш разговор что-то во мне разбередил. В ту ночь я долго лежал без сна. Думал. Пережитое в армии вспоминалось мне не часто. Этот период был для меня чем-то наподобие зияющего провала или омертвелого участка кожи. На моей душе отпечатался, как клеймо, только один случай, одна краткая, но много прояснившая для меня в моем собственном характере встреча.

По воле истории я провел два года на ангольской границе[4]. Делясь с Лоуренсом впечатлениями, я не лукавил: то были скучные, серые годы.

---

[4] Примечания: 4

То есть в составе воинского контингента ЮАР на территории Намибии. С конца 60-х годов XX века народ Намибии под руководством Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО) вел вооруженную освободительную борьбу. В 1990 году Намибия была провозглашена независимым государством.

Потерянное попусту время. Меня кидали из части в часть, с одной базы на другую. Благодаря моему новенькому диплому врача меня произвели в лейтенанты. Но таких, как я, в армии было предостаточно, а я вовсе не порывался отличиться. Лучше не высовываться, считал я.

Мне так и не довелось понюхать пороху. Участием в каких-никаких боевых действиях можно было считать лишь мое трехмесячное пребывание на небольшой базе, затерянной где-то в буше. Вплоть до этой командировки моя служба ничем не отличалась от практики на гражданке. Переломы конечностей и прочие травмы по неосторожности, солнечные удары, клещевая лихорадка — вот чем страдали мои пациенты. Болячки мирного времени. На той базе все было иначе. Она использовалась для активных боевых действий: патрули регулярно отправлялись в буш, чтобы перехватывать и уничтожать такие же патрули противника. Впервые в жизни мне пришлось лечить людей на войне. Я увидел много нового для себя. Пулевые ранения. Осколочные ранения от разрывов гранат и противопехотных мин. Все те увечья, которые люди сознательно причиняют друг другу. Острее всего мне запомнилось, как ярка кровоточащая плоть. На фоне

серо-бурого, пыльного велда она точно спелые диковинные фрукты.

В нашем маленьком полевом госпитале было всего двое лейтенантов — я и Майк. Да, именно там я познакомился и сдружился с человеком, который позднее увел у меня жену. Но в те дни он был для меня просто приятным собеседником. Нашим непосредственным начальником был главврач госпиталя — толстяк в звании капитана. Высшая власть на базе принадлежала коменданту Моллеру.

Вплоть до того вечера, который предопределил мою судьбу, я никогда не видел коменданта вблизи. Он был для меня таинственной фигурой, за которой я наблюдал издали. Комендант спускался или всходил по трапу вертолета, проводил инспекции, отдавал приказы. Он был поджарый, мускулистый, властный. Весь он источал угрозу. Мы боялись его, прилагали все усилия, чтобы не попадаться ему на глаза. Своему делу он был предан истово, слепо, и эта преданность прославила Моллера далеко за пределами базы.

Его дело состояло в том, чтобы убивать вражеских солдат и офицеров. Исключительно для этого база и существовала. Исключительно для этого находились на ней и мы, врачи, хотя мы

сами никого не убивали. Нет, мы просто латали тела убийц, чтобы они могли вернуться в строй и возобновить убийства. Тех, кого нам не удавалось залатать, отправляли в противоположном направлении, на юг. В цинковых гробах.

Моя совесть была спокойна. Честно говоря, я и не подозревал, что в моей работе есть нечто безнравственное, — то ли по молодости, то ли вследствие своей тогдашней ограниченности… Я думал только о своих непосредственных обязанностях. Наложить швы отдельно взятому раненому. Извлечь осколки. Спасти жизнь. Я был врачом и делал то, чему меня научили в университете. Если бы ко мне на операционный стол положили раненого солдата вражеской армии, я занялся бы им с такой же близорукой, тупой сосредоточенностью, не омраченной этическими соображениями.

Но однажды я прозрел.

Нашего начальника, толстяка-капитана, иногда посреди ночи вызывали в бараки, расположенные в центре базы. Это происходило, когда туда привозили группы пленных бойцов СВАПО. Мы — я и Майк — сознавали, что вызовы имеют какое-то отношение к пленным. Также мы сознавали, что об этом лучше не расспрашивать.

Бараки — несколько длинных кирпичных зданий — представляли собой единственные постоянные постройки на базе. В них осуществлялась какая-то бурная сверхсекретная деятельность. Бараки были окружены незримой завесой молчания. Наш капитан, человек от природы жизнерадостный и добродушный, всякий раз возвращался из бараков какой-то притихший, хмурый.

И вот однажды посыльный из бараков не застал капитана в госпитале. Не помню уж, в чем было дело. Кажется, главврач отлучился на другую базу. Мы с Майком сидели вдвоем за бутылкой виски и обсуждали, как, оттрубив свои два года, откроем вместе частную практику.

Капрал, приходивший за капитаном, ушел. Но через десять минут вернулся.

— Комендант велит прийти кому-нибудь из вас.

Мы переглянулись. Ни мне, ни Майку идти не хотелось.

— Иди ты.

— Нет, ты.

— Твой африкаанс лучше.

Через две минуты я шагал сквозь душный мрак к баракам, созерцая бурую спину капрала. Я боялся коменданта, боялся всего, что он может со

мной сделать; отдавшись страху, я не задумывался о причинах вызова, хотя этот вызов нес еще большую угрозу для меня.

Бурая спина привела меня в каморку с кирпичными стенами и бетонным полом. Без окон. С низкого цинкового потолка свисает на шнуре одна-единственная лампочка без абажура. Четверо военных. Двое из них — офицеры. Один из них — комендант Моллер. На нем белая футболка, бурые форменные брюки и сапоги. Он непринужденно развалился на табурете.

На полу — чернокожий. Голый. Весь в крови. Лежит без движения, только ребра вздымаются и опускаются при каждом натужном вдохе и выдохе. Уголком глаза я замечаю плетки и какие-то другие орудия. Непонятные приспособления, незнакомые очертания. Зато я знаю, что за роль предназначена мне в этой сцене. Знаю, хотя еще никогда не оказывался в таких обстоятельствах.

— Naand, Lieutenant, — говорит комендант. — Jammer om te steur[5].

Я впервые вижу его вблизи. Впервые поднимаю голову и заглядываю ему в глаза. Голубые. Мертвенные. Он отнюдь не уродлив: бесстрастное

---

[5] Примечания: 5
Добрый вечер, лейтенант. Извините, что побеспокоили *(африкаанс).*

симметричное лицо языческого идола, аккуратный купол черепа с коротко остриженными каштановыми волосами. Но опрятность все же не главная отличительная черта его облика. По уставу положено брить лицо от мочки уха до кончика носа. Он выполняет это положение устава буквально: выше этой линии на обеих скулах оставлено по клочку щетины.

Неужели такие люди бывают?

Он спрашивает:

— Is jy Engels of Afrikaans?[6]

— Англичанин, господин комендант.

Он переходит на английский. Никакого акцента. Тон ровный, дружеский.

— Лейтенант, окажите нам небольшую услугу. Вы ведь врач, ne?

— Так точно, господин комендант.

— Мы тут устроили небольшой допрос. Но наш друг немного переутомился. Говорит, ему трудно дышать. Не могли бы вы его осмотреть?

Я подхожу к человеку, распростертому на полу. С первого взгляда видно: над ним поработали основательно. Лицо распухшее, в синяках. Торс тоже. На шее какие-то рваные раны. Дыхание

---

[6] Примечания: 6

Вы англичанин или африканец? *(африкаанс).*

шумное, свистящее, на высоких нотах.

— Господин комендант, — говорю я. — Он в плохом состоянии.

— Хорошо, — слышится за моей спиной бесстрастный голос. — Он не прикидывается?

— Прикидывается? (Нелепый вопрос. Этот человек нуждается в срочной госпитализации, наложении швов, антисептической обработке ран и медицинском уходе.) Не понимаю.

Комендант терпеливо уточняет:

— Как он дышит, лейтенант? Трудно ли ему дышать?

Мне сложно сосредоточиться на проблеме дыхания, абстрагироваться от всех прочих травм и симптомов, но, прислушавшись, я моментально нахожу разгадку.

— Господин комендант, он не прикидывается. У него приступ астмы.

— Вы можете ему чем-то помочь?

— Попытаться могу. Понадобится вода.

— Gee vir hom water daar[7].

Кто-то приносит мне ведро, до половины заполненное водой. На поверхности плавает какая-то кровавая пена. Я действую вслепую, наблюдаю за

---

[7] Примечания: 7
Дайте ему воды *(африкаанс).*

самим собой со стороны, точно с другого конца длинного тоннеля. Споласкиваю лицо пленного водой, промываю раны, вытираю тряпкой грязь и кровь. От астмы это не поможет, но инстинкт подсказывает мне, что его нужно вымыть. Он начинает шевелиться и постанывать. Но свист в легких не прекращается. Я достаю из своего чемоданчика ингалятор.

Через минуту-две он начинает дышать ровнее.

— Daarsy[8], — говорит кто-то из военных.

— Uitstekend[9], — отзывается комендант. — Лейтенант, у меня к вам вопрос. Скажите мне как врач: сколько еще, по-вашему, он может выдержать?

Я разгибаю спину. Оборачиваюсь. Но не решаюсь встретиться с ним взглядом. В каморке душно, но меня бьет озноб.

— Господин комендант, — говорю я. — Он нуждается в медицинской помощи.

— Я вас не об этом спрашиваю. — В голосе звенит металл. — Я вас спрашиваю: выдержит ли он дальнейшее дознание?

— Недолго.

---

[8] Примечания: 8
Здесь: «Сработало» *(африкаанс).*

[9] Примечания: 9
Замечательно *(африкаанс).*

— Как долго?

— Господин комендант, если вы позволите, я окажу ему надлежащую помощь и полностью купирую приступ. Ему нужно делать инъекции кортизона.

— Надлежащую помощь… — хихикает кто-то из военных.

— Лейтенант, он при смерти?

— Сложно сказать. Если надавить на него слишком сильно…

— Значит, если мы будем осторожны…

Эти расспросы — полное безумие. Знак того, что мир вывернулся наизнанку. Врачи существуют для того, чтобы лечить. Не для того, чтобы потворствовать расчетливому разрушению тканей и нервов. Я силюсь что-то сказать, но чувствую на себе мертвенный взгляд коменданта. Тяжелый взгляд.

Повисает пауза. Я вспоминаю, кто я такой, где нахожусь, что от меня требуется. Человек на полу — враг. В любом случае ему не дожить до утра. Мне надо подумать о себе, позаботиться, чтобы не оказаться на его месте — в камере, голым, на полу. Не стать из врача пациентом, которого уже никто не вылечит.

— Нет, — говорю я. — В ближайшее время он

не умрет.

— Спасибо, лейтенант. — Тон снова становится дружеским. — Когда вернется капитан, передайте ему от меня привет.

И вот я снова бреду во мраке, все больше удаляясь от камеры и от момента истины, который стал неподвижным центром для всего моего жизненного пути.

В госпитале меня дожидался Майк.

— Что ему понадобилось? Зачем он тебя вызвал?

— Ag[10], ерунда, — сказал я. — У него болела голова.

Через несколько дней моя совесть унялась. Я быстро научился затыкать ей рот:

«Это ничего бы не дало».

«У тебя не было выбора».

«Ты просто ответил на его вопрос».

Когда же меня перевели в другое место, в скучный гарнизон, где решительно ничего не происходило, я успокоился. Рассудил, что имел право на малодушие — в моем-то подневольном положении. Я больше не думал о том случае. Лишь иногда он всплывал в моей памяти сам

---

[10] Примечания: 10

A *(африкаанс).*

собой, неожиданно, и я подпадал под его непостижимую, необъяснимую власть.

Так случилось и теперь. Казалось, кто-то проделал пальцем дыру в истертой ткани моего прошлого и смотрит на меня оттуда. Я испытал странное искушение тоже заглянуть в эту дыру. Увидеть себя с той стороны. Однако у меня не хватало духу. Да, я все-таки отыскал свой момент истины, свою точку отсчета. Но этот момент высветил то, чего я предпочел бы не помнить.

VII

Однажды ночью, вернувшись от Марии, я застал его сидящим на койке перед разложенной картой. Было далеко за полночь. Вся больница спала, лишь в приемном покое горел свет. Лоуренс, однако, был бодр и свеж.

— Чем это вы заняты?

— Кое-что планирую. Что вы делаете завтра?

— У меня выходной.

— Хотите со мной в поход?

— Куда?

— Просто немножко пошатаемся. Это сюрприз. Поедемте, Фрэнк!

— Хорошо, — сказал я. — Почему бы и нет?

Я думал, что речь идет об очередном небольшом походе, какие мы часто совершали вместе. Но все оказалось иначе. С самого начала Лоуренс придавал походу огромное значение. Дважды за ночь я просыпался и видел, что он по-прежнему сидит на койке, рассматривая карту. В восемь тридцать он разбудил меня, весь дрожа от нетерпения. Он уже собрал целый рюкзак: сандвичи, пиво, крем от загара…

Утро было ясное, лучезарное. Трава блестела, как металлическая. Мы поехали в сторону границы. Минуя деревни, видели, как люди набирают воду в ведра, умываются, готовят на кострах еду. Всюду, куда ни глянь, копошилась жизнь. Деревья и прочие растения словно бы тянулись к небу, энергично противясь гравитации. По обе стороны от шоссе ответвлялись многочисленные проселки. Одни были снабжены указателями с названиями ферм и маленьких селений. Другие оставались анонимными. Мы свернули налево, на один из безымянных проселков. Глубокие колеи были слишком широки для машины Лоуренса. Ее все время подбрасывало на ухабах, но в это утро даже тряска вторила пульсу жизни, попадала в ритм, в котором билось сердце этой земли. Проселок шел параллельно какой-то реке — я приметил на карте темно-синюю линию. Наконец дорога оборвалась в тенистых, прохладных зарослях. За стеной бамбука я увидел поток. То был скорее ручей, чем река, но деревья на его берегах буйно зеленели.

Лоуренс замер, глядя на воду.

— Спорим, здесь водится рыба, — сказал он. — Вы увлекаетесь рыбалкой, Фрэнк?

— Когда-то увлекался. Потом надоело.

— Ну, для рыбалки нужно терпение. Как по-вашему, крокодилы здесь есть?

— Тут слишком мелко.

Он облегченно вздохнул. Очевидно, в дикой местности ему было не по себе, особенно почему-то сегодня. Мы вылезли из машины, и поход начался. Лоуренс повел меня вверх по реке. Мы то шлепали по грязи, то брели по щиколотку в воде. Я пропустил Лоуренса вперед. Его рюкзак, набитый под завязку, плыл сквозь чащу. Иногда Лоуренс оглядывался — лицо у него было сосредоточенное, напряженное — и подмигивал. Периодически он останавливался свериться с картой, хотя мы ни на шаг не отклонялись от потока. У меня впервые за много месяцев стало хорошо на душе. Я и забыл, как отрадно сбежать туда, где нет ни людей, ни построек, вырваться из привычной обстановки. Под деревьями было прохладно. Привольно.

Кое-где нам приходилось перебираться по камням или идти вброд. Я спокойно шагал, хлюпая в темной воде, но лицо Лоуренса всякий раз искажала тревога.

— Вы уверены, тут точно нет крокодилов? — вновь спросил он.

— Поклясться не могу, — отозвался я. — Скорее

всего, нету.

Конечно, никаких крокодилов в речке не было, но мне нравилось, что Лоуренс нервничает. Через некоторое время я вырвался вперед. Сзади доносилось чавканье его сапог по грязи, да шлепки — он убивал комаров.

Через час мы подошли к месту, где река образовывала омут у подножия скалы, с которой низвергался водопад. Красивое, нетронутое место. Мелкие водяные брызги, отскакивая от камней, орошали листья папоротников, растущих в расщелинах скал.

Мы кого-то спугнули: в воду бросилась ящероподобная тварь с длинным телом.

— Я же говорил: здесь крокодилы!

— Это не крокодил, а варан, — ответил я. — Глядите, вон он плывет!

Громадное скользкое существо, энергично загребая лапами, проплыло вдоль скалы, а затем, подтянувшись, начало карабкаться по расщелине. Оно преодолело вертикальную стену, залезло на террасу и пропало из виду. Но перед моими глазами еще долго стояла эта ящерица с недоброй, древней как мир чешуйчатой мордой.

Впрочем, я все-таки выкупался. Лучшего места для того, чтобы сделать привал и перекусить, мы

бы не нашли. Массивные теплые камни. Солнечные лучи, длинными копьями пробивающиеся сквозь листву. Раздевшись, я поплыл туда, где вода бурлила и кипела. Ко мне частично вернулись те чувства, которые я испытывал давно, во время своих одиноких странствий по бушу. Но, разумеется, теперь я не один. Здесь со мной Лоуренс. Мой друг.

Он сидел поодаль, уткнувшись подбородком в колени, и наблюдал за мной. На его лице выражалось огорченное недоумение. По-видимому, хаос дикой природы действовал на него угнетающе. Ему явно хотелось выдрать все заросли и разбить на их месте газон. Я подплыл поближе, поманил его рукой:

— Идите купаться!

Он покачал головой:

— Мне и здесь хорошо.

— Вода отличная!

— Хотите пива?

— Что ж, может, и поедим заодно?

Я выполз на берег и, не вытираясь, улегся на камень.

— По сандвичу?

— Здесь?

— А почему нет?

— Не знаю… Еще рано. Я рассчитывал, что мы поедим повыше.

— Повыше? Что это вы затеяли?

— Мы еще не пришли на место, Фрэнк.

— На какое место?

— У нас поход, помните?

— Ja.

Он снял очки. Протер рукавом. Повернул ко мне свое по-детски невинное лицо, на котором выражался легкий испуг.

— Видимо, я не был с вами до конца откровенен.

Я молча выжидал.

— Точнее, слово «откровенен» тут не подходит.

— А какое подходит?

— Я не все объяснил. Это действительно поход. Увеселительная прогулка.

— Но?

— Но я хочу добраться до одного места.

— И где же это место, Лоуренс?

Он надел очки, достал карту и уселся на камень со мной рядом. Рубашку он снял. Его бледная, безволосая грудь с выступающими ребрами казалась какой-то ненастоящей. В комнате именно я проявлял стеснительность — чтобы переодеться, запирался в ванной или закрывался полотенцем.

Лоуренсу же было все равно, вижу я его тело или нет. Но здесь, под открытым небом, мы словно поменялись ролями.

— Вот оно, — сказал он, указывая на карту.

Я никак не мог уразуметь, что он имеет в виду. Синюю нить реки я на карте нашел, но больше ничего примечательного не обнаружил, только кривые горизонталей, отметки высот да кружочки без подписей, обозначающие деревни.

— Сюда я и хочу добраться.

— Но куда?

— Вот. Неужели не видите? — Он забарабанил по карте своим сплюснутым пальцем.

— По-моему, это всего лишь какая-то деревня.

— Почему «всего лишь деревня»? Это же деревня.

— Но… но…

Я всмотрелся в его лицо, ища объяснения. За недолгое время нашего знакомства он еще ни разу не сострил, но эта фраза походила на шутку. Его глаза смотрели серьезно.

— Не понимаю, — сказал я наконец.

— Чего именно?

— Зачем вам туда?

— Просто хочу посмотреть.

Я глянул на карту. Его намерения оставались

для меня загадкой. Район кишел кружочками, символизировавшими населенные пункты. Не все из них достаточно велики, чтобы заслужить собственное имя. Но лишь один кружочек Лоуренс обвел карандашом. Я уставился на эту отметку, и через некоторое время волнистые линии горизонталей сложились в осмысленную картину. Я нашел скалы, у подножия которых мы сейчас сидели. Пресловутый кружочек находился на этой возвышенности, примерно в двух-трех километрах к северу, неподалеку от западного берега реки.

Чушь какая-то. В такую даль мы потащились не для того, чтобы «просто посмотреть». Он преследует какую-то свою цель, о которой не хочет говорить. Вообще-то с самого начала я почуял: он что-то задумал. И из любопытства согласился участвовать в походе.

— Вы не могли выбрать деревню, до которой еще труднее добраться?

Дорога на карте отсутствовала. Не было даже тропки. Местность холмистая, сильно пересеченная.

— Понимаете, в том-то и весь смысл! — возбужденно воскликнул он.

На стеклах его очков осели капельки воды, и

потому казалось, словно он плачет.

— Нет, не понимаю, — сказал я. — В чем смысл вашей идеи, Лоуренс?

— Мне нужна самая труднодоступная деревня. Такая, куда просто так не доберешься.

У меня впервые возникло ощущение, что Лоуренс слегка не в себе. Возможно, он прочел эту мысль на моем лице — и тут же поник головой, отвел взгляд, принялся нервно теребить уголок карты:

— Вам не хочется туда идти, верно?

— Я никак не пойму, о чем речь. Что мы здесь делаем?

— Я же сказал, — упорствовал он. — Я просто хочу посмотреть.

— Зачем?

— Просто так.

— Нет.

— Штурмовать гору не придется, — сказал он. — Есть обходной путь. Я вам покажу на карте.

— Нет.

— Ну пожалуйста.

— Для меня поход закончен, — сказал я. — Я подожду здесь. Идите в одиночку.

Я словно бы захлопнул дверь перед его носом. Никогда еще я не говорил с ним в таком тоне.

Если и говорил, то в шутку. Но теперь я не шутил. Во мне поднялась волна холодной злости. Кто он такой, этот пылкий сопляк, вчерашний студент? Навязался мне со своей дружбой, со своими тайными планами и замыслами. Он вдруг стал мне противен. Я не собирался следовать за ним дальше.

А он понял все по моему лицу. И остолбенел. Вытаращил глаза. Его губы затряслись, но он не разрыдался. Некоторое время он сидел, созерцая свои ноги. Потом встал, начал надевать рубашку. Застегнул с демонстративной неспешностью пуговицу за пуговицей. И наконец произнес небрежным тоном:

— Ну, ладно.

— Что?

— Побудьте здесь. Еду я вам оставлю. Думаю, я обернусь быстро, часа за два. До скорого.

Последние слова он выкрикнул на ходу, уже удаляясь. Я хотел было ответить, но что тут ответишь? Он оставил меня позади и в буквальном, и в фигуральном смысле. Я отвернулся к деревьям. Когда я вновь повернул голову, его и след простыл.

Некоторое время я хорохорился. Достал сандвичи, выпил бутылку пива. Но моя мальчишеская

обида отступила, и вскоре мне стало стыдно. Невелик труд взобраться на гору. Ничего бы со мной не сделалось. Намерения у Лоуренса самые благие. Я чуть было не принялся собирать вещи, чтобы отправиться вдогонку, но мне даже не было известно, в какую сторону он пошел.

Лучезарный день померк. Здесь, в этой небольшой низине, тоже стало сумрачно. Под напором воды омут превратился в темное зеркало, все в трещинах и пятнах. Ледяные брызги водопада. Тень скал, неумолимо наползающая на лес. Там, наверху, жара, но мне внизу холодно и одиноко. Я вспомнил чудовищную ящерицу, извивающуюся в воде.

Появилось ощущение, что за мной следят. Вокруг, куда ни глянь, темные, загадочные силуэты деревьев. В недрах камней пульсирует напряженная внутренняя жизнь. Я уже был когда-то объектом слежки со стороны окружающего мира — много лет тому назад. Вспомнились задворки нашего сада. Какой громадной чащобой сад был в тот день, когда умерла моя мать!

Я встал и пошел — но не вслед за Лоуренсом. Не одеваясь, побрел по лесу. Не знаю, что я искал. Просто хотелось двигаться. Шевелиться. Растительность покрывала землю сплошным ковром.

Но в одном месте ковер был немного примят. Практически тропа. Животные протоптали к водопою. Вскоре о присутствии реки стал напоминать лишь шум водопада за моей спиной. Чаща кончилась. Теперь вокруг были лишь подлесок да небо в филигранной рамочке из веток.

И вдруг передо мной возник дом. А точнее, то, что я заметил сначала, — металлическая сетка, оплетенная вьюнками, проржавевшая. Забор. А за ним утопающая в зеленом море, призрачная крыша и покосившееся крыльцо.

Дом. Здесь. Почему? Я отпрянул. Попятился. Ничего нельзя трогать.

Но здесь никто не живет. Заметно сразу. Давно уже никто не живет. От сада не осталось и следа — сплошные дикие заросли. Темные окна без стекол. А забор, когда-то очень внушительный, разрушается, клонится к земле.

Я подошел поближе. Одна из секций забора совсем упала, и можно было войти внутрь. Все, что осталось от дорожки, — несколько гладких камней, призрачный след бордюра. Клумбы самоуничтожились — вырвались из своих границ, заросли сорняками. Я поднялся на крыльцо. Трещины, паутина, подтеки. Сорванная с петель входная дверь. Я переступил порог. Зачем меня

сюда понесло? Просто посмотреть.

Я оказался в длинном коридоре со множеством дверей. За дверями — пустые комнаты. Ни мебели, ни картин. Вообще ничего. Хоть шаром покати. Вряд ли дом обчистили его законные хозяева. Люди бывали здесь и после разорения. Вот тут, в углу — следы костра — не сказать чтобы свежие. Валяются окурки, старые, совсем выцветшие. На стене коридора кто-то нацарапал: «ЗВЕРЮГА». Буквы огромные, кривые, близко друг к дружке. Но на крохотных песчаных дюнах, выросших на полу, не было отпечатков ног. Только мои.

Установить предназначение комнат было трудно. Лишь с самой дальней было более-менее ясно: линолеум на полу, надтреснутая раковина. Но остальные были как пустые скорлупки, из которых вытекла вся жизнь. Кое-где между половицами пробивался бурьян. Трещины змеились по стенам, как вены. Присутствие леса ощущалось даже внутри дома.

Это место наводило на меня страх. Но не того рода, какой я испытал недавно у водопада. Там причиной было уединение. Тут чувствовалось нечто иное, полная противоположность уединения. Со мной никого не было, но я ощущал: рядом

кто-то есть. Маячит на самом пределе видимости. Прячется за углом при моем приближении. Безликая фигура, почти человек, недочеловек. Призрак… Нет, у призрака есть какая-то индивидуальность, а это аморфная стихия. Недобрая, но склонная к насмешкам. Тварь, которую эта страна породила, чтобы не подпускать меня к себе. Колдовское исчадие заброшенного дома и девственной природы, чуждое им обоим. Неясный силуэт. Расплывчатый сгусток тьмы. Тварь желает мне зла.

Я вышел через заднюю дверь. Не смог себя заставить снова пройти через дом. Как славно было снова оказаться под открытым небом! В заборе оказались другие ворота. За ними — грунтовая дорога, утопающая в траве. И никаких примет, проливающих свет на то, откуда здесь взялись дом и дорога. И почему теперь здесь ни настоящего дома, ни настоящей дороги…

Я вернулся к водопаду. Там уже ждал Лоуренс.

— Где вы были?

— В той стороне.

— И что делали?

— Просто прогулялся, — ответил я и, помедлив, добавил: — Там есть дом.

— Дом? Чей?

— Ничей. Заброшенный. Не знаю.

— Вы мне покажете? Пойдемте.

— Нет, — сказал я.

Это слово было сказано таким тоном, что он сразу поник. Внезапно мне стало совестно, я повернулся к нему спиной и начал одеваться.

— Наверно, хозяева были белые. Когда на этих землях создали хоумленд, владельцы бросили дом и уехали.

— Правда?

— Ну, это лишь догадка. Я ничего об этом доме не знаю.

— Может, мне сходить посмотреть? — произнес он без особого энтузиазма.

— Как там ваша деревня?

— Я до нее не добрался. — Он покосился с разочарованным видом на скалы.

— Почему же?

— Не знаю, карта… Какая-то ошибка. Может быть, там больше нет никакой деревни.

Его одежда была облеплена репьями. Он пытался смирить свою досаду, нервно сжимая и разжимая кулаки. Выждав, пока я полностью оденусь, он сказал:

— Фрэнк, простите меня за сегодняшнее.

— Ничего, ничего.

— Нет, я должен был вам сказать с самого начала. Нехорошо это — завлечь человека в такую даль и поставить перед фактом. Но я надеялся, вы получите удовольствие от похода.

— Я получил удовольствие.

— Правда?

— Правда.

Зловещая атмосфера рассеялась, и я снова испытывал радость от того, что нахожусь здесь. Но что-то все-таки осталось невысказанным. Ощущая бремя непроизнесенных слов, мы вернулись назад по реке молча.

Возможно, разговор, не состоявшийся между нами тогда, был бы отложен навечно. Но поздно ночью нас разбудил звук глухого удара по стене, за которым последовала визгливая скороговорка испанской брани. Это Сантандеры яростно ссорились в соседней комнате. Кто из них затеял спор, догадаться было невозможно, тем более что в этот час Хорхе полагалось дежурить в ординаторской.

Лоуренс в панике вскочил и замер посреди комнаты. Его белая футболка и трусы во мраке походили на испуганное привидение.

— Ох ты господи! — сказал он. — Что такое?

— Наша замечательная пара. Самоотвержен-

ные люди. Они там друг дружку убивают.

— В каком смысле? Это драка?

— Я же вам говорил.

Он прислушался.

— Ох ты господи!

В стену вновь что-то ударилось. Странное дело, но та самая трещина, которая расколола брак Сантандеров, трещина, через которую они все время гневно перекрикивались и каждый пытался перетащить супруга на свою сторону, теперь пролегла и в нашей комнате, между Лоуренсом и мной. Я встал, вышел в коридор и постучал в соседнюю дверь. Мне не открыли, но крики моментально прекратились. Слышалось лишь слабое всхлипывание. Постепенно и оно стихло.

Когда я вернулся в комнату, Лоуренс лежал на полу и курил, глядя в потолок. После разочарования в Сантандерах его обуяла полночная меланхолия.

— Знаете, Фрэнк, — печально сказал он, — по-моему, здесь меня никто по-настоящему не понимает, только вы.

— Да неужели?

— Я говорю совершенно серьезно. Все остальные… они эгоисты. Им меня не понять.

— Я тоже эгоист, Лоуренс.

— Вы им только притворяетесь.

— Ничего подобного. Клянусь, я самый эгоистичный человек в этой больнице.

— Неправда, Фрэнк, вы просто любите возводить на себя напраслину. У вас слишком низкая самооценка.

— Да будет вам! Давайте спать.

— Вряд ли я теперь усну. Что они там — дрались?

— Вроде того.

— Фрэнк, вы мой друг. Запомните это.

Это признание прозвучало как гром среди ясного неба. Я лег, укрылся простыней. Через минуту он приподнялся с пола на локтях. Я почувствовал на себе его взгляд.

— Понимаете, мне пришла в голову одна идея.

Я мгновенно интуитивно понял: начинается тот разговор, который не состоялся между нами сегодня днем у водопада. Я молча ждал. Наконец он проговорил:

— Я думал о больнице.

— Да.

— Она неэффективна. Это же очевидно, от нее нет никакой пользы.

— Да.

— И я сказал себе: «Если люди не приходят в

больницу, пусть больница придет к ним».

Он затянулся сигаретой. За время паузы я обо всем догадался. Но не стал его прерывать.

— Я подумал… Возьмем деревню. Не просто среднестатистическую деревню, а самую далекую, ту, которую почти невозможно отыскать. И поедем туда. Ну, знаете, привезем лекарства. Раздача презервативов, лекция о СПИДе, прививки. Что угодно. Надо же что-то делать.

— Мобильная поликлиника.

— Да. Такой принцип. Нельзя просто сидеть в больнице и вздыхать, что ничего нельзя поделать. Давайте, по крайней мере, ездить по деревням и объяснять им, где находится больница.

— Вы хотели, чтобы вчерашний поход стал выездом поликлиники?

— Нет, нет, это была просто разведка на местности. Я хотел посмотреть. Установить, в чем там люди нуждаются. Я же сам пока не знаю, что на себя взваливаю. Фрэнк, это безумная идея? Скажите мне. Я должен знать.

— Да.

— Безумная?

— Лоуренс, это безумная идея. Полный идиотизм.

— Но почему?

Я не стал ему ничего объяснять — не мог подобрать слов. Вместо этого я спросил:

— А зачем вам обязательно искать какую-то отдаленную деревню в неведомой глуши? Выберите любую деревню. Например, ту, что около магазина Марии, — чем плохо?

— Марии? — недоуменно переспросил он. — А-а, да, Мария. Помню.

— Так зачем же?..

— Это был просто жест, Фрэнк. Ну, понимаете… Символ. Если мы можем это сделать в самом отдаленном месте, то сможем и в ближайшем.

Тот же принцип он применил, выбрав нашу больницу. Ему было недостаточно отправиться туда, куда его толкала судьба или обстоятельства. Нет, ему требовался какой-то размашистый показной жест, смысл которого не поймет никто, кроме самого Лоуренса.

— В медицине нет места символам, — разозлился я.

— Разве?

— Лоуренс, вы что, с луны свалились? В каком мире вы живете?

Некоторое время он просидел молча, надувшись, созерцая огонек своей сигареты. Прохлад-

ный ветерок раздувал занавески.

— Ну, ладно, — сказал он наконец.

— Ну, ладно.

— Это была всего лишь идея. И нам нет смысла из-за нее ссориться, я же все равно не смог найти деревню.

— Лоуренс, мне спать хочется. Будет вам. Уймитесь.

— Хорошо, — сказал он и тут же улегся на кровать.

Довольно долго он молчал — только вздыхал и сопел. Затем произнес:

— Простите меня, Фрэнк.

— Ничего, ничего.

— Я вовсе не хотел вас расстраивать.

— Ничего, ничего.

— Ведь вы мой друг, Фрэнк. Я очень не хотел бы, чтобы между нами что-то изменилось.

— Ничего не изменится.

— Вы мне обещаете, Фрэнк?

— Обещаю, Лоуренс. Доброй ночи.

— Доброй ночи, Фрэнк. Доброй ночи.

VIII

Ничего и не изменилось. Здесь вообще ничего не менялось. Никогда. Каждый новый день полностью повторял предыдущий: тот же набор потребностей, та же горизонтальная линия на энцефаллограмме желаний. Со всем этим я давно свыкся. Мне уже ничего не было надо — лишь бы все шло как идет, катилось по привычной колее.

Даже погода изо дня в день не менялась. Сказывалась близость к тропикам. Правда, времена года все-таки имелись — целых два, сезон засухи и сезон дождей, но колебания температуры были совсем незначительные.

Лоуренс приехал в середине лета — в сезон дождей. После полудня небо озарялось тревожным электрическим сиянием, и грозовые тучи слипались в сплошную массу. Сверкали умопомрачительные молнии. Длилось это, как правило, недолго. Вскорости небо прояснялось. По вечерам в воздухе роились крылатые муравьи. Поутру всюду валялись их прозрачные крылья. Но лето миновало, и наступила зима. Холодное солнце, безоблачное небо. Некоторые деревья сбросили

листья. Иногда к утру земля покрывалась тонким слоем инея.

Ничего экстраординарного не случалось; происходило все то же самое, что и ежегодно. Согласно установленному графику. Со стороны казалось, что моя жизнь течет как обычно. Но где-то в глубине, внутри, что-то переменилось.

Однажды ночью у Марии, едва мы с ней устроились на одеяле, я почувствовал, что мое вожделение — давно надоевшее, превратившееся в рутину — отступило. Его место заняло какое-то иное чувство. Совсем другое. Такое необычное, что во мне все перевернулось.

— Что такое? — спросила она.

Мои руки больше не касались ее тела. Я разглядывал ее в сумраке.

— Давай сегодня не будем этим заниматься, — сказал я. — Займемся чем-нибудь другим. Поговорим.

— Поговорим?

— Расскажи мне что-нибудь, а?

Неотрывно глядя на меня, она привстала, оправила на себе платье.

— Рассказать что-нибудь… Что?

— Я хочу, чтобы ты все мне рассказала о своей жизни.

— Я тебе рассказала это все.

— Нет. Мне нужно, чтобы ты рассказала по-настоящему. Мне нужно все. Я хочу знать, где ты родилась. Хочу узнать все подробности о твоей матери и отце. О твоих братьях и сестрах. Я хочу знать, какие мысли были у тебя в голове, когда ты росла. Хочу знать, как ты вышла замуж. Какой он — твой муж. Хочу знать все.

— Я тебе это рассказала! — воскликнула она с притворным возмущением, за которым таилась паника. Можно было подумать, словно я ее в чем-то обвиняю.

Тогда я продолжил таким тоном, словно подытожил только что сказанное:

— Мария, если ты хочешь, мы можем разорвать отношения. Ты понимаешь? Если ты хочешь, чтобы я ушел и больше не вернулся, просто скажи мне.

— Ты хочешь разорвать это?

— Нет. Нет. Но если ты хочешь, я сделаю так, как ты скажешь.

Она замотала головой.

— Я не хочу такие разговоры, — сказала она и, перекатившись по одеялу, привалилась ко мне.

Возможно, она расслышала в моем голосе нотку фальши. Ее руки вернули меня на старую,

привычную колею. И дальше все повторилось как всегда.

Как-то раз, играя со мной в пинг-понг в уголке отдыха, Лоуренс сказал:

— Послушайте, Фрэнк. Когда к вам приезжают гости, где они останавливаются?

— Ко мне никто не приезжает.

— Никогда?

— Никогда.

— А-а…

Пластмассовый шарик срикошетил от стола на пол.

— Кто к вам приедет, Лоуренс?

— Занеле. Моя девушка. Ну помните, из Лесото.

Уже несколько месяцев он не упоминал ее имени.

Примерно раз в неделю они обменивались письмами — листочками тонкой цветной бумаги. Но и только. Святилище у его изголовья — все эти фотографии и камешки — покрылось пылью. Никаких взволнованных бесед по телефону, никаких приступов тоски — ничего того, что я помнил по своей молодости. Я даже начал сомневаться в существовании Занеле.

Но она решила приехать на выходные. Не смогла выбраться раньше, пояснил он мне, потому

что очень занята в Лесото.

— Должен же где-то быть отель… хоть что-нибудь.

Я покачал головой:

— У Мамы Мтембу был отель, но она его закрыла. Нет постояльцев.

— Может, она сдаст Занеле комнату, если хорошенько попросить?

— Послушайте, — сказал я. — Если надо, я уступлю вам нашу комнату.

— Нет, нет, разве я могу… Было бы замечательно, если бы вы попросили миссис Мтембу. Она вас очень высоко ставит.

В ту ночь по дороге к Марии я заехал к Маме навести справки. Я не ожидал, что она поможет. Однако произошло странное совпадение. У барной стойки топтались двое или трое мужчин, которых я видел впервые в жизни. В этом городе — и чужаки? Они были в гражданской одежде, но по стрижке и выправке я узнал в них военных. Мама подтвердила: они из армейского подразделения, которое прислали сюда и расквартировали в ее отеле. Старые номера как раз сейчас готовят к приему жильцов.

— Дело прибыльное, — сказала она, широко улыбаясь.

— Военные? Но зачем они здесь?

Она придвинулась ко мне с заговорщическим видом:

— Я думаю, они пограничники. Чтобы не пускать иностранцев.

— Сколько их?

— Еще не знаю. Пять, шесть?.. Пока всего трое. Но скоро приедут другие.

Вот еще одна мелочь, изменившая атмосферу в городе. В старых законах появляются новые лазейки. Тяжелые камни срываются со своих вековых мест.

— Может быть, у вас случайно найдется свободная комната на эти выходные? Одной женщине нужно где-то остановиться.

— Г-м-м, может быть. Спросите меня в четверг, я скажу точно. Значит, у вас есть милочка-подружка?

— Не у меня. Она приедет навестить Лоуренса Уотерса. Это наш молодой врач, он иногда…

— Да, я знаю Лоуренса. Он мой друг.

— А-а, — сказал я. — Да-да-да.

Моего имени она так и не удосужилась запомнить, а Лоуренс был для нее другом. Но договариваться о комнате он послал меня, как будто я имел на Маму особое влияние.

Прошло два дня. В городе только и говорили что о военных. Слухи ходили самые разные. С уверенностью можно было предполагать лишь одно: подразделению поручено охранять границу, поскольку на нашем отрезке она изобиловала дырами. Границу свободно пересекали не только люди, но и всякая нехорошая контрабанда: оружие и боеприпасы, наркотики, добытые браконьерами слоновые бивни. Чаще всего этот бизнес связывали с именем Бригадного Генерала. Но то были лишь слухи и намеки. Никаких веских доказательств не было. Но теперь горожане принялись бурно обсуждать, как поступят с Генералом новоприбывшие военные — если, конечно, не договорятся с ним полюбовно.

— Они станут действовать вместе. Да-да-да. Обязательно, — мрачно предрекла Клаудия за завтраком. — Тут одна коррупция. Одна коррупция.

— Нет, — сказал Хорхе. — Они его арестуют. Отправят в тюрьму. Это очевидно.

Таковы были два полярных мнения. Своя точка зрения имелась у каждого, от поваров до завсегдатаев бара Мамы.

— А вы что думаете? — спросил Лоуренс. Он столько наслушался о Бригадном Генерале, что все-таки почтил его вниманием.

— Не знаю, — сказал я. — Поживем — увидим.

Честно говоря, я напрочь не верил никаким слухам о Генерале. Этот человек превратился в миф. Самые фантастические байки о его жизни, передаваясь из уст в уста, вскоре обретали непреложность факта. Вполне возможно, что его давно уже нет на свете. Он лишь утраченная, обугленная частица прошлого.

Впрочем, толковали не только о Бригадном Генерале. В приезде военных видели счастливое предзнаменование — дескать, город скоро возродится. Постояльцы в отеле, который столько времени пустовал, — это лишь начало. А вдруг откроются магазины, начнут приезжать новые люди? Хоть что-нибудь наконец-то произойдет?

Я выслушивал эти речи с недоумением. В первый день в баре было всего трое военных. Если верить Маме, скоро к ним прибавятся еще, допустим, трое. Шестеро военных ничего нигде не изменят. Но я ни с кем не делился своими соображениями.

В четверг я снова заглянул к Маме. Приехало еще четверо военных. Ожидалось прибытие командира подразделения. Но для подруги Лоуренса место найдется, заверила меня Мама.

Лоуренс был в восторге:

— Я вам очень благодарен, Фрэнк.

По-видимому, он думал, что без моей помощи не удалось бы договориться о номере.

— А как бы вы поступили, если бы для нее не нашлось ночлега?

Он всерьез призадумался:

— Отложил бы ее визит, наверно.

— Вы могли бы просто спать на одной кровати, пока я на дежурстве.

— О нет! Так не годится.

Он сам съездил к Маме Мтембу посмотреть номер.

— Немного шумно, — отчитался он передо мной, — окна выходят во внутренний двор, но вообще номер хороший.

Он поставил на стол букет цветов, которые сам набрал в велде, а рядом — фотографию, где они с Занеле были запечатлены в Судане.

Но вечером в четверг Лоуренс погрустнел, занервничал. По-видимому, его донимали какие-то глубоко затаенные мысли.

— Фрэнк, когда у вас в последний раз была любовница? — спросил он меня.

— После того как я женился, не было ни одной. Почему вы спрашиваете? Волнуетесь из-за своей девушки?

— Ну-у… Понимаете ли… Мы давно не виделись. Последний раз встречались за месяц до того, как я выехал сюда. Я ездил к ней в Лесото на неделю.

— И как там в Лесото?

— О, чудесно! Великолепно! Мы отлично провели время, — настойчиво уверял он, избегая смотреть мне в глаза.

— Что ж, сами увидите, как пойдет дело.

— Я тут подумал: не устроить ли в ее честь небольшую вечеринку? Завтра вечером. Никаких изысков — просто собрать наших сослуживцев. Вы бы пришли?

— Я? Ну конечно же!

Его идея показалась мне крайне странной.

— Договорились, — произнес он, немного оттаяв. — Давайте в семь. Очень мило с вашей стороны, Фрэнк. Спасибо.

Мне в любом случае не удалось бы увильнуть от вечеринки, поскольку она состоялась в нашей комнате. Когда я вернулся с дежурства, действо уже было в разгаре. Я застыл на пороге, вытаращив глаза. Поразительно, но собрались все. Даже Темба и Джулиус с кухни. И Техого в сопровождении парня, который часто околачивался в больнице, — вероятно, своего единственного друга. Отсутствовала только Клаудия, которой я

только что сдал дежурство.

Вначале меня никто не заметил. Лоуренс где-то одолжил стереосистему, и в комнате гремела музыка. Кассета слегка заедала. Лоуренс выставил и угощение — несколько больничных тазиков с арахисом и черствыми чипсами, дешевое вино в пакетах. Лампа, закутанная в цветной пластик, озаряла ядовито-желтым светом лица людей, ведущих натужно-беспечные разговоры.

— Фрэнк! Где вы пропадали? Я думал, вы от нас сбежали! — Лоуренс весь нахохлился от напряжения. С радостью, в которой сквозило отчаяние, он подхватил меня под руку и куда-то повлек: — Пойдемте, я познакомлю вас с Занеле. Я так давно хотел вас ей представить!

Я увидел ее с порога. Держась неестественно прямо, она стояла в углу со стаканчиком вина. Миниатюрная, хорошенькая, с волосами, заплетенными в косички, в ярком западноафриканском платье. Когда она пожала мне руку, я почувствовал, как напряжены ее длинные, тонкие пальцы.

— О, здравствуйте, — сказала она, — да-да-да, Фрэнк, конечно же.

Американский акцент в этой комнате, где все говорили, с ленцой растягивая слова, прозвучал

как гром среди ясного неба. Я никак не ожидал, что Занеле, о которой я столько слышал, вовсе не африканка. Не зная, что сказать, я сконфуженно постоял перед ней и ретировался. Я уже успел заметить, что доктор Нгема со страдальческим видом примостилась на краешке моей кровати, прихлебывая вино и исподволь поглядывая на часы. Я сел рядом; она обернулась ко мне. В ее глазах блеснуло нескрываемое облегчение.

Первое, что она сказала, было:

— Фрэнк, мне скоро придется уйти.

— А-а. Ничего, ничего.

— У меня масса работы. Но тут очень мило, очень.

Это было произнесено с таким неискренним пафосом, что я смекнул: она считает, будто это сборище — моя затея.

— Я тут ни при чем, — сказал я. — Вечеринку устроил Лоуренс.

— Да, да. Нужно почаще устраивать такие вот маленькие посиделки. Благотворно влияет на… на атмосферу в коллективе. Кстати, Фрэнк, я хотела вас кое о чем расспросить. В связи с вашей идеей.

— Какой идеей?

— Ну, знаете, с проектом. Работа с населени-

ем. — Она перешла на интимный шепот: — Лоуренс со мной говорил. Но мне любопытно: как вы установили, куда лучше отправиться?

— Что? Простите, Рут, никак не возьму в толк.

— Я имею в виду, почему именно в это селение? Я и не подозревала, что вы интересуетесь общественной работой, Фрэнк. Вы большой конспиратор.

Я уставился на нее. Голова у меня шла кругом. Но кое-что становилось понятно.

— Он вам сказал… — начал я.

— Т-с-с. Т-с-с, — нервно зашипела она.

Подошел Лоуренс — спросить, не налить ли нам еще, и я умолк.

— Нет, спасибо, — ответила ему доктор Нгема. — Мне скоро придется уйти.

— Так рано?

— Работа, работа.

Когда он отошел, она поспешно обернулась ко мне:

— Здесь не место для таких разговоров, Фрэнк. Зайдите ко мне, хорошо? Мы все обсудим. У меня есть кое-какие задумки.

— Хорошо.

— Честно говоря, я не совсем уверена в вашей идее, Фрэнк. Боюсь, из нее мало что получится…

Вы же знаете, я очень ценю перемены и новаторство. Но вопрос: как изменяться? Или, в данном случае, когда… Вот что главное. Т-с-с… он опять идет… Скоро поговорим, да? — И, допив вино, поставила стакан на пол. — Что ж, мне пора. Работа, работа. Письменный стол зовет. Но вечеринка отличная, Фрэнк. Огромное спасибо.

— Это не моя вечеринка, — вновь попытался я внести ясность, но доктор Нгема уже направлялась к двери.

Подскочил Лоуренс. Вручил мне стаканчик с вином. Присел на кровать.

— Ей не было скучно? Я о докторе Нгеме. Она так быстро ушла…

— Лоуренс, она сообщила мне кое-что загадочное.

— Что? — переспросил он, озираясь.

Приглашенные веселились, но как-то робко, с оглядкой друг на друга. Заедала не только кассета в магнитофоне. Здесь заедало все.

— Как по-вашему, эта музыка не слишком неподходящая?

— Музыка как музыка.

— Вы уверены? А вечеринка? Никто не скучает? Все в порядке?

— Все в порядке, Лоуренс, — сказал я, но, огля-

девшись, вновь поразился этому фантастическому смешению людей: в углу Занеле разговаривает с Хорхе, неподалеку на кровати, картинно обнимая за плечи своего друга, развалился Техого, а у двери в ванную танцует пара — Темба с Джулиусом.

С трудом верилось, что все это происходит в комнате, которую я знаю как свои пять пальцев.

— Правда? Я хотел сделать все, чтобы Занеле почувствовала себя… ну-у-у… в общем… желанной гостьей.

— Судя по ее лицу, она довольна.

— Правда? Но у нее всегда такое лицо. Она человек неунывающий.

Я не слукавил: увлекшись рассказом Хорхе, она и впрямь немного расслабилась. Ощущение надлома исходило скорее от самого Лоуренса, не сводившего с подруги своих огромных беспокойных глаз.

— Вы мне не сказали, что она американка.

— Разве? А вы как думали, откуда она родом?

— Я так понял, что из Судана.

— Из Судана? — удивился он. — Нет, нет, она из Штатов. Я хотел спросить, — продолжал он как ни в чем не бывало, — не окажете ли вы мне одну маленькую услугу.

— Что за услуга?

— Вы случайно не могли бы составить ей компанию завтра вечером? Всего часа на два, не больше. У меня дежурство. Я не хотел бы бросать ее совсем одну.

— Э-э… Конечно, могу. А с доктором Нгемой вы поговорить не хотите? Она перенесет ваше дежурство.

— Нет-нет, не стоит.

— Но Занеле приехала, чтобы навестить вас. Разве вам не хочется…

— Нет, нет, дежурство — мой долг. Я не хочу ему изменять.

Около месяца тому назад доктор Нгема впервые поручила Лоуренсу дежурить самостоятельно. Он до нелепости гордился своим новым статусом. Впрочем, на деле его дежурство сводилось к присутствию в ординаторской. Если поступал тяжелобольной, Лоуренсу предписывалось вызвать кого-нибудь из нас. Перенос его дежурства не возымел бы никаких последствий.

— Она сама не хочет, чтобы я переносил дежурство, — добавил он.

— Кто не хочет?

— Занеле. Для нас обоих работа на первом месте. В воскресенье мы все равно увидимся. Большое

спасибо, Фрэнк. Буду вам очень признателен.

Я поймал себя на том, что мне хочется поскорее опьянеть. По-видимому, взвинченность Лоуренса передалась и мне. Я вливал в себя стакан за стаканом, пока веселье других участников вечеринки не показалось мне искренним. И тогда я растворился в этом веселье.

Расстановка фигур в комнате изменилась. Темба и Джулиус бухнулись на мою кровать. Хорхе исчез, зато появилась Клаудия. Она, Занеле и Лоуренс, устроившись на полу, глубокомысленно беседовали. Я же оказался на второй кровати — сидел между Техого и его другом.

Друга Техого звали Рэймонд. Его имя казалось мне знакомым, звучало привычно; следовательно, я просидел здесь с ними уже довольно долго. Я и раньше часто видел Рэймонда на больничной территории, но обычно мы обменивались лишь несколькими вымученными фразами. Он был молод, смазлив почти по-девичьи: обаятельная улыбка, гладкая, словно пластик, кожа. Рэймонда и Техого роднило общее чувство стиля; коротко остриженные, модно одетые, увешанные золотыми украшениями, оба выглядели здесь инопланетянами. Наша дружеская беседа тоже казалась какой-то нереальной, фантасмагорич-

ной. За все годы Техого и я ни слова друг другу не сказали. Если я и говорил, Техого в ответ лишь сердито хмыкал. Но сегодня беседа струилась легко и непринужденно. Нить разговора возникла как бы ниоткуда. И сидели мы близко друг к другу, так близко, что становилось жарко. Рэймонд упирался локтем в мое плечо. Несмотря на сумрак, оба друга не снимали темных очков и потому походили на слепцов.

Речь почему-то зашла о том, как мне живется в одной комнате с Лоуренсом. И я неожиданно для себя проболтался, что когда-то хотел занять комнату Техого.

Его улыбающееся лицо застыло, как маска. Я немедленно принялся оправдываться:

— Никаких проблем. Я раздумал. Больше не хочу в ней жить.

— Вы хотите мою комнату?

— Нет, нет. Теперь меня все устраивает. Я один раз спросил у доктора Нгемы, но на том все и кончилось. Никаких проблем. Я всем доволен.

Рэймонд что-то сказал Техого, и оба расхохотались. Рэймонд обратился ко мне:

— Вы хотите его комнату? Вы ждите.

— Нет, нет, я вам уже сказал, мне не нужна его комната.

— Один месяц, два месяц, — сказал Рэймонд. — Вы ждите.

— Вы не поняли… — Но тут до меня дошел смысл сказанного: — А что будет через два месяца?

— У него будет новая работа, — сказал Рэймонд.

— Серьезно?

— Новая работа, — подтвердил Техого. — Хорошая работа.

— Что за работа? — спросил я. — Вы можете мне сказать. Я умею хранить секреты.

— Работа хорошая, но плохая, — сказал Рэймонд. — Такая хорошая-плохая работа.

Техого дружески потрепал меня по плечу:

— Не волнуйтесь. Живите здесь. Берите мою комнату. Потом я приду и отрублю вам голову.

Оба вновь затряслись от хохота. Затем заговорили между собой, перегибаясь через меня, в более серьезном тоне.

— Это разговор-шутка, — сказал Рэймонд.

— Нет никакой работы, — заверил меня Техого. — Все только разговор-шутка.

Не успел я отреагировать, как перед нами возник встревоженный Лоуренс:

— Фрэнк, что-то меня эта музыка смущает. Как вам она, нормально?

— Не волнуйтесь вы так из-за музыки.

Тут вмешался Техого.

— Эта музыка плохая, — сурово объявил он. — У меня есть хорошая. Ждите. Две минуты. Сейчас приду.

И он пошел к себе. В его отсутствие Рэймонд, наваливаясь на меня, нашептывал мне на ухо что-то о девушке Лоуренса. Что именно, мне никак не удавалось расслышать, но тон был добродушный, вкрадчивый, — по-видимому, какие-то остроумные замечания.

Тут вернулся Техого с целой горой кассет без коробок и немедленно уронил их на пол. Ритм изменился — стал более быстрым, энергичным, бездумным. Поразительно, но танцевать пошли все. Все, кроме Лоуренса. Сидя на моей кровати, он смотрел на нас с озадаченным, скорбным видом. Я поманил его, но он покачал головой.

Я сам себе дивился. Последний раз я танцевал, вероятно, на собственной свадьбе. А тут обнаружил, что прыгаю и машу руками в паре с самым неожиданным для меня партнером — Техого. Я едва узнавал в нем того зажатого, сутулого парня, который не столько ходил, сколько волок с места на место свои кости. Техого отлично владел своим телом. Оказался гибким и вертким, но самое

удивительное — он был весел. Его ухмыляющееся, потное лицо казалось мне безумным, пока я не увидел в нем, как в зеркале, свое собственное.

В тот вечер с нами что-то случилось. Казалось, мы проломили собственными телами стену, которая обычно преграждала нам путь, не давала пошевелиться. Комната стала как цветок — то распускалась вокруг меня ядовито-пестрым бутоном, то вновь смыкала лепестки. Я был уже не я. Меня прорвало. Мной овладела хмельная раскованность, совершенно чуждая моей натуре. Я словно бы вознесся над своей привычной жизнью, увидел сверху, как она узка и ограниченна. Решил, что никогда не вернусь вниз, к прежнему существованию. Я знал: все мы навеки останемся здесь, на этой высоте, сохраним это умилительно-дружелюбное настроение, которое пролилось на нас, точно божественная благодать.

И тут все потянулись к двери. Кассеты были прослушаны, вино — выпито, Техого с Рэймондом звали меня к Маме Мтембу — еще выпить и потанцевать. Но я осознал: на сегодня с меня хватит. Голова у меня уже ныла. Я встал у двери, учтиво говоря всем «доброй ночи», словно я был хозяином, а они — гостями, которых пригласил я лично.

— Утром увидимся, — сказал я Техого, обнял его, почувствовал, как ходят под моими ладонями его узкие лопатки.

— Помните, — сказал Рэймонд. — Через два месяца вы будете иметь свою комнату.

— Он шутит, — сказал Техого. — Это неправда.

— Я уже не знаю, где правда, где неправда, — сказал я.

Опять хохот, беспричинный, чрезмерный. Затем комната опустела. В тусклом свете лампы я вновь узнал свое жилище, грязное, замусоренное. Из динамиков доносилось тихое потрескивание.

— Пойду отвезу Занеле, — сказал Лоуренс. — Через минутку вернусь.

Занеле, смущенно улыбаясь, засовывала одну из своих косичек за ухо. На меня она не смотрела.

— Возвращайтесь утром.

— О, не могу же я переложить на вас уборку. Это несправедливо.

— Отложим на завтра.

— Нет, нет, я сейчас вернусь.

Когда за ними закрылась дверь, я окинул взглядом мусор, сдвинутую с мест мебель. Ликование стало отступать. Неужели я только что пил и отплясывал, словно юнец, который мне в сыновья

годится? Но чувствовать себя молодым было так славно! Зато Лоуренс Уотерс сквозь зыбкий туман моего нынешнего настроения выглядел старым, усталым, побитым жизнью. Почему он не хочет остаться у подруги на ночь?

Он вернулся минут через пятнадцать. Вопреки всем давешним разговорам про необходимость уборки, лишь покосился на разгром в комнате и бухнулся на свою кровать.

— Как, по-вашему, прошло? — спросил он.

— Что именно?

— Вечеринка. Все было нормально? Людям понравилось?

— Наверно, да.

— Правда? А по сравнению с другими вечеринками как?

— Лоуренс, за все годы, пока я здесь работаю, никто ни разу не устраивал вечеринок. Ваша первая.

— Правда? — снова спросил он. На его обеспокоенном лице заиграла слабая улыбка. — Фрэнк, вы были сногсшибательны.

— Это потому, что я пьян.

— Разве?

— Лоуренс, я пьян. Ужас как пьян. Господи ты боже, я уже много лет так себя не чувствовал.

— Замечательно, — рассеянно проговорил он. Его лицо вновь потемнело от беспокойства. — Но почему доктор Нгема ушла так рано?

— Думаю, вечеринки не ее стихия.

Он рассеянно кивнул. Взял с пола несколько бумажных стаканов, сосредоточенно принялся собирать из них пирамиду. Немного понаблюдав за ним, я спросил:

— О каком это проекте она говорила? Насчет работы с населением?

— А-а, это…

— Ну так что за проект?

— Да вы знаете, Фрэнк. Я вам сказал первому.

— Ваша мобильная поликлиника?

Он кивнул.

— Но я должен вас поблагодарить. Это вы предложили начать с деревни Марии. Отличная идея.

— Вы были в этой деревне?

— Пару раз. Подходит идеально. В общем, план такой: организовать пробный выезд, «день здоровья», примерно через неделю. Посмотреть, что получится. И если получится… — Он рассмеялся. — Никаких символов, Фрэнк. Вы были правы.

— Почему же все молчат?

— Доктор Нгема объявит в понедельник, на об-

щем собрании. Давайте сейчас об этом не будем, Фрэнк. У меня что-то нет настроения.

Мы прекратили разговор и вскоре заснули. Меня несколько покоробил тот факт, что идею визита врачей в деревню Марии обсудили за моей спиной, но ощущение гармоничности мира, обуявшее меня на вечеринке, взяло верх над обидой. «Все это не важно, — думал я, — прошлое запутано и изломано, но оно осталось позади. Завтра придет новый день».

Проснувшись утром, я не почувствовал своей головы — только очаг ужасной боли, зависший в пространстве где-то между висками. Вчера мы забыли выключить лампу, и теперь ее тусклый огонек, смешиваясь с дневным светом, озарял разгромленную комнату. Растоптанные чипсы, недопитое вино в надтреснутых пластиковых стаканчиках.

Поднявшись с кровати, я увидел, что деревянную рыбку — ту самую, которую подарил мне Лоуренс, — кто-то уронил со стола и разбил; на полу валялись ее обломки. Швырнув их в мусорную корзину, я уставился, щурясь от боли, на Лоуренса, который лежал на кровати ничком. Его рот был приоткрыт, с губы спускалась ниточка слюны. Едва начавшийся день уже казался мне

каким-то грязным, несвежим.

Горячий душ и таблетка аспирина не помогли. Когда я вышел за дверь, Лоуренс все еще спал. Я сам не знал, куда держу путь, — лишь бы подальше от моей комнаты.

Оказавшись в коридоре, я увидел, что Техого запирает свою дверь. Похоже, он чувствовал себя не лучше моего. Я знал, что надо бы ему улыбнуться, но в то утро мне было не до улыбок.

Он сказал мне:

— Мои кассеты…

— Что?

— У вас мои кассеты. В вашей комнате.

Мой осоловелый мозг не сразу проник в смысл его слов. А когда проник, меня разозлила его грубость.

— Лоуренс еще спит, — сказал я сквозь зубы. — Заберете их попозже.

Техого хмыкнул, и моментально все вернулось: прежняя угрюмость, ожесточенность, недоверие. Все то же прошлое — подновленное, с подзаряженными аккумуляторами. Ничегошеньки не изменилось.

Это неприятное ощущение сопровождало меня весь день. Головная боль не проходила. Мне было не по себе. Мерещилось, будто по моему мозгу

разбегаются тоненькие трещины безумия. Меня донимали бессвязные мысли о Лоуренсе, о его девушке, о его вечеринке. Я помнил, что согласился сегодня вечером на несколько часов составить ей компанию, вот только зачем? Мои мотивы больше не были мне ясны. Я досадовал на то, что Лоуренс снова втянул меня в свои личные дела. Мне казалось: если я пробуду наедине с собой, вдали от Лоуренса, достаточно долго, мое обещание само собой отменится.

Но мое обязательство осталось в силе. Когда к вечеру я вернулся в комнату, Лоуренс деловито занимался уборкой. При виде меня он тут же выпалил:

— Слава богу! Я уж думал, вы от меня прячетесь.

— Лоуренс, выслушайте меня. Давайте я за вас отдежурю. Тогда вы сможете…

— Нет, нет, даже не думайте. Я же сказал вам: это мой долг.

Я прилег на кровать и стал смотреть, как он, согнувшись в три погибели, трет мокрой тряпкой пол. После вчерашнего на этом полу остались пятна, которых не смыть вовек.

IX

Я пришел с опозданием. Она уже ждала меня внизу, снова одетая во что-то западноафриканское. Она слегка подкрасила губы и вообще, как я заметил, прихорошилась. Я же не стал переодеваться после работы, пришел в чем был. Мои щеки покрывала двухдневная щетина, темя ныло от боли.

Поужинать мы могли только у Мамы — больше было просто негде. Я повел Занеле в бар, заполненный до отказа. По выправке и стриженым головам я распознал военных. Подразделение присутствовало здесь в полном составе. Пестрая компания — представители разных рас, разных поколений. В зале было и много знакомых лиц: служащие, фермеры, мелкие сошки. Все они захаживали к Маме — одни часто, другие лишь изредка. Но сегодня, казалось, явились все. Свободный столик отыскался во дворике: по воле случая тот же самый — в углу, под бугенвиллией, — за которым я сидел с Лоуренсом, когда впервые привел его сюда. Подошла Мама. Я заказал виски.

— Может быть, вам не стоит? — спросила Занеле.

— Подобное лечится подобным. Без анестезии я не выдержу. И учтите: в этом распроклятом городе виски просто так не достанешь.

Она улыбнулась:

— Да, странноватое местечко. Не совсем то, чего я ожидала.

— Чего же вы ожидали?

— Э-э-э… Лоуренс не упоминал… когда писал мне… Я все себе представляла иначе.

Не знаю уж, что она там нафантазировала. Но, как я подметил, в баре ей было неуютно, она слушала меня вполуха, нервно озиралась по сторонам. Я и сам жалел, что сюда потащился… Но, стиснув зубы, велел себе не хандрить. Стакан виски и хорошенькая мордочка напротив — не самое ужасное, что может быть в жизни.

Стоило мне немного выпить, как беседа начала клеиться. Мы болтали о всякой всячине: откуда Занеле родом, как ее сюда занесло. Она выросла где-то на Среднем Западе Америки. Ее родители — американские черные, их родители — тоже. В сущности, ничего африканского в ней не было — даже имя. Она стала называть себя Занеле, когда приехала в Судан. На самом же деле ее

звали Линдой.

— Линда — хорошее имя, — сказал я.

Она лишь покачала головой. Со своим прошлым — с детством в семье среднего класса, с финансовым благополучием и мишурными идеалами — она не желала иметь ничего общего. Теперь она считала себя африканкой, но ее уверенность в себе, все ее поведение по-прежнему выдавали в ней уроженку другого, бесконечно далекого континента.

Тем не менее я проникся к ней уважением. Она слов на ветер не бросала — действительно приехала сюда, чтобы работать не покладая рук в суданской пустыне, терпеть лишения в Драконовых горах. Она рассказала мне о Лесото — живется ей там так, что не позавидуешь. На третьей порции виски я разомлел и заказал еще одну, к ужину. Слушать Занеле было легко. Она рассказывала о библиотеке, детском садике, программе ликвидации неграмотности и даже о сельском банке — все силами самих жителей нищего высокогорного поселка. Конечно, благодаря пожертвованиям, которые Занеле помогала собирать в Штатах. Это казалось утопией. Но, разумеется, это и была утопия. Пока все лишь в проекте. Занеле и еще шесть иностранных

волонтеров спят вповалку на полу, а от зари до зари трудятся, не чураясь никакой грязной работы: прививают скот, копают ирригационные канавы…

— А вы? Каковы ваши обязанности?

— Я учительница. Единственная на весь поселок. Учу детей всех возрастов — от шести до шестнадцати.

— Что же вы им преподаете?

— Несколько предметов. Математику. Английский. Начатки истории.

— Вряд ли это эффективно.

— Почему же?

— Ну, сами посудите: дети разного возраста, разного интеллектуального уровня в одном классе. И предметы очень уж разные.

— Вероятно, это не слишком похоже на школу, в которой учились вы, — сказала она довольно холодно. — Но результаты есть. Люди там страшно бедны. Лучше хоть что-то, чем ничего.

— Вы так считаете?

— Да, конечно. А вы — нет?

— Мне кажется, — заметил я, — что в определенных случаях «хоть что-то» ничем не отличается от «ничего».

Она окинула меня настороженным взглядом:

— Вы сами когда-нибудь пробовали?

— Что? Ездил ли я черт-те куда в качестве волонтера? Нет. Наверно, я не верю в гуманитарную помощь. Но также может быть, что я ее все равно оказываю — здесь и сейчас.

— Нет, — сказала она. — То, что вы здесь делаете, на гуманитарную помощь совсем не похоже. Вы рассуждаете о том, в чем совершенно не разбираетесь.

Она и Лоуренс были одной породы: слепо, наивно веровали, что их усилия властны изменить мир. Простая вера, истовая и, в силу своей простоты, тупая. Теперь я понимал, почему в лагере беженцев в Судане их потянуло друг к другу. Новоиспеченный эскулап Лоуренс с его серьезностью и рвением. Девушка с новым именем, бродящая по свету в поисках себя. Южная Африка — нижний край континента, страна будущего, начинающая жизнь с чистого листа, — должна была показаться этим молодым людям самым подходящим антуражем для их пламенных убеждений.

Но, разумеется, то была лишь часть правды. Мне было ясно, что Лоуренс и Занеле слишком разные люди. Объединяет ли их хоть что-нибудь, кроме возвышенных целей? К своим отноше-

ниям они относятся как к отвлеченной идее, бесстрастной, рассудочной, как все их поступки. Постепенно они сами стали отдавать себе в этом отчет. Потому-то Занеле сейчас сидит со мной за столиком, а Лоуренс на расстоянии километра несет дежурство, от которого легко мог бы увильнуть.

Разговор неизбежно перешел на Лоуренса. Она сказала:

— Я вам очень признательна. Вы его так опекаете! Он упоминает о вас в каждом письме. То, что вы рядом, ему очень помогает.

— Я ему ничем не помог.

— Он считает, что помогли. Может быть, вы не знаете… У Лоуренса нет друзей. Вы первый человек, с которым он подружился. Для него это страшно важно.

— А почему у Лоуренса нет друзей?

— Не знаю. Может, потому, что он слишком погружен в себя. Немного зациклен на своих переживаниях. Вы наверняка знаете его историю.

— Частично. Далеко не всю. Я знаю, что его родители погибли.

— Его родители? — вытаращила она глаза. — Вы ошибаетесь.

— Разве его отец и мать не погибли в автока-

тастрофе?

Покачав головой, она опустила глаза.

— Дело прошлое, — проговорила она. — Даже не знаю, почему он вам так сказал. Я думала, он это перерос.

— Так что же правда?

— Он не сирота. Он внебрачный ребенок. Отец о нем и знать не хотел. Мать вырастила его одна. Но ему мать сказала, что его родители умерли и что она взяла его к себе…

— Что она ему сестра.

— Да. Такая история.

Мне стало слегка обидно, точно Лоуренс меня обманул.

— Он рассказал мне целую сагу о том, как однажды отправился разыскивать их могилы…

— Так и было. Он действительно отправился их искать. И тогда его сестра — мать — открыла ему правду. Для него это важная веха. Но это было давно. Не знаю уж, почему он вам солгал.

— Тоже мне зловещая семейная тайна, — заметил я. — Мы же не в Средневековье живем.

Она помрачнела и оттого стала выглядеть более чуткой. С моего языка едва не сорвалось одно безрассудное слово, но в эту самую минуту Мама принесла наш ужин. Я неохотно переключил

свое внимание.

— Сегодня у вас не протолкнуться, — сказал я.

— Все здесь, — подтвердила Мама, улыбаясь неудержимо.

«Как же я счастлива!» — заявлял без слов ее щербатый рот. Когда она расставляла тарелки, браслеты на ее полных руках звенели, точно деньги в ящичке кассы.

— Все военные прибыли?

— Даже их главный. Полковник Моллер. Вчера приехал.

— Кто? — переспросил я, чувствуя, как разгорается у меня в голове пожар.

— Полковник Моллер. О-о-о, какой человек! Очень хороший человек. Вон он у стойки. Хотите еще льда в этот виски?

— Нет, спасибо.

Меня прошиб пот. Не может быть! Таких совпадений не бывает. Но я должен был увидеть своими глазами. Я пошел в туалет. Надо же помыть руки. Человек, на которого указала Мама, сидел у дальнего конца стойки. Лишь на обратном пути я, улучив две секунды, заглянул ему в лицо. Да. Это он. И даже не слишком изменился, хотя минуло десять лет. Немного постарел, раздобрел; повышен в звании, командует сме-

шанным подразделением, где наряду с белыми служат и черные — представители противника, которого он прежде старался уничтожать. Наверно, про себя он считает, что его жизнь сильно переменилась, что начальство отправило его в края, о которых он и не помышлял… Но для меня он был все тем же комендантом Моллером. Узкое лицо фанатика, поджарое тело, таящее в себе невероятную мощь. Перехватив мой взгляд, он уставил на меня свои пустые глаза и тут же отвернулся. Не узнал.

Я не сразу заметил, что меня бьет дрожь. Занеле с любопытством наблюдала за тем, как я пытаюсь взять себя в руки.

— Что-то случилось?

— Да нет, ничего. Все в порядке.

Я солгал. Лицо Моллера стояло у меня перед глазами. Я сел за столик, начал ковыряться вилкой в тарелке… Но сам я был уже не здесь, не сидел во дворике, а шагал за бурой спиной капрала сквозь мрак к освещенной камере… и, шатаясь, брел в одиночестве обратно.

Я встряхнул головой, отгоняя воспоминания. Снова увидел вокруг столики, услышал как никогда оживленную болтовню. Но кое-что изменилось. Изменилось во мне самом — просочилось

и наружу. Наша беседа увяла.

Наконец я положил вилку. И сказал:

— Вон тот человек в баре, у стойки. Он был моим начальником в армии.

Занеле даже не повернула головы к стойке. Вытаращилась на меня. Спросила:

— Вы служили в армии?

Только в этот момент я осознал, что это для нее значит. Армия, мерзкие старые времена. Она ужинает с врагом!

Я смутился:

— Лоуренс жалеет, что не служил в армии. Он мне сам сказал. Считает, что этот опыт важен для становления личности.

— Лоуренс иногда говорит глупости. Он не знает, как устроен мир.

— Но кое в чем он прав. Год общественной службы в здешних местах его многому не научит. Вот посидел бы в какой-нибудь дыре в буше по уши в дерьме, тогда бы понял. Пусть попробует убивать людей. Пусть узнает, каково это, когда хотят убить тебя. Тогда посмотрим. Он бы перестал болтать о мобильных поликлиниках и труде на благо человечества.

Я сам дивился своей злости, ледяной, неумолимой. На кого она направлена, для меня самого

оставалось загадкой. Мы переместились в мир без нюансов, где весь спектр сводился к двум цветам — черному и белому.

Занеле с грохотом отодвинула стул.

— Не надо, — сказала она. — Не говорите так.

Но меня было уже не удержать:

— Это почему же? Вы не в силах смотреть правде в глаза? Ну конечно! Идеи всегда красивее жизни. Но рано или поздно реальный мир всегда берет верх. Лоуренс это узнает. И вы узнаете, когда вернетесь в Америку и выкинете на помойку свои африканские наряды и липовое имя.

— Да вы просто дерьмо!

— Взаимно, — сказал я.

Она вскочила и стремительно вышла. Я остался за столиком — крошил кубик льда, размышлял о том, как быстро все пошло наперекосяк. Меня переполняла холодная, бесстрастная злоба. Я был обижен не на Занеле, а на Лоуренса. Мне даже пришло в голову, что само уже сочетание слов «Лоуренс Уотерс» содержит в себе вещи несовместимые: непостижимость и заурядность, банальность и непосредственность. И это смешение глубоко меня уязвляло.

Но вскоре мой гнев улегся. Вместе с ним отхлынуло и самодовольное упоение моей выходкой.

Я попросил у Мамы поднос, расставил на нем наши стаканы и тарелки и пошел наверх. Но на мой стук Занеле не отозвалась. За дверью стояла настороженная тишина.

— Умоляю вас, — сказал я. — Я черт-те что наговорил. Мне очень совестно. Я пьян. Я не имел права…

— Проваливайте, — раздалось наконец из номера.

— Не могу. Я не могу вернуться и сказать Лоуренсу, что я вас оскорбил.

— Мне плевать. Плевать мне и на вас, и на Лоуренса. Судя по всему, вы с ним друг в друга втюрились. Вот и проваливайте оба из моей жизни.

Впервые за много лет я потерял дар речи. Должно быть, мое изумление каким-то образом передалось через дверь, поскольку в наступившей тишине я услышал скрежет отодвигаемой задвижки.

Немного помешкав — потрясение было слишком сильным, — я подхватил с пола свой поднос и вошел в номер. Там было сумрачно. Комната освещалась лишь светом, просачивающимся через окно из дворика. Убогая мебель была мне отлично знакома — ведь я здесь когда-то жил.

Узкая односпальная кровать, стол, два стула, раковина в углу. Занеле сидела за столом у окна. Меня удивил ее собранный, чопорный вид. Я подошел к столу и опустил на него поднос.

— Что ж, — произнес я после долгой паузы.

— Простите меня, пожалуйста.

— Какой мы нашли великолепный способ провести время.

— Я вся на нервах, — произнесла она. — Ума не приложу, что мне делать. Просто выть хочется. Все кончено, правда? Между мной и Лоуренсом все кончено. Если вообще что-то было.

Я сел напротив нее за стол. Мне было нечего ответить. Не вечер, а какой-то беспорядочный клубок эмоций. И сколько его ни распутывай, концов не найдешь. Снаружи доносились голоса и смех. На столе лежала фотокарточка: она и Лоуренс в пустыне, улыбаются в объектив. Я взял фото в руки, поднес к окну.

— Здесь у вас вид счастливый, — заметил я.

— Просто тогда мы работали. Для него счастье — это работа. Работа, но не я.

— А он? Он для вас — счастье?

— Не знаю. Наверное, нет. Уже и не помню.

— А ну-ка постарайтесь поесть, — сказал я материнским тоном.

— Я не голодна. Простите, со мной черт-те что творится.

— Ничего-ничего. И вы тоже меня простите. Простим друг друга.

Она все еще сердилась, но ей уже не хотелось ни на кого набрасываться. Она сидела сгорбившись. Поникла, как парус в безветренную погоду. В тишине слышалось лишь ее дыхание. Внезапно ее осенило.

— Давайте сходим… хоть куда-нибудь, — сказала она. — Здесь сидеть… такая духота.

— Но куда мы пойдем?

— Не знаю. Неужели некуда?

— В принципе некуда. Можно покататься на машине.

— Ну, это крайнее средство.

— Крайнее средство — для нас самое оно.

Она тихо, невесело рассмеялась.

— А что это там такое, — спросила она, — большой дом на холме?

Я тоже смотрел на это здание — готический галеон, занесенный на гору потопом.

— Дом Бригадного Генерала.

— Что за Бригадный Генерал?

— Большая шишка местного масштаба. Бывший диктатор бывшего хоумленда. Того самого, в

столице которого мы находимся.

— И где он теперь, этот Генерал?

— Ну-у… вопрос сложный. Смотря кого слушать. Одни думают, что он умер. Другие говорят, что ничего ему не сделалось, он переправляет через границу в обе стороны все, что угодно: иммигрантов, оружие, краденые ценности. Работающий пенсионер, так сказать. Эти ребята, военные, приехали, чтобы заткнуть дыры в границе. Теоретически. Но все это лишь пересуды. Кто знает, как дело обстоит в реальности?

— А вы что думаете?

— Ну-у… Вы же видите, какой я человек. Я склонен верить в худшее. И потому ничто не может захватить меня врасплох.

— Вам доводилось его видеть?

— O, ja. В старые времена он всегда был на глазах. Я как-то видел его здесь.

— Прямо здесь?

— Там, внизу. Во дворе. Я зашел пропустить рюмочку и наткнулся на целую шеренгу молодчиков из охраны. Дальше бара меня не пустили. Двор был оцеплен. Но через дверной проем я наблюдал, как он и его жена ужинали. Он был мал ростом. А в другой раз я встретился с ним нос к носу.

— И когда же?

— В мое дежурство он приехал в больницу. Пожаловался на боли в груди. Охранники рассыпались по всему зданию. Я вызвал доктора Нгему, и она его приняла. Но для начала я выслушал стетоскопом его сердце. Могу подтвердить: оно действительно билось.

— Как он с вами держался? — спросила Занеле, зачарованная моим рассказом.

— Учтиво, но отчужденно. По-моему, почти меня не заметил. Его тревожили боли.

— А в чем была причина болей?

— Неспокойная совесть? Газы? Не знаю. Доктор Нгема приняла его, а потом он уехал.

Внезапно мне явственно вспомнился тот день: обнаженный до пояса низкорослый человечек на краешке кушетки, сжимающий в руках свою фуражку. Сидел он очень прямо, очень скованно. Вид у него был крайне опрятный.

— Вам было страшно?

Вопрос заставил меня задуматься.

— Да, наверно, было. Я склонен бояться того, что угрожает моей жизни, даже если вероятность не очень велика.

— Потрясающе! — Она повернула ко мне свое серьезное, порозовевшее от волнения лицо, и я

догадался без слов. Казалось, ее идея логически вытекала из всей кутерьмы этого несуразного вечера.

— Давайте туда съездим.

— Куда?

— К его дому.

— Он там больше не живет. Дом пустует.

— Неважно, я хочу посмотреть. Хоть одним глазком.

— Ладно, — сказал я.

Я был рад чем-нибудь ее отвлечь. Всей душой желал, чтобы ей стало полегче.

Итак, мы поехали к ярко освещенному дому на холме. Он пустовал, но окна загорались каждую ночь; наверно, какой-нибудь слуга или сторож включал рубильник. Так сказать, не давал угаснуть прежним символам.

На вершину холма вела единственная дорога. Вероятно, ее проложили одновременно со строительством дома; других зданий наверху не было. Панорама с холма открывалась величественная. Я забирался наверх раза два, не больше, в первые недели своей жизни здесь. Потом влип в крайне неприятную историю и зарекся туда соваться. Дело было так: я сидел в машине и любовался видом. Тут подошел полицейский. Постучал по

стеклу. Заставил меня выйти из машины и встать, упершись руками в капот. Полицейский обыскал меня. Затем приехал второй, и они начали меня поколачивать. Не сильно, но достаточно, чтобы нагнать страху. Это были молодые парни. От них исходила какая-то неумолимая враждебность. Помню, я сразу же вообразил, как моя жена, раскрыв газету, читает на третьей странице заголовок: «В бантустане пропал без вести врач». На том все бы и кончилось.

Но тут появился офицер полиции, и его подчиненные унялись. Офицер был учтив и сдержан — настоящий профессионал.

— На этот холм вам лучше не забираться, — сказал он мне. — У Бригадного Генерала много врагов. Полиции и армии приказано смотреть в оба. — И, указав вдаль, добавил: — Видом можно любоваться и с других холмов.

Это была бы благополучная развязка истории, едва не принявшей очень нехороший оборот, не будь продолжения. Первого полицейского, который успел выказать недюжинные задатки садиста, я видел впервые в своей жизни и очень надеялся никогда больше не встретить. Но спустя полгода Бригадный Генерал лично назначил этого типа шефом городской полиции.

Симптоматично, что он опередил в служебном продвижении своего начальника — моего спасителя. Последнего я, наоборот, так больше и не видел.

С тех самых пор я здесь не бывал, хотя вершина холма давно перестала считаться запретной зоной.

В укромном месте на обочине были припаркованы еще две машины, тихие, не освещенные. Влюбленные парочки, предположил я, прикатили невесть откуда, чтобы предаться полуночным утехам. Я остановился поодаль. Под нами расстилалась сияющая паутина долины. Отсюда, с высоты, город выглядел заурядно — ничем не отличался от любого провинциального городка ночью. Требовалась наблюдательность и проницательный ум, чтобы заметить: по улицам не ползут огоньки автомобильных фар, почти все окна темны.

— Мы можем обойти вокруг?

Занеле не спускала глаз с дома. Панорама ее не интересовала. Но самого здания не было видно: из-за высокой стены, увенчанной несколькими рядами колючей проволоки, выступал лишь конек крыши.

— Внутрь не попасть.

— Я знаю, но давайте посмотрим снаружи.

Главные ворота были обиты стальными листами. Заглянув в щель между створками, мы смогли разглядеть лишь часть внутреннего пространства: газон, колонну, ступеньки. И кажется, будку часового. Мы повернули за угол. Прошли вдоль стены. И обмерли.

— Фрэнк, — выдохнула она. — Прямо глазам своим не верю.

Я изумился не меньше. Небольшая калитка в стене. Приоткрытая. Незапертая. Внутри еле угадывались во мраке просторы сада.

— Это еще не значит, что туда можно войти, — сказал я.

— Кто оставил ее открытой?

— Не знаю. Может, садовник. Или охранник. С автоматом.

— Да ладно вам. Мы же не воровать пришли.

— Думаю, не стоит туда соваться, — возразил я.

Но она уже проскользнула в калитку. Немного помешкав, я последовал за ней. И очутился в тихом закутке сада. Он не освещался, но постепенно я различил контуры живой изгороди. Под ногами хрустели ветки и гравий — хрустели, как мне казалось, просто оглушительно. Я попытался передвигаться на цыпочках, затаив дыхание,

но не сдержал испуганного вскрика, налетев в темноте на Занеле. Она, хихикнув, вцепилась в меня. Мимолетные теплые объятия.

— Чего вы так боитесь? — раздался ее шепот.

— Нам здесь находиться не положено.

— Мы только посмотрим и уйдем.

Она начала подниматься по склону к пятну света. Стал виден дом, огромный, солидный, сияющий всеми окнами. Калитка привела нас в нижнюю часть сада, и теперь мы направлялись к главной аллее. Вымощенная сланцем тропа вела к лужайке с солнечными часами. За лужайкой тянулась посыпанная гравием дорожка. По другую ее сторону виднелись клумбы и гроты, а также, как мне показалось, поле для гольфа.

Площадь территории составляла около двух акров. Когда мы приблизились к источнику света, я подметил, что этот тщательно спланированный сад нельзя назвать совсем заброшенным. Да, здесь были бурые проплешины и растрепанные деревья, но фигурно подстриженные кустарники все еще сохраняли свою форму, и трава на газонах вымахала не слишком высоко. Об усадьбе кто-то заботится. В сущности, ничего абсурдного в этом нет: когда-нибудь здесь поселится некий новый политик, облеченный уже иными

полномочиями. Мне вспомнился заброшенный дом у реки. Тут все иначе. Другая разновидность заброшенности. Люди не ушли из этого здания; его, как раковину, покинула история, и то временно, чтобы однажды вновь поселиться здесь в обновленной форме. Занеле снова замешкалась. Я нагнал ее, хотел что-то сказать, но она прижала палец к губам. И я тоже услышал голоса.

Невероятно: голоса в этом саду! Двое обменивались репликами. Негромко — слов не разобрать. Я навострил уши. Но разговор сменился шумом. Двумя конкретными шумами. Знакомыми, но совершенно фантастическими. Здесь, посреди ночи — и вдруг?.. Но слух меня не обманывал. Сомнения отпали.

Чушь какая-то! Мы стояли и слушали, как стрекочет газонокосилка, старомодная, ручная, и клацают садовые ножницы. Эти вкрадчивые шумы в темноте походили на чужой язык, такой же отчетливый и непостижимый, как те два голоса. Где именно работают ножницы и косилка, определить было сложно. Скорее всего, по ту сторону кустов, у которых мы стояли. Ножницы клацали без умолку, но косилка двигалась взад-вперед; когда она разворачивалась, нам становился слышен голос человека, который ее

толкал, — монотонное жалобное причитание.

Я тронул Занеле за руку и показал жестом: «Уходим». Хотя страх отступил перед забавностью ситуации, мне ничуть не хотелось попасться на глаза садовникам. Двинувшись в сторону дома, мы оказались бы на свету. Поэтому мы отступили по боковой аллее. Меня разбирал смех. Наша вылазка перестала казаться мне рискованной — так, детская проделка. Однако, обернувшись к Занеле, я увидел: одна из бесчисленных статуй, хаотически расставленных в саду, шевельнулась и спокойно, невозмутимо зашагала в нашу сторону. И в мгновение ока мир снова стал местом, где опасность подстерегает на каждом шагу.

Мы оба так и обмерли. Статуя вперевалочку двигалась нам наперерез. Свет из окон дома упал на форменную тужурку и фуражку. Охранник! Чего я и боялся.

— Мы не хотели… — начал я.

— Калитка была открыта, — сказала Занеле, — вот мы и зашли посмотреть.

— Мы зашли посмотреть, — подхватил я.

Мы тараторили, перебивая друг друга, но охраннику наша нервозность не передавалась. Он неподвижно стоял, разглядывая нас. Затем изящно качнулся с пятки на носок. По его лицу

скользнула полоска света. Всего на секунду. Но в эту секунду я его узнал.

Бригадный Генерал вовсе не был Бригадным Генералом. Вплоть до организованного им переворота он был простым капитаном сил обороны хоумленда. Никто о нем и не слыхивал. Лишь помощь таинственных, но влиятельных друзей помогла ему выйти в люди, в одночасье сделаться могущественным правителем. Он сам себя назначил премьер-министром. Сам себя осыпал почестями: произвел в Генералы, наградил целой пригоршней медалей.

Теперь он тоже был при медалях и в соответствующем его званию мундире. Мундире упраздненной армии. Каждое движение Бригадного Генерала сопровождалось тихим позвякиванием.

Он сказал:

— Калитку открыл я.

Его голос был мне знаком. Холодный, тихий, бесстрастный. Гораздо более характерный, чем его заурядное, низколобое лицо. Его голос запоминался сразу. Я слышал его по телевизору и по радио: что бы он ни произносил, интонация оставалась ровной. Слова могли быть неразборчивы, но этот нечеловечески отрешенный тон врезался

в память.

Что он говорил в тот недолгий период, когда играл роль бога в своем маленьком искусственном мирке? При всем желании я не смог бы привести ни одной цитаты или повторить хотя бы одну самобытную фразу. Сплошные шаблонные разглагольствования о национальном самоопределении и светлом будущем, явно сочиненные далеко-далеко белыми повелителями Бригадного Генерала. Претория привела его к власти, когда предыдущий правитель, несмотря на всю свою бесчестность и коррумпированность, начал поступать слишком независимо. Генерал, напротив, отлично знал, как следует себя вести, чтобы усидеть в своем кресле.

Но время работало против него. Если бы политическая обстановка не изменилась, он смог бы провозгласить себя пожизненным президентом и народным кумиром на ближайшие сорок лет. Но вскоре после его победы далеко отсюда, в подлинной столице, правительство белых сложило свои полномочия, и к власти пришли другие силы. Года через два-три Бригадный Генерал оказался не у дел. Прошло еще три или четыре года — и вот он здесь, разряженный, как на парад, в полночный час горделиво прогуливается по пустой (если не

считать пары статистов) сцене.

Я сказал Занеле:

— Знаете, кто это?

Она покачала головой.

— Бригадный Генерал.

— Это… Бригадный Генерал?

— Правда-правда.

Мы оба уставились на него. Разговор, только что произошедший между нами, несколько лет назад был бы невозможен даже теоретически. В его же присутствии мы, не стесняясь, говорили о нем. А потом стали с любопытством его разглядывать, точно неодушевленную вещь. Но он сохранял невозмутимость. Стоял, перекатываясь с пятки на каблук. Флегматичное крохотное личико ровно ничего не выражало. Белки его глаз поблескивали в темноте.

Зато с Занеле произошла перемена. Еще в гостинице, начав свой рассказ о Бригадном Генерале, я подметил: к его личности она испытывает интерес, странно похожий на вожделение. Теперь она вообще стала неузнаваема. Засияла, расцвела, точно я представил ее знаменитости мирового масштаба. Смотрела на него совершенно иными глазами. Даже подалась всем телом ему навстречу.

— Мы хотели посмотреть ваш дом, — сказала она.

— Вы хотите посмотреть мой дом?

— Да.

— Пойдемте.

Звеня медалями, он зашагал в ту сторону, откуда мы только что пришли. Занеле быстро, почти виновато оглянулась на меня и последовала за ним. Я замешкался и нагнал их, лишь когда они остановились около тех двоих, что работали в саду.

Взглянув на эту диковинную пару, послушав их голоса, нельзя было не изумиться. Оба утопали в бурой военной форме — мешковатой, с чужого плеча. Один белый, немного старше меня, с поредевшими рыжеватыми волосами и опухшим, красным лицом, памятным мне по фотографиям в газетах. Один из тех советников, которых правительство белых прикрепило к кабинету хоумленда еще при первом, позднее смещенном премьере. Большой же путь прошел этот человек — от военного переворота и работы при новом правителе до полного краха, — прежде чем оказаться здесь и толкать газонокосилку в полуночной темноте. Другой был молодой, черный, еще не потрепанный жизнью. Его я не знал.

Оба озадаченно уставились на нас. Бригадный Генерал негромко обратился к ним:

— Займитесь следующей частью сада. Я схожу к дому. Скоро вернусь.

И он зашагал вперед, увлекая нас за собой. Главная аллея, широкие ступени, мощенная сланцем терраса. За стеклянными дверями — темная, без мебели, комната.

Дом был огромный, выстроенный с претензией на шик, но, в сущности, ничем не примечательный. В большом городе он считался бы типичным образцом безвкусной роскоши. Здесь же он казался особенным лишь потому, что высился на вершине холма, окруженный зеленым кольцом сада, как замок рвом. Но теперь, когда мы подошли к дому совсем близко, я мысленно воскликнул: «Да на что тут смотреть?!»

— Они все вывезли? — спросила Занеле.

Бригадный Генерал грустно кивнул.

— Все. Приехали на трех грузовиках.

— И куда отправили?

Он пожал плечами:

— В Преторию. Сказали, чтобы лучше сберечь. Ну и где оно все? — Он многозначительно кивнул. — Пропало. Пропало.

Теперь, на свету, я его хорошо рассмотрел.

Чисто выбритый, пахнущий одеколоном… Но по сравнению с прежними временами его лицо казалось каким-то расплывшимся, отупевшим. Мышцы обвисли. Глаза прятались под набрякшими веками.

Но Занеле этого не замечала. Она не прикасалась к нему, но мысленно уже взяла его под руку. Как же я ошибался, думая, что Бригадный Генерал растерял все свое могущество. Он оставался опасным человеком — не менее опасным, чем любой, кто готов запереть тебя в камере и сделать с тобой все, что ему заблагорассудится. От него пахло властью, и запах этот, с металлическим привкусом, был как приворотное зелье.

Подойдя к нему близко-близко, Занеле спросила:

— А можно нам, если только вы позволите, зайти внутрь?

— Они забрали ключи. Сменили замки. Выгнали меня из моего собственного дома.

— А как же вы отперли калитку?

— Этот ключ я уберег. — Его губы растянулись в медлительной улыбке. — Всех замков не упомнишь — какой-нибудь обязательно позабудут сменить.

— Почему вы заботитесь о саде?

— А кто еще позаботится? Я вас спрашиваю: кто? Эти люди? Отнимать они умеют, а дать ничего не могут. Я иногда приезжаю — раз в неделю, два раза в неделю, — просто навожу порядок.

— Наверно, вам больно сюда приезжать. Столько воспоминаний!

— Ja, — сказал он. — Я ничего не забыл. Ничего.

— Так вы не будете возражать, если мы посмотрим?

— Пойдемте.

Он шел впереди нее, точно служитель, проводящий экскурсию. Но осматривать было нечего. Лишь череда пустых комнат, еле видных через кусты и толстые оконные стекла. Бригадный Генерал и Занеле шли вдоль дома, через каждые несколько шагов останавливаясь. Он возглашал: «Зал приемов, кладовая, кабинет...» — с такой важностью, словно назначение комнат имело огромное историческое значение. Но теперь он вне истории — смотрит на нее через тонкую, но непреодолимую преграду.

Когда мы вышли к фасаду дома — портик с колоннами, будка часового, — Бригадный Генерал замер на верхней ступени. Отсюда был виден город.

— Если бы было светло, — сказал он, — мы бы сейчас увидели мою статую.

Он имел в виду памятник на перекрестке. Занеле встала рядом с ним, всматриваясь во тьму.

Меня для них не существовало. С самого начала экскурсии Занеле на меня даже не глядела. Прилипла к Генералу, сочувственно его выслушивая. Я же проникся к ней отвращением, к которому, не скрою, примешивалось вожделение.

Как бы то ни было, сказать по чести, ситуация завораживала своей необычностью. Бригадный Генерал — крохотная, поникшая фигурка — задавал в этой сцене тон, приковывал к себе всеобщее внимание. Ему каким-то образом передалась атмосфера скорбной пустынности, царящая в доме. Бригадный Генерал выглядел печальным и обездоленным. Казалось, он лишился своего фамильного имущества, а не того, что сам захватил силой. В этот момент даже мне не верилось, что этот человек опасен. Он походил на ребенка, который нарядился в маскарадный костюм и играет в вымышленного властелина.

Парадные двери были высокие, массивные; он подошел к ним, подергал ручку, словно надеясь, что на сей раз двери все-таки распахнутся перед ним, распахнутся вновь. Я был рад, что внутрь не

попасть. Следовать за монструозным карликом по закоулкам его прежнего логова — это было бы слишком. Бригадный Генерал застыл, как призрак, на фоне своего освещенного сада, где все еще трудились две фигурки, отсекая все лишнее. За пределами сада, далеко внизу, раскинулся неподвижный, мертвый фриз — огни города.

Я сказал:

— Нам пора.

Занеле среагировала на мою интонацию. Нервно переступила с ноги на ногу:

— Погодите…

Но и он среагировал. Впервые посмотрел прямо на меня. Белки глаз цвета слоновой кости. В глазах нескрываемое презрение. Он сказал:

— Вам не нравится мой дом?

— Зачем вы сюда приезжаете?

— Посмотреть.

— Что тут смотреть? Для вас это все в прошлом.

Повисла напряженная пауза.

— Погодите, — снова повторила Занеле.

Бригадный Генерал двинулся ко мне:

— Что они сделали с моим домом? Ничего. Выгнали меня, забрали мою мебель. Три грузовика приехало. Три… — Он выставил три пальца

— этому числу он придавал какое-то особенное значение.

— Все это было не ваше.

Он проигнорировал мои слова:

— Они просто все бросили. Ничего не делают. Если я не буду заботиться о саде, что будет? Он умрет. Кто будет стричь газон? Кто даст ему воду? Если я не буду сторожить, какая-нибудь шушера выломает ворота и станет жить в этих залах. В этих красивых залах.

— Должно быть, вам очень тяжело, — опечаленно произнесла Занеле.

— Тяжело. Очень тяжело. Еще вчера я жил здесь. Прошел всего один день — я живу в палатке. Еще вчера я мог все. Прошел всего один день — ничего уже не могу. Ужасно. Ужасно! — Его голова неспешно, с явным усилием, повернулась ко мне: — Скажите мне, доктор: если бы вы были я, вы бы захотели вернуться назад, правда?

«Доктор»… Это слово упало в мою душу холодным камнем. Он меня узнал.

— Понятия не имею, — сказал я. — Не знаю, каково это — быть вами.

Он вновь медлительно улыбнулся, оскалив крупные белые зубы.

— Я вам скажу. Люди, маленькие люди, пустые

люди, они думают, что я — прошлое. Но я не прошлое. Мое время скоро придет.

— Хорошо, — сказал я. — Очень за вас рад. Но нам уже пора ехать. Час поздний, Линда. Я хотел сказать, Занеле.

— Да, — сказала она. — Что ж, спасибо. Приятно было познакомиться.

Он взял ее руку в свои, склонил голову. Все с той же широкой улыбкой, такой же бессмысленной, как и его никчемные медали. Я уже спускался по ступенькам.

Занеле нагнала меня, когда я поравнялся с садовниками. Они переключились на другую часть сада и возобновили свои ритмичные причитания в унисон со стрекотом косилки и клацаньем ножниц. При виде нас они испуганно замерли, но вскоре клацанье возобновилось.

— Погодите, — сказала она. — К чему такая спешка?

Я замедлил шаг. На обратном пути мы не проронили ни слова.

Калитка. Путь вдоль стены. Две чужие машины, белая и черная, припаркованные бок о бок, словно примитивный символ единения. Поначалу я подумал, что эти автомобили привезли сюда влюбленных, повинуясь их романтическому ка-

призу. Теперь же я знал: эти машины перевозят и более зловещий груз. Я рассмеялся вслух.

— Что такого смешного?

— Вообще-то это не смешно…

— Что не смешно?

Как тут объяснишь? Все просто, но невероятно. За ужином она причислила меня к злодеям, когда я сказал ей, что служил в армии. Теперь же этот коротконогий монстр сделался ее кумиром лишь потому, что когда-то у него была власть. Хоумленд, насилие, алчность, грязные политические игры и пустопорожние титулы — все это для нее ничего не значит. В мире черно-белой этики, в мире Лоуренса, власть никогда не бывает стопроцентно неправедной.

— Ничего, — сказал я.

В машине мы молчали, глядя прямо перед собой на приближающиеся городские огни. Съехав с холма, вновь оказались среди пустынных улиц и ветшающих зданий. Притормозив у заведения Мамы, я замешкался, обмирая от неопределенности: наше безмолвие — неутешительный финал или многообещающее начало? Обернувшись к ней, я моментально понял все. Она обернулась ко мне синхронно. Наши горячие губы слились. Но даже в этот момент — прежде чем мы поднялись

по лестнице и оказались в комнате с жесткой, узкой кроватью — нас неотступно сопровождало эхо минувшего вечера. Во тьме мы были вдвоем — но не наедине.

X

Вернувшись ночью в больницу, я увидел его в окне ординаторской. Он сидел за столом. Дежурил. Он не мог не услышать, как я подъехал, но так и не выглянул из окна. И я тоже не зашел к нему в ординаторскую.

Чувства вины я в тот момент не ощущал. Оно пришло позже. Моя совесть просыпалась неспешно, как из черного семени проклевывается росток. Считайте меня извращенцем, но тогда, той ночью, я ощущал, что стал к Лоуренсу ближе, сдержал уговор — некое соглашение, словно бы заключенное между нами, где Занеле отводилась роль второго плана.

Я увиделся с ним наутро, когда он пришел с дежурства. Он был усталый, поникший, но отсыпаться не стал. Побрился, принял душ, переоделся в чистое. И лишь после этого спросил — небрежно, словно бы между прочим, — как прошел вчерашний вечер.

— Нормально. Мы посидели у Мамы, поужинали. Ничего из ряда вон выходящего.

— Большое спасибо, что выручили, Фрэнк. Вы

настоящий друг.

Сам не знаю, что заставило меня умолчать о Бригадном Генерале, ведь эта часть вечера меня ничем не компрометировала. Но чуть позже, увидев ее с Лоуренсом — она уже собиралась в обратный путь, — я осознал: она тоже не рассказала ему о Генерале. Странно, но факт: наше вчерашнее соитие, спровоцированное взаимной обидой, вело свою историю от запретного сада на холме.

— Спасибо за компанию, — сказала Занеле, протянув мне руку. — Приятно было познакомиться.

До чего же чопорно! До чего любезно! Нейтральное выражение лица. Бесстрастная маска. Руку я пожал, но в глаза ей смотреть избегал — как и она мне. Когда она уезжала, провожать не вышел — нашел себе занятие в ординаторской.

Лоуренс ее проводил. И через пять минут вернулся, задумчивый, чем-то обеспокоенный. Впрочем, я подметил, что он периодически на меня косится. Мне мерещилось, что у меня на лбу написано: «Измена». Но я сохранял безмятежное, невинное выражение лица. История с Клаудией научила меня скрывать предательство.

К тому времени, как наступил вечер, я понял, чего мне больше всего хочется. Я сел в машину и поехал через весь город на дальнюю окраину, к

таксофону. Я мог бы позвонить с какого-нибудь другого таксофона или просто из больницы, но мне хотелось услышать ее голос именно в этой одинокой будке, стоящей на самом краю обитаемого мира.

— Не знаю, зачем я звоню, — сказал я.

— Кто говорит?

— Оглянись назад. Теоретически нас еще связывают узы брака.

— Фрэнк? О Господи, Фрэнк!

Она произнесла эту фразу с такой радостью, что на миг мне показалось: все еще будет.

— Карен, — сказал я. — Я о тебе думал.

— Я тоже о тебе думала, Фрэнк. Надо же, какое совпадение! Я собиралась тебе звонить. Сообщить, что договор готов. Можешь приехать и подписать.

Моя голова была забита совсем другими мыслями, и лишь через несколько секунд я смекнул: она имеет в виду договор о разводе. Документ, закрепляющий расторжение нашего брака.

— Понял, — сказал я. — Значит, ты хочешь, чтобы я приехал?

— Фрэнк, я тебя не о слишком многом прошу, верно? Через семь-то лет?! Другие люди умудряются все уладить, не сбегая черт-те куда. Боже

ж ты мой!

Ее жалобный голос, преобразованный телефоном в электрические колебания, добирался ко мне из тьмы. Из прошлого. Телефонная будка, в которой я стоял, находилась на посыпанной гравием обочине последнего шоссе, на краю светлого мира. В одном шаге от меня начинались буш и тьма. Мне была отчетливо видна сплошная стена зубчатых листьев, слышно тихое поскрипывание в толще этой стены: ветер, трепет веток, стрекот насекомых. Я сказал:

— Не надо.

— Что «не надо»?

— Не надо так говорить. Я даю тебе развод. Я больше не в бегах.

После недолгой паузы она заговорила снова, более спокойно, но с оттенком настороженности:

— Вот и славно, Фрэнк. Пора нам отпустить друг друга на волю. Давно пора.

— Через несколько дней я приеду.

— Когда?

— Можно я тебе сообщу в другой раз? Я должен здесь кое о чем договориться…

— Скажи хотя бы приблизительно! Мы здесь тоже, знаешь ли, должны согласовывать нашу жизнь с другими…

— В четверг, — сказал я. — Четверг тебя устраивает?

— Четверг годится. Я принесу договор домой.

— Хорошо. Значит, тогда и увидимся.

— Фрэнк. Ты ведь не из-за этого позвонил. Зачем ты звонишь?

Я призадумался. Напряг память. Сам засомневался, правильно ли помню. Зачем я, собственно, звонил? Просто хотел услышать ее голос. Но мне хотелось, чтобы этот голос произносил то, чего никогда уже не скажет, — слова, которые давно забыты, утрачены, мертвы. Повесив трубку, я постоял, прижавшись лбом к пластмассовой раме, вглядываясь во тьму. Прошлое и будущее — опасные страны; последние семь лет я прожил на разделяющей их ничейной полосе, ни там ни сям. Теперь же я почувствовал, что меня куда-то сносит, и испугался.

Я сел за руль и тихо, не спеша поехал к Марии. Сознавая: и тут я тоже не знаю, чего ищу. Бесцельные метания. Ощущение, что некуда приткнуться. Я сел на ящик в углу. Растер лоб.

— Пятница, суббота ты не приходил, — сказала она. — Почему, почему?

«Я был с девушкой Лоуренса». Но этого я не сказал. Такие вопросы были бы уместны в контексте

нормального романа. Не в данном случае.

— Я был очень занят. Работал.

— Работал?

— Да.

Она сидела поодаль, в темном углу. Лампа, пышущая жаром, стояла рядом со мной.

— Сегодня ты приходил рано. Почему?

Было шесть или семь вечера — до моего обычного часа оставалось еще долго. Я об этом даже не подумал. Но тут же нашелся:

— Просто мне скоро надо будет ехать. Надо поспать. Я очень устал.

— Устал?

— Да. Мария, почему ты мне не сказала, что он был здесь?

— Кто был здесь?

— Лоуренс. Мой друг. Он сказал, что бывал в этой деревне, в деревне, которая за магазином. Несколько раз. Почему ты мне не сказала?

Но она замотала головой. Сморщила лоб. Ее лицо выражало искреннее недоумение. Она сказала, что его не видела. И что не понимает, о чем я говорю.

Лжет? Я всмотрелся в ее лицо. И только тут заметил, что она какая-то грустная.

— Что случилось? — спросил я.

Нет, ничего не случилось.

Через секунду по ее щеке скатилась слеза. Я встал и подошел к ней. Она отвернулась к стене.

— Что это у тебя? Мария, что это?

Синяк. Левая половина лица — темная, припухшая. Я сообразил, что все это время она ее прятала: села подальше от света, отвернулась от меня.

— Нет, — уверяла она, — это ничего.

— Как ничего? Разве это ничего? Откуда этот синяк?

— Нет, нет, — отворачивалась она.

Еще одна слеза упала на пол. Внезапно я уяснил смысл всех вопросов, которые она задала мне сегодня. «Ты не приходил. Почему, почему?» Я попытался ее обнять, но она встала и принялась переставлять деревянных зверей на полках. Спустя одну-две минуты она заявила:

— Ты уходи сейчас.

— Я хочу остаться.

— Нет. Сейчас опасно. Проблема, проблема.

— Можно я вернусь попозже?

Она покачала головой:

— Лучше ты уходи. Приходи завтра.

Я встал, отряхнул брюки, чувствуя стыд и неловкость. Не зная, что еще сделать, полез в карман

за деньгами. Протянул ей купюру в пятьдесят рэндов. Но сегодня впервые она не хотела брать от меня денег; казалось, даже их не замечала. Она вновь помотала головой. Ей требовалось что-то другое.

— Ты приходишь завтра ночью?

— Да.

— Ты обещаешь завтра?

— Да, — искренне сказал я, но она посмотрела на меня такими глазами, точно уличила во *лжи*.

Утро понедельника обычно начиналось с общего собрания в ординаторской. Теоретически оно проводилось для того, чтобы обсудить проблемы пациентов, проанализировать несколько конкретных случаев в целях улучшения нашей работы, поделиться идеями и проблемами с коллегами. На практике все делалось лишь для галочки. Устроив перекличку, доктор Нгема произносила несколько фраз, и все расходились.

Но на сей раз доктор Нгема сказала:

— Сегодня на повестке дня… особое сообщение.

Все мы уставились на нее. Нервно заерзав, она сделала жест Лоуренсу.

Тот выглядел солидно. Постарался одеться поэлегантнее, тщательно причесался, чтобы пряди блестели, лежали ровно. Накрахмаленный белый

халат, стоявший на нем коробом, был застегнут до самого подбородка. Лоуренс встал, не выпуская из рук пачку каких-то листов.

— Э-э… Да. Благодарю вас. Я только хочу сказать, что в четверг… в этот четверг, в первой половине дня… я планирую выезд мобильной поликлиники в одну деревню неподалеку.

По комнате прокатилась волна изумления. Заскрипели стулья, зашуршали бумаги.

— Простите? — вопросила Клаудия.

— Поликлиника. Мы организуем мобильную поликлинику.

Хорхе прочистил горло:

— Не понимаю. Вы хотите?..

За общим безмолвием явно чувствовалось замешательство на грани паники. Голова Лоуренса слегка поникла. Он уставился в свои листочки, точно рассчитывая прочесть в них ответ.

Доктор Нгема кашлянула. Мы все обернулись к ней. Болезненно скривив рот, она проговорила:

— Эта идея… Эту идею выдвинул Лоуренс. Это… очень хорошая идея, я полагаю. Но, разумеется, она будет осуществляться на чисто добровольной основе. Если кто-то из вас захочет поехать и помочь, это будет…

— Очень любезно с его или с ее стороны, — под-

хватил Лоуренс — он все еще стоял.

— Сама я не смогу поехать, — сказала доктор Нгема. — Слишком напряженный график работы.

— Наверное, я должен кое-что объяснить, — сказал Лоуренс. — Я планирую что-то вроде презентации. Я еще не на сто процентов уверен, столько вариантов… но, думаю, следует начать с лекции о санитарии и гигиене, вы меня понимаете, затем перейти к ВИЧ и СПИДу. Следующий этап — раздача презервативов; на данный момент нам больше нечего раздавать, но в будущем что-нибудь да пришлют, не сомневаюсь. Э-э… затем люди поочередно будут подходить к нам, излагать, на что жалуются. Вот все, что мне пришло в голову. Да, ехать недалеко, это такая деревня неподалеку, название я сейчас запамятовал, где-то тут у меня записано…

Это заявление было встречено изумленным молчанием.

— Извините, пожалуйста! — воскликнула Клаудия. — Но для чего оно, это все? Для чего?

Лоуренс ответил:

— Мне кажется, так мы можем привлечь внимание к нашей больнице, напомнить людям о ее существовании. И сделать что-то реальное.

Зря он употребил это слово: безмолвие приобрело неприязненный оттенок. Когда Лоуренс опустился на стул, уровень энтузиазма в ординаторской упал до нулевой отметки.

Выждав несколько секунд, я поднял руку и сказал:

— Я всецело поддерживаю идею… инициативу Лоуренса. Однако боюсь, я не смогу принять участие.

И почувствовал на себе тяжелый взгляд Лоуренса.

— Почему же, Фрэнк? — спросила доктор Нгема.

— Мне нужно на несколько дней отлучиться. Семейные обстоятельства.

— Я не в курсе, что…

— Необходимость возникла только что, — сказал я. — Я собирался обсудить с вами этот вопрос после собрания.

В ординаторской воцарилась атмосфера какой-то всепобеждающей инертности. Люди медленно двинулись к выходу. Я выскочил в коридор первым, но на тропинке, ведущей к жилому корпусу, Лоуренс меня нагнал:

— Почему, Фрэнк, почему?

— Ничего, Лоуренс, не волнуйтесь. Когда насту-

пит четверг, они воспылают энтузиазмом.

— Я не о них. Я знаю, мой план им не нравится. На них мне плевать. Но вы, Фрэнк… Почему вас там не будет?

— Лоуренс, я должен съездить в Преторию. Ничего поделать не могу, так уж сложилось. Нужно подписать договор о разводе.

— А-а…

Его глаза потухли. Развод, формальности — взрослые заботы. Неведомый ему мир.

— Что ж, очень жалко. Это была ваша идея, Фрэнк.

— Нет, не моя, — отрезал я с неожиданной для самого себя горячностью. — Идея целиком ваша.

— Но вы предложили именно эту деревню…

— Лоуренс, это была не идея. И даже не совет. Я просто ляпнул, что мне пришло в голову…

— А-а, — вздохнул он и, отстав от меня, побрел по тропинке, молча глядя в землю.

После обеда я пошел к доктору Нгеме. Она сидела у себя в кабинете и что-то писала. Дверь была распахнута настежь. Когда я появился, она прикрыла дверь и усадила меня в низкое кресло, а сама села напротив, лицом ко мне, как всегда при разговорах на личные темы.

Сказать ей было нечего. Сегодня мое осунув-

шееся, грустное лицо обеспечивало мне некую власть над всеми.

— Разумеется, Фрэнк, — сказала она, — я изменю график. Ни о чем не беспокойтесь.

Об отпуске я просил впервые за три года. Она погладила меня по плечу. Постаралась выказать сочувствие к страданиям, которых я не испытывал: фактически мой брак распался много лет назад.

— Если хотите, можете выехать хоть завтра. Я все улажу.

— Спасибо, я вам очень признателен.

— И вот еще что…

Наконец-то! Я хорошо запомнил ее таинственные намеки на вечеринке.

— Это связано с мобильной поликлиникой. Косвенно. Собственно, дело в должности.

— Должности?

— В этой должности. В моей должности. — Она подалась вперед. — В вашей должности, Фрэнк. Намечаются подвижки.

— Да? — Я уже столько раз слышал от нее эту фразу, что мог лишь устало изобразить воодушевление. — Это хорошо.

— Я надеюсь, теперь уже все точно. Подробностей пока разглашать не могу, но перспективы

замечательные.

— Отличная новость, Рут. Очень рад слышать.

— Именно поэтому идея поликлиники вызывает у меня некоторые сомнения. Я знаю, Фрэнк, вы ее одобряете. Вы помогли Лоуренсу. Я уверена, из самых благих побуждений. Но в данный момент нам совершенно не нужны новые громкие инициативы.

— А-а. Да. Понимаю.

— Я ратую за новаторство и перемены, — жалобно произнесла она. — Вы сами знаете. Но лучше не раскачивать лодку. Только не сейчас.

— Понимаю.

— Спасибо, Фрэнк. Вы всегда проявляете… большую отзывчивость. Помните: когда вы станете здесь главным, вы будете вольны делать все, что захотите. Вы сможете изменить мир!

Я почтительно кивнул.

Дотоле она тщательно подбирала слова, но ее подлинные чувства частично прорвались наружу:

— Лоуренс мне симпатичен. Я же вижу, намерения у него добрые. Но иногда он…

— Понимаю.

— Вот-вот. Сегодня, например, когда он выступал. «Так мы можем сделать что-то реальное…»

Это как, намек, что мы здесь ничего не делаем?

— Он человек молодой. Еще не научился обдумывать свои слова наперед.

— Вы его защищаете. Что ж, он ваш друг. Это хорошо. Но он… иногда он слишком задирает нос. Хочет выше своей головы прыгнуть.

Я снова кивнул, и ее лицо вновь превратилось в невозмутимую маску. Она подавила в себе раздражение и неприязнь. Или просто постаралась их скрыть. Она сказала:

— Я не желаю ему ничего дурного. Вы сами знаете. Но мне кажется, в другой больнице ему было бы лучше.

— Возможно, вы правы.

— Он мне симпатичен. Поймите меня правильно.

— Я понимаю.

— Спасибо за понимание, Фрэнк.

Когда я вернулся в комнату, Лоуренс собирался на дежурство.

— Я все обдумал, — заявил он с вызовом. — Мне плевать.

— На что вам плевать?

— Если они не хотят, я один поеду. Мне плевать. Они ничего для меня не значат. Мне только жаль, что вас там не будет, Фрэнк. Вот единственное,

что меня тревожит.

— Может быть, в следующий раз.

В его печальных глазах сверкнула такая благодарность, что я проникся к нему сочувствием. Он и не подозревает, насколько тут одинок. И в его лице снова проступило то, что я подметил в первую минуту знакомства. Я почти подобрал для этой черты нужное определение, но момент миновал.

Когда Лоуренс ушел, я стал бесцельно бродить по комнате — расставил стулья, оттер зеркало от зубной пасты, обмахнул подоконник… В ходе этой остервенелой уборки я обнаружил на полу груду кассет, тех самых, которые принес Техого. Я сложил их аккуратной стопкой на столе — пусть дожидаются, пока он их заберет. Но затем, когда в комнате воцарился идеальный порядок, почему-то взял кассеты и понес владельцу сам.

Была ли у меня какая-то задняя мысль? На сознательном уровне — нет. Но стоило мне выйти в коридор, как во мне пробудился иной человек: бдительный, проницательный. Все чувства обострились.

Дверь Техого была в самом конце коридора. Светильник на потолке давно сломался. Естественно, его никто и не думал чинить. Хотя снаружи еще

сияло солнце, в коридоре царил мрак. Я постучал в дверь. Техого не отозвался. «Спит», — подумал я. Постучал сильнее. Дверь под моим кулаком подалась.

Не заперто. В щелку я увидел край незаправленной постели и стол, на котором стояло несколько пепельниц и валялись апельсиновые корки. Я поднял руку и осторожно, кончиками пальцев надавил на дверь, делая вид, что она сама распахнулась, от сквозняка, допустим. Щель стала шире. Я просунул в нее голову и громко позвал:

— Техого!

Но на кровати никого не было. И из ванной никто не выглянул.

В комнате был настоящий свинарник. На полу всякий мусор: пустые сигаретные пачки, порожние бутылки, пластиковые стаканчики. Постельное белье засалено. Всюду раскиданы глянцевые журналы. В воздухе затхлый туман — смесь табачного дыма, усталости и пота.

Шагнув вперед, я снова окликнул Техого, уже зная, что его нет дома. Воспользовался именем, как заклинанием, которое должно было перенести меня через порог. Вошел — и немедленно позабыл об обыденной жизни за пределами комнаты и о том деле, которое привело меня сюда.

Эта комната была как убогая каморка моей души, в которой тоже хранилась некая тайна.

И тут же одернул себя: это же комната Техого! И хотя его самого здесь не было, в каком-то смысле я впервые в жизни действительно увидел Техого. В больнице он был чем-то вроде непостижимого призрака: угрюмый, замкнутый, с крутым нравом, но без заметных признаков индивидуальности… А здесь передо мной обнажилась его сокровенная натура. Разбросанные там и сям журналы — все, как на подбор, женские, повествующие о последних модах и красивой жизни. Он вырезает из них картинки и клеит на стены. Закаты, пляжи, неправдоподобные пейзажи, отретушированные журнальными художниками. Женщины, позирующие в шикарных нарядах или в одном белье. От картинок веяло тоской и пафосной сентиментальностью. Часть стола у изголовья кровати была кое-как расчищена. Именно там стояла фотография в рамке, запечатлевшая пожилых супругов. Очевидно, ради съемки они принарядились: стояли в своей лучшей одежде, скованные, сконфуженные, слегка отпрянув друг от друга, перед каким-то домом. Родители Техого? Как знать? Во всяком случае, это был единственный на всю комнату предмет,

с которым хозяин обращался бережно.

Мой взгляд заскользил дальше. Всматривался. Примечал. Груды мусора так сбивали с толку, что лишь спустя несколько минут я осознал, что именно вижу. Но, осознав, перестал замечать лишнее. Все, наваленное в качестве камуфляжа, скрывающее правду. Правда же состояла в том, что в комнате хранилось множество металлических предметов: краны, трубы, спинки кроватей. Они были сложены неровными штабелями или просто придвинуты к стене. Комната от них просто ломилась. И тут мне все стало ясно.

Забрав с собой кассеты, я на цыпочках покинул комнату. Прикрыл за собой дверь. Вскоре Техого встретился мне в коридоре главного корпуса. Насвистывая, он толкал тележку. Я поздоровался с ним, приветливо кивнув.

XI

Доктор Нгема изменила график, как обещала. Я мог бы уехать прямо во вторник, но не собрался: одолели тяжелые мысли, тоска. Вечером во вторник мы с Лоуренсом сидели в уголке отдыха перед телевизором. Мы оба были погружены в напряженные размышления о чем-то своем. Наконец я предложил съездить к Маме, пропустить по стаканчику.

— Нет, Фрэнк, что-то мне не хочется. Только не сегодня. Нет настроения.

— Поедемте, Лоуренс. Я угощаю. Мне нужно кое о чем с вами поговорить.

Это сообщение заставило его слегка воспрянуть. Сплетни и интриги — отлично, хоть как-то поможет отвлечься от невзгод личной жизни.

Когда мы приехали к Маме, оживленная атмосфера воскресила нас обоих. Не верилось, что этот крохотный дворик — переполненный, ярко освещенный — со всех сторон окружен пустотой и безнадежностью. Один шаг — и из мира уныния ты попадаешь туда, где уютно, где галдят люди и гремит музыка.

— Что тут происходит? — спросил Лоуренс. — Вечеринка?

— За то время, пока вас здесь не было, кое-что переменилось.

О военных он слышал, но сам их еще не видел. Даже не подозревал, что их присутствие может на что-то повлиять. Впрочем, удивился даже я: посетителей в зале как минимум вдвое больше, чем обычно. И шуму от них самое малое в два раза больше. Неужели действительно жизнь города стронулась с мертвой точки?

— На днях мне привезут бильярдный стол, — радостно объявила Мама, распорядившись раздобыть для нас пару стульев. — Дела идут отлично.

Я почувствовал на себе чей-то взгляд. Это был полковник Моллер. Он сидел в одиночестве за угловым столиком. Перед ним стоял стакан.

— Эти военные действительно что-то делают? Или просто сидят здесь и выпивают?

Мама с притворно-шокированным видом замахала на меня руками:

— Они очень стараются. Каждый день выезжают искать людей.

— Но они хоть раз кого-нибудь поймали?

— Откуда мне знать? — улыбнулась она, пожав

плечами.

Эта сторона присутствия военных ее никак не касалась. Мама принесла нам виски и вновь растворилась в шумной, оживленной толпе.

— О чем вы хотели поговорить, Фрэнк? О поликлинике?

— Нет-нет. Совсем другое. Передо мной стоит этическая дилемма.

— Правда? Расскажите.

И я рассказал ему — сухо, излагая только факты, — о том, как я оказался в комнате Техого и что там увидел. Когда я умолк, выражение его лица не изменилось. Точнее, изменилось, но не сразу. Потребовалось время, чтобы до него дошел смысл услышанного. Казалось, чужой палец разворошил упорядоченный мирок в его голове.

— Вы хотите сказать, он…

Я многозначительно кивнул.

— Он ворует?.. Выносит?.. Значит, он…

— Что ж, все на это указывает, верно? Конечно, возможно и другое объяснение…

— Какое другое объяснение?

Я пожал плечами.

— Нет. Других объяснений быть не может. Ну и ну, Фрэнк. Прямо не верится.

Лоуренс сильно побледнел. На его лице выра-

зилось смятение человека, которого вынудили внимательно рассмотреть то, чего он нарочно старался не замечать.

Но тут же его лицо прояснилось:

— Так в чем же ваша дилемма?

— Ну… это очевидно. Я не знаю, что теперь делать.

— Не знаете, что делать? Вы просто обязаны сказать доктору Нгеме.

— Лоуренс, все не так-то просто. Тут нужно многое учесть.

— Например?

— Например, биографию Техого. Судьба его не баловала. Нехорошо это — взять да и…

— Он же ворует.

— Да.

— Вот единственное, что следует учитывать, Фрэнк. О прочем забудьте.

Как дважды два: все сложности и противоречия сходятся в одной точке, в вершине нравственного конуса. Таков уж был Лоуренс. Для него существовали абсолютное добро и абсолютное зло, четко очерченные, непреложные истины. На основании этого принципа и надлежало действовать.

— По-моему, все куда сложнее, — произнес я с печальной удовлетворенностью.

— Сложнее? Почему?

На его лице вновь выразилось потрясение, граничащее с паникой. Он балансировал на краю обрыва, борясь с притяжением тьмы.

— Оставим эту тему. Мы с вами по-разному смотрим на жизнь.

— Но я пытаюсь понять, Фрэнк. Скажите!

— Я не знаю, как вам объяснить.

— Вы слишком добры, Фрэнк. В вас слишком много жалости.

— В любом случае это моя проблема.

Хотя разговор о Техого на том закончился, но я осознал, что перевалил свою проблему на Лоуренса. Весь вечер он сидел нахохленный, задумчивый. Я же слегка заразился буйной веселостью завсегдатаев и неплохо провел время.

Лишь на следующий день, увидев, что я швыряю в чемодан одежду, он снова заговорил о Техого.

— Вы решили… — спросил он неуверенно, — вы разобрались… что вам делать?

— Нет.

— Вам лучше что-то предпринять немедленно, а то будет поздно.

— Нет, лучше уж по-моему.

Его лицо болезненно скривилось:

— Значит, все так и будет продолжаться. Он так и будет выносить и красть, выносить и красть…

Я сел на кровать. Улыбнулся:

— Для вас это действительно важно? Здание-то, по сути, заброшено.

— Нет! То есть я хочу сказать, да, для меня это действительно важно.

— В таком случае я думаю, что человеческие чувства важнее.

Помолчав, он робко сказал:

— Знаете, я могу это взять на себя, если хотите.

— Взять на себя что?

— Заявить… о том, что произошло.

— Но вы же не очевидец.

— Да, знаю, но… должен же кто-то вмешаться. И если для вас это слишком трудно… Я тут подумал…

Он заерзал на стуле. Теперь этическая дилемма стояла перед ним одним, а я лишь наблюдал свысока за его схваткой с реальным миром.

— Ох, не знаю, — сказал я. — По-моему, так не годится.

— Фрэнк, это всего лишь идея. Я даже не упомяну вашего имени.

— Что ж, Лоуренс, — сказал я, — посоветуйтесь со своей совестью. Сделайте то, что сочтете

нужным.

Больше мы об этом вопросе не говорили, но у Лоуренса явно отлегло от сердца. И у меня тоже. Будущее выстраивалось само собой. Я не запятнал своих рук, пытаясь его вылепить. Кроме того, наш невольный заговор сблизил меня с Лоуренсом.

Он спросил:

— У вас найдется немного времени перед отъездом? Поиграем в пинг-понг?

— Э-э-э… Да, можно. Я все равно раньше вечера не двинусь. Предпочитаю ездить в темноте.

Когда мы скакали по уголку отдыха, щурясь на солнце, перекидываясь шариком, все было совсем как раньше: два приятных собеседника, хорошая компания, отменная психологическая совместимость. Мы играли до изнеможения. Отшвырнув ракетку, он плюхнулся на диван. Заправил за ухо длинную прядь волос, падавшую на глаза.

— Занеле прислала мне письмо, — объявил он.

— Это хорошо.

— Она со мной порвала. Пишет, что все кончено.

— Но я думал, у вас с ней столько планов и проектов.

— Я тоже так думал.

— Что же она пишет?

Впервые за весь день на его лице выразились неподдельные чувства. Оно содрогнулось от затаенной боли, точно от сейсмического толчка.

— Ну, знаете ли… Мы себя обманывали… У нас ничего не получалось… Слишком долго были в разлуке, не стало общего языка… — И он снова замкнулся в себе: — Обычная история. Толчет воду в ступе.

Только теперь у меня проснулась совесть. Чувство вины разлилось в моей душе, как клякса. Я отвел глаза:

— Лоуренс, я вам сочувствую. Очень жаль, что так получилось.

— Ничего, — сказал он, передернув плечами. — А знаете, вот что забавно: я не так уж сильно переживаю. Когда что-то любишь, думаешь, что без него не можешь. А потом теряешь — и оказывается, что не так уж и ценил.

— Да, иногда так бывает.

— Работа, — сказал он. — Работа — единственное, что важно.

Это было сказано от чистого сердца. Разглядывая его сверху вниз (он полулежал, я стоял), я задумался над этими словами. Он был почти бесполым существом; единственной подлинной страстью для него была работа. Но для меня ра-

бота никогда не значила так много; я считал ее одной из разновидностей напрасного, ничего не меняющего труда.

Неожиданно он заявил:

— Наверно, вы сейчас думаете о своей жене.

Я остолбенел. О ком о ком, а о ней я в тот момент не думал.

— Каково это — быть женатым?

На этот вопрос я не сумел бы ответить. Но мне вспомнилась моя первая брачная ночь. Мы проводили медовый месяц за городом. Женщина, каким-то образом превратившаяся в мою половинку, в мою спутницу жизни, находилась в ванной. Внезапно весь мир за пределами нашей комнаты показался мне чужим, неведомым, потенциально опасным. Мною овладел панический страх, неотличимый от счастья. Сильное, но мимолетное чувство.

Я сказал:

— Мне не хотелось бы об этом говорить.

В тот же вечер я выехал. Путь предстоял долгий. В окрестностях города я кое-что подметил. Три наблюдения, которые мой мозг увязал воедино. Первое было сделано на недлинной дороге, связывающей город с автострадой. По своему обыкновению, я сбавил газ на повороте, откуда

виднелась старая военная база; обычно смотреть там было не на что — только буш да темнота. Но сегодня на базе горел какой-то огонек. То ли костер, то ли фонарь — крохотная искра, слабо сияющая во мраке. Затем огонек погас — или просто пропал из виду за деревьями.

Я призадумался. Меня и до того смущала одна фраза Бригадного Генерала, обращенная к Занеле: «Тяжело. Очень тяжело. Еще вчера я жил здесь. Прошел всего один день — я живу в палатке». Конечно, палатка на то и палатка, чтобы переносить ее с места на место; черт его знает, где он живет. Но на бывшей базе все еще сохранились старые палатки — не меньше двух-трех. А ведь с этой базы и началось восхождение Бригадного Генерала. В этом месте его присутствие всегда казалось более осязаемым. Так что почему бы и нет?

Я вспомнил двоих мужчин, работавших в саду, их бурые гимнастерки. В этот самый момент мои фары выхватили из тьмы несколько фигур в военной форме. Новая форма, новая армия, но на миг словно бы вернулись старые времена, когда из ночной тьмы на нас надвигались солдаты с автоматами на изготовку. Череда огней поперек дороги, скрежет железных заграждений по гуд-

рону, фонарик, приказывающий мне свернуть на обочину. Кордон. Но это люди полковника Моллера. У них другие задачи. Я узнал тех, кого видел посиживающими в баре, — теперь они держались прямо, расправив плечи. Обыскивали багажники и бардачки — один обыскивал, другой держал машину на мушке. Чернокожий солдат, допрашивавший меня, был вежлив и деловит. «Откуда вы едете? Куда? Откройте заднюю дверь, пожалуйста, я хочу посмотреть…»

Отъезжая от кордона, я поискал глазами полковника Моллера. Его не было видно, но я чувствовал: он неподалеку. Еще один призрак. Тень Моллера сопровождала меня от поворота к повороту, от низины к низине, пока я не добрался до хибарки Марии.

Тут-то меня и поджидало оно. Третье наблюдение. Я не выполнил своего обещания перед Марией — не поехал к ней ни в тот вечер, о котором мы уговорились, ни в следующий. Отвлекся на больничные проблемы: Техого, воровство. Я знал: хибарка никуда не денется, подождет до тех пор, когда я буду в настроении. Рассудил, что загляну туда по дороге в Преторию. Но вот я подъехал — и увидел перед хибаркой белую машину.

Машина была белая — вот в чем вся штука. Ме-

лочь, случайная деталь, бездумно сохраненная подсознанием. Но тут я вспомнил — в моей голове точно фотовспышка сверкнула — белую машину, припаркованную около дома Бригадного Генерала на холме. Я даже не мог установить, похожи ли эти две машины между собой. Но моментально уверил себя, что машина та же самая.

Уверил — и тут же засомневался… Но общее звено я ухватил. И поехал дальше во мраке. Что-то словно подталкивало меня в спину: панический страх. Мне казалось, будто я никак не могу собрать некую головоломку: цель близка, но недостающая часть все время выскальзывает из пальцев, теряется во тьме.

Я ехал с опущенными стеклами, пропуская через салон горячий ветер. Эскарп вознес меня на гору, и вскоре я вырвался из леса на открытые травянистые равнины велда. Здесь ночь раскинулась широко-широко. Казалось, она натянута, как брезент циркового шатра, на тугой проволочный обруч горизонта. Подъемы и спуски были словно темные волны. Свет фар выхватывал небольшой кусок дороги и таял во мраке. Мне было приятно чувствовать себя букашкой. По пути я увидел пожар. Горел велд. Пламя виднелось издалека. Подъехав поближе, я различил скопление машин

и людей. Высокие, яркие языки пламени. Желтый искусственный свет, черные, кипящие клубы дыма. Я сбавил скорость, но мне махнули, чтобы я ехал дальше. Щеки мне опалил огненный жар. Я продолжил путь. Зловещая картина — прямо-таки ведьмовский шабаш — промелькнула в зеркале заднего вида. Отдалилась.

Потом начались маленькие городки, спящие за задвинутыми ставнями и надежно запертыми дверями. Шоссе вбирало в себя другие дороги, глотало их, разрасталось вширь. Опоры линий электропередачи и заводские трубы — силуэтами на фоне неба… Неоновые огни автозаправочных станций, где, поеживаясь от холода, дремлют в будках служащие. Вдали, точно кучи медленно тлеющего угля, светятся города. Детали чуждого мне мира. Детали складывались в моем сознании воедино. И получалось мое прошлое.

На рассвете я достиг пункта назначения. Но не сразу направился к нужному дому. Сначала немного покружил по улицам, упиваясь ощущением, что здесь повсюду люди: в особняках, за высокими оградами, в садах. Район едва просыпался. Изредка проезжали автомобили, на тротуарах не было никого, кроме дворников, но все равно город казался мне неестественно

густонаселенным.

Мой отец жил за южной окраиной, в фешенебельном пригороде. Широкие улицы, обсаженные деревьями. Светло и просторно. В этом доме я поселился ребенком, в нем я вырос. Правда, дальнюю часть сада моего детства потом отгородили и продали. И еще кое-что изменилось: владения обнесли стеной. В мои времена на ее месте был лишь низкий заборчик. Эта же стена почти доставала до неба.

Я нажал кнопку домофона. Отозвалась мачеха.

— Это Фрэнк-младший, — сказал я, и тяжелые ворота, висящие на массивных петлях, распахнулись.

Я поставил машину перед гаражом. Густые зеленые заросли. Низко нависшие ветви деревьев. Передо мной высился кирпичный замок.

Она вышла мне навстречу, одетая по-домашнему, но не без изящества, тщательно накрашенная. Правда, никакой макияж не мог скрыть ее слегка болезненной гримасы. Валери, четвертая жена моего отца, была на несколько лет младше меня. Нам с ней так и не удалось преодолеть взаимную неловкость в общении.

Она робко поцеловала меня в щеку:

— Папа в ванной. Как доехал? Помочь тебе с

чемоданом? Ты устал, наверное?

Подхваченный ее суетливой заботливостью, как волной, я в мгновение ока оказался в доме. Передо мной склонились две горничные в синих форменных платьях и фартуках с оборками. Прислуга ходит босиком, чтобы не портить ковры. Ковров — восточных, с замысловатым орнаментом — в доме великое множество. Отец их обожает.

— Дай-ка на тебя посмотреть. О, ты все больше и больше похож на папу.

Меня коробило, что она именует его так, делает вид, что он приходится отцом нам обоим. Валери и без того относилась ко мне завистливо, точно сестра. Под размалеванной маской ее узколобого, вечно чем-то встревоженного личика крылась тайная ревность ко мне.

— Фрэнк, ты можешь занять свою прежнюю комнату. Я все в ней сохранила, как было.

Каждая очередная жена моего отца в один прекрасный день добивалась дозволения преобразить дом сверху донизу по своему вкусу. Вероятно, так они пытались застолбить за собой территорию, боролись с предчувствием, что надолго здесь не задержатся. С тех пор как я съехал, в моей комнате несколько раз меняли

мебель и перекрашивали стены. Вознамерившись воссоздать мое детское убежище, Валери лишь подвесила к потолку мои старые модели самолетов и расставила на подоконнике школьные фотографии, на которые я не мог взглянуть без смущения. Фрэнк-пятиклассник в составе команды по регби. Фрэнк — заместитель старосты пожимает руку директору. В остальном же комната выглядела приятно, но безжизненно, точно номер в гостинице средней руки. Драпировки, цветовая гамма, ковер — все выдержано в стиле, о котором моя мать не могла бы и помыслить.

— Хочешь принять душ? Ты ведь долго ехал. Наверно, ты устал, хочешь поспать? Как насчет завтрака?

Я уселся с чашкой черного кофе во внутреннем дворе. Из ванной слышалось, как отец, мурлыча какую-то мелодию, плещется под душем. Один раз он рыгнул. По-видимому, настроение у него было прекрасное. Вышла Валери, сделала вид, будто передвигает горшки с цветами, украшающие лестницу, потом окликнула незримого, скрытого за кустами садовника и дала ему подробные инструкции. Опять вернулась в дом, нашла себе еще какое-то занятие, пока не услышала, что дверь ванной распахнулась. Тогда Валери, подхватив

свою чашку, вышла во двор и присела рядом со мной.

— Надолго ты приехал, Фрэнк?

— На день или два, не больше. Мне надо повидать Карен.

— Карен? Вот здорово! — В ее голосе зазвенела надежда.

— Нет, тут другое…

Но прежде чем я успел объяснить, во двор вышел отец.

Фрэнк Элофф-старший давно разменял седьмой десяток, но по внешности и голосу ему нельзя было дать больше пятидесяти. Большое, долговязое, нескладное тело; красивое лицо. Почти неуловимая, но вечная, никогда не гаснущая улыбка. Всегда ухожен и элегантен. Даже сейчас, ни свет ни заря, одетый попросту — в цветастый халат и шлепанцы. Чисто выбритый, благоухающий одеколоном, отец пожал мне руку. Так он со мной здоровался и прощался, по своему обыкновению, даже когда я был совсем маленьким. Ладонь горячая, сырая — то ли от воды, то ли от бальзама для волос.

— Фрэнк!

— Папа.

— Какая приятная неожиданность! Твой при-

езд, я хочу сказать. Надеюсь, ты наконец-то устроил себе нормальный отпуск.

— Нет, папа, это не отпуск. Мне нужно уладить одно дело личного свойства.

— Личного свойства?

— Он приехал повидаться с Карен, — жеманно произнесла Валери.

— Да-а?

— Точнее, подписать бумаги насчет развода, — сказал я, и во дворе сразу стало как-то пасмурно.

Отец считал, что карьера у меня не заладилась именно из-за расставания с Карен.

«Надеюсь, вы снова будете вместе», — часто повторял он.

— Что ж, Фрэнк, мне очень жаль это слышать. — Отец исказил лицо в скорбной гримасе — вот только губы продолжали улыбаться — и, понизив голос, спросил: — Это окончательно? Кто принял решение? Может быть, стоит подождать еще немножко?

— Решение приняла она. Что окончательное, не может быть сомнений. Они собираются пожениться и уехать в Австралию.

— Ага. Ну-ну. Да. Столько молодежи уезжает! Какая жалость!

— Я бы уехала, — объявила Валери. — Хоть

завтра. Но твой папа категорически против.

— Наша страна все равно лучшая в мире, — широко улыбаясь, сказал отец. — Высочайшее качество жизни. Пойду-ка оденусь.

Утреннее солнце накалило двор, и мы перешли в кабинет отца. Собственно, то была самая просторная комната в доме, сверху донизу уставленная книгами. На полках для всеобщего обозрения были выставлены наглядные доказательства блестящей карьеры моего отца. Из отрочества мне сильнее всего запомнился момент — собственно, целая череда моментов, наложившихся друг на друга, — когда я стоял напротив отца, восседавшего за столом, а эта туча фотографий и панегириков висела над его головой.

И теперь я подошел к стене поближе — рассмотреть. На большей части фотографий Фрэнк-старший был запечатлен в возрасте лет сорока — сорока пяти. Зачесанные назад волосы, широкая, сверкающая улыбка. Иногда он позировал фотографу вместе с политиками и актерами, популярными двадцать лет назад. Я с удивлением заметил пару более новых фотографий — значит, его до сих пор не забыли.

В свое время мой отец был чем-то вроде местной звезды. Необычная судьба для врача. Но он

сумел воспользоваться моментом. Отец вырос в бедной семье в маленьком городке. Окончил медицинский благодаря стипендии, которую ему предоставила горнодобывающая компания. Получив диплом, нанялся в ту же самую компанию — работал врачом на одной из шахт. Незавидный почин; но все переменилось в одночасье, когда в забое произошла ужасная катастрофа. По воле случая отец оказался неподалеку. Двое суток он сидел на корточках в полузаваленном туннеле: вправлял вывихи, ампутировал конечности, зашивал раны. Он буквально спас жизнь шести или семи шахтерам.

То был настоящий подвиг. Но спустя четверть века на этот поступок трудно смотреть без доли цинизма. Он пришелся на времена, когда великая мечта белого человека начала покрываться пылью и гарью. Чтобы выгородить себя, власти нуждались в живом символе. Им и стал на некоторое время Фрэнк-старший. Он был чудо как хорош: дерзостно-красивый герой-любовник с мальчишескими вихрами и белозубой улыбкой. И пресса за него схватилась. Статьи на первых полосах общенациональных газет, интервью на радио, журнальные очерки о его трудном пути к успеху. Бог с ними, с шахтерами, — они так и вер-

нулись безвестными в свои подземелья. Героем дня стал мой отец.

Возможно, все это закончилось бы так же скоро, как и началось, если бы не телевидение, делавшее тогда в Южной Африке свои первые шаги. Увидев моего отца в новостях, кто-то решил, что лучшего ведущего для задуманной передачи и подобрать нельзя. То была медицинская телевикторина, где Фрэнк-старший учтиво задавал вопросы местным знаменитостям. Аудитория млела. Внимание прессы не ослабевало. Письма зрителей приносили нам мешками. Посреди всей этой катавасии умерла моя мать, но, могу поклясться, отец почти не заметил ее смерти, хотя и воспользовался этим фактом, чтобы привлечь к себе дополнительное внимание.

Несмотря на фанфары и медные трубы, отец каким-то образом умудрялся строить серьезную карьеру. Конечно, уже не на шахте, шахта осталась в прошлом. Он прослыл одаренным хирургом. От пациентов не было отбоя. Конечно, реклама тоже сыграла свою роль. Параллельно он занялся бизнесом. Наладил производство средств по собственным рецептам. Черным покупателям предлагались гель для распрямления волос и крем для осветления кожи. Белым дамам

— широкий ассортимент косметических кремов. Эти средства до сих пор раскупаются, и отцу капают деньги.

Взлет был ослепительный, экстраординарный. Звездный час затянулся надолго: отца до сих пор подобострастно приглашали на обеды, привлекали к участию в торжествах, звали читать лекции и избирали в комитеты. Цирк, да и только. Никого не смущало, что единственное крупное достижение моего отца имело место пять, десять, тридцать лет тому назад и с тех пор он не сделал ничего значительного. Нет, он навек остался талантливым и молодым.

Все это стало для меня тяжелым бременем. Я жил с чувством, что должен доказать: и я чего-то стою. Я воображал, что хочу стать таким, как отец, и что это несложно. Но, естественно, моя судьба сложилась совсем иначе. И теперь мне больно было смотреть на эту стену, увешанную фотографиями и благодарственными письмами.

Услышав шаги отца, я поспешил присесть. Он переоделся в костюм для игры в гольф — свободные брюки и рубашку с коротким рукавом.

— Надеюсь, ты не обидишься, Фрэнк, но я договорился о матче, когда еще не знал, что ты приедешь.

— Ничего, я все равно сегодня утром поеду к Карен.

— Карен? В чем, собственно, дело, а? Что между вами произошло? — Посерьезнев, он уселся за стол. — Хочешь, я поговорю с Сэмом?

Сэм, отец Карен, был старинным другом моего отца.

— Что? Нет-нет, не стоит. Это ничего не изменит.

— Ты уверен? Мягко на нее надавить…

— Поговорите, я вас оставлю, — сказала Валери.

— Нет, не надо. Вопрос уже не подлежит обсуждению, — твердо сказал я.

Только этого и не хватало, чтобы мой отец шептался с Сэмом, воображая себе, будто может все уладить. Но отцу не нравилось, когда с ним смели разговаривать так безапелляционно. Он сердито обернулся к Валери:

— Эти цветы засохли.

Он имел в виду пышный букет на каминной доске. Лепестки побурели.

— Я говорила, чтобы Бетти их убрала.

— Тогда еще раз скажи. Мне неприятно на них смотреть.

У его экспансивного обаяния была своя оборот-

ная сторона — приступы капризной раздражительности. И негодуя, и радуясь, он всегда был полностью зациклен на себе.

Я встал:

— Пойду приму душ, переоденусь… Увидимся позже.

— Фрэнк, ты же понимаешь, я не сую нос в ваши дела.

— Конечно, понимаю, папа.

В своей комнате я помылся, побрился, надел чистую одежду. Сквозь стены все время просачивались бесчисленные шумы просторного дома: рокот стиральной машины, мурлыканье кондиционеров, чуть слышная суета горничных, занятых уборкой. Столько звуков — непривычных, но памятных издавна. Лицо, которое глянуло на меня из зеркала в ванной, тоже совмещало памятное с непривычным. При внимательном рассмотрении все еще можно было найти в нем сходство с мальчиком со школьных фотографий. Но как же переменился этот мальчик! Румянец исчез, волосы потемнели и поредели, щеки и шея заплыли жиром. Лицо медленно ветшает: обвисает, отстает от костей, покрывается пятнами, родинками, сеточкой набрякших сосудов. Сквозь него уже проступает облик старика. Судя

по выражению, это лицо побежденного.

Карен и Майк занимали просторный пентхауз в той части города, где возвышенностей почти не было. Здесь жили представители среднего класса. Не самый дорогой район. Но Сэм, отец Карен, владел всем кварталом, как и несколькими кварталами неподалеку. У него имелась недвижимость по всей стране. Пентхауз он подарил Карен на свадьбу, когда она вышла за меня замуж.

Сэм знал моего отца много лет — они вместе учились в университете. Отец любил подчеркивать, что они сдружились задолго до того, как у него самого или Сэма появились деньги. В те годы Сэм штудировал право, мечтая о карьере юриста, а мой отец — нищий провинциал — лишь начинал свой жизненный путь. Вероятно, мораль истории заключалась в том, что их дружба покоилась на прочной основе взаимного уважения и симпатии, а не на зыбком песке известности и богатства.

Сэм меня недолюбливал. Я ему никогда не нравился. Возможно, он провидел то, чего не решались признать ни я, ни отец: я сделан не из того теста, что Фрэнк Элофф-старший, и блестящего будущего мне не видать. Однако Сэм

милостиво смирился с тем, что его младшая дочь и я полюбили друг друга. Карен я знал с малых лет. Наш брак был в каком-то смысле предопределен заранее. Мы принадлежали к одному и тому же социальному слою. Выросли в схожих семьях, состоятельных, привилегированных, обязанных своим благополучием энергии отцов — целеустремленных выходцев из низших классов. Тот факт, что ни я, ни Карен не были наделены исключительными способностями, ничего не значил, — были бы деньги, а исключительность приложится.

Карен была непоследовательна. Принималась чему-нибудь учиться и вскоре все бросала ради нового увлечения. В конце концов она окончила актерскую школу. Уверяла, что жить не может без театра, но, сыграв несколько неблагодарных ролей третьего плана, забросила и сцену. Поженились мы вскоре после того, как окончилась моя двухлетняя служба в армии. В то время Карен занялась бизнесом. Они с моей тещей открыли пару сувенирных магазинов. Торговля пошла бойко, но спустя некоторое время Карен заскучала. В тот пустопорожний период, когда она изображала из себя праздную домохозяйку, и начался ее роман с Майком. Некоторое время я изводил себя мыс-

лью: «Если бы только она работала…»

Теперь Карен называла себя дизайнером по интерьерам. Нужно признать, чувство стиля у нее было. Она преобразила свой пентхауз, превратив его из помпезного мавзолея в уютное, полное света и свежего воздуха жилище, пускай и чересчур шикарное по моим меркам. Открытая планировка, деревянные полы, панорама города в высоких окнах.

Когда я пришел, мать Карен, Джаки, как раз собиралась уходить. В туфлях на высоких каблуках, она осторожно переставляла ноги, точно опасаясь за устойчивость волосяной башни на своей голове. Дряхлая, безупречно ухоженная. Ее иссохшее лицо скрывалось под настоящей маской из кремов и пудры. Когда Джаки улыбнулась мне — чопорно, формально-вежливо, — по маске пробежала трещина. Джаки безразлично подставила мне щеку.

— Фрэнк, — проговорила она. — Я знаю, тебе назначено. Не буду тебя задерживать — ухожу, ухожу.

— Я думал, вы с Сэмом во Франции.

Шесть лет назад они эмигрировали.

— Приехали по делам. Уже третий раз за год. Ты же знаешь Сэма: он не дает себе отдыха.

— Да, верно.

— А ты, Фрэнк? Все горишь на работе?

— Э-э… Да. Как обычно.

— Я слышала, вы там делаете большое дело. В деревнях чернокожих.

Карен приветствовала меня лишь после того, как за ее матерью закрылась дверь. Мимолетно, холодно ткнулась губами мне в скулу. Я на секунду прикоснулся ладонями к ее костлявым бедрам.

— Ты похудела, — сказал я ей.

— А ты вот немного располнел, Фрэнк, вид у тебя ужасный. Что случилось?

— Ничего не случилось. Живу как жил.

— Пойдем-ка в гостиную.

Как только мы устроились в массивных кожаных креслах высоко над городскими крышами, она взяла с журнального столика пачку бумаг.

— Сначала — дело. Вот. Я все приготовила.

— Вижу.

— Ты наверняка захочешь, чтобы твой адвокат все как следует изучил.

— Нет, — сказал я. — Я подпишу сейчас. Дай ручку.

Она остолбенела:

— Сразу? И даже сам не прочтешь?

Я попытался вчитаться, но застрял на первой же строке: «Брак Фрэнка и Карен бесповоротно распался». Этот документ, о котором было столько разговоров и споров, не имел ни одной точки пересечения с моей нынешней жизнью.

— Есть тут что-то, о чем мне следует знать?

— В смысле? Хочешь сказать, что я тебя могу обмануть? Фрэнк, неужели я могу смошенничать? Какой мерзкий намек! Эти бумаги лишь подтверждают наш нынешний уговор, только и всего. Все мое — мне, все твое — тебе. Господи боже! Неужели у тебя есть имущество, на которое я могла бы позариться?

— Я просто спросил.

Я взял блестящую авторучку, которую она выложила на стол, и расписался на последней странице. Соприкасаясь с бумагой, стержень издавал почти неслышный скрежет, доступный, возможно, лишь моему уху, — похоронный марш по одиннадцати годам жизни.

— Вот здесь, — повторяла она, переворачивая страницы и указывая, где расписаться.

Потом забрала у меня документ и ручку, отнесла в спальню, с глаз долой, точно опасаясь, что я передумаю. А вернувшись, повела себя более непринужденно.

— Фрэнк, ну разве ж можно подписывать, не читая? Ты, как обычно, ни о чем не задумываешься. Мало ли, как дело в будущем обернется?

— А ты, как обычно, сначала злишься оттого, что я якобы заподозрил тебя в обмане, а потом расстраиваешься, что я не стал проверять, обманули меня или нет.

Она улыбнулась, точно я сделал ей комплимент.

— Что ж, дело сделано. Решение суда — чистая формальность. Я тебе дам знать, когда все будет готово. Может быть, хочешь пить?

— Нет, спасибо, я уже пил кофе.

— Я по утрам всегда пью сок. Давай налью и тебе немного, Фрэнк. Может быть, цвет лица у тебя улучшится.

Здесь тоже сновали на заднем плане горничные, но Карен сама пошла на кухню и принесла апельсиновый сок в высоких стаканах. Села не в то кресло, что раньше, — поближе ко мне. Я понял, что назревает разговор по душам.

— Фрэнк, я хочу тебя кое о чем спросить. Напрямик.

— Валяй.

— Как ты относишься к Майку? Я имею в виду теперь, когда все поулеглось.

— Как я отношусь к Майку? По-моему, он подлец, укравший у меня жену.

— Ох, Фрэнк, будет тебе! Столько лет прошло. Может быть, хватит нам топтаться на месте?

— Я на месте не топчусь. Но Майка я не простил.

Я сам удивился, как четко все разложил по полочкам: пусть от моей любви к Карен осталась лишь тусклая искорка в дальнем закоулке души, но ненависть к Майку по-прежнему пылает во мне ярким костром. В определенный момент натура человека отвердевает и остается неизменной в нашей памяти. На стене гостиной висел недавний портрет Майка. Этот лысеющий толстяк уже ничем не напоминал молодого парня, с которым я подружился, но в нем, а может быть, во мне самом сохранялось, как мне казалось, нечто неизгладимое, непоколебимое.

— Какая жалость, Фрэнк! Какая жалость, что ты такой… злопамятный. Майк хочет преодолеть все разногласия. Он решил… как бы сказать поточнее… уехать отсюда с чистой совестью. Признался мне, что иногда по тебе скучает.

— Скучает?

— Ох, да что с тобой разговаривать! Я думала, теперь-то, когда все подписано и мы официально

разведены… Но теперь вижу, что только зря трачу время. Фрэнк, откуда такая озлобленность? Совсем одичал в этой твоей дыре, в этом bundu?[11] Тебе не кажется, что пора вернуться в цивилизованное общество?

— Нет, не кажется.

— Ты думаешь, мы за тебя переживаем? Майк говорит, ты любишь делать из своих страданий спектакль, чтобы привлечь к себе внимание.

— Плевать мне, что Майк говорит.

— Что ж, очень жаль. Вот все, что я могу сказать. Вообще-то он к тебе хорошо относится.

— Послушай-ка, — сказал я. — Верь не верь, но я живу там потому, что мне так хочется. По моим меркам я почти счастлив.

Вглядевшись в мое лицо, она придвинулась ко мне поближе. Расхрабрилась. Отважно спросила:

— У тебя… там… кто-то есть?

— Да, — решительно заявил я, сам себе поразившись.

К моему удивлению, перед моим мысленным взором возник образ Марии, одиноко ожидающей в примитивной деревянной хибарке. Ожидающей меня.

---

[11] Примечания: 11

Bundu — отдаленная малонаселенная местность, «дыра» *(южноафриканский сленг).*

Карен кивнула, вымученно улыбнулась:

— Кто она? Тоже врач, наверное?

— Нет. Она не имеет отношения к больнице.

— Что ж, чувствую, подробностей из тебя не выжмешь. Но было бы очень мило, Фрэнк, нам всем встретиться. Я, Майк, твоя приятельница и ты. Сходили бы в ресторан, например. Подумай об этом.

Я едва не расхохотался. Мария среди этой мебели, тем более среди этих людей, — просто абсурд! Мне открылось, до какой степени я отдалился от «нормальной жизни».

Допив сок, я поставил стакан на стол:

— Мне пора.

— Спасибо и на том. Наверно, твои уже ждут? Я очень огорчилась из-за твоего отца.

— Что?

Свой тонкий намек она ввернула таким небрежным тоном, что я едва не пропустил его мимо ушей.

Карен опешила.

— Э-э-э… мне говорили, что он заболел.

— Насколько мне известно, он не болен.

— Фрэнк, я ничего наверняка не знаю. Прости меня, пожалуйста. Забудь! Считай, ты ничего от меня не слышал.

Но я не забыл. На обратном пути долго размышлял над словами Карен. Перезвонил ей из дома. Она ответила с давешней резкостью, ощетинилась. Точно и не вела со мной сегодня задушевных разговоров.

— Я должен знать, — повторял я. — В чем бы ни была причина. Очень жаль, что ты мне не сказала.

— Фрэнк, я ничегошеньки не знаю. Я напутала. Слышала кое-что, думала, это про него, но все не так.

— Я тебе не верю.

— Будь по-твоему, не верь. Но я не стала бы тебе лгать.

В тот день я больше не выходил за ворота — мерил шагами длинные коридоры дома и узкие дорожки сада. Мачеха то ненадолго отлучалась — за покупками, в парикмахерскую, в автосервис, — то встревоженно маячила у меня за спиной. Несколько раз я едва не решился спросить у нее напрямик: «Он болен?» Но этот вопрос никак не вязался с ханжеской учтивостью наших с ней разговоров. Он прозвучал бы слишком грубо.

Отец вернулся из гольф-клуба лишь вечером. Сказал, что сыграл неудачно. Он был слегка навеселе и несколько взвинчен, но симптомов

недомогания я не приметил. Голос у него был все тот же — громовой, самоуверенный. Свое мнение он высказывал таким тоном, словно возвещал истину, много острил и лишь к десерту припомнил, что я приехал не в отпуск.

— Кстати, Фрэнк, хотел тебя спросить, а потом из головы вылетело. Как оно прошло? Твой разговор с Карен.

— Отлично. Все подписано. Дело сделано.

— Что? Документы? Готовы?

— Да.

— Но я… я думал, вы просто поговорите. Разумно ли так спешить?

— Папа, прошел не один год. Разве это спешка?

— Фрэнк, мне очень жаль, что все кончилось.

— Папа, вообще-то это было неизбежно.

— Да. Да. И все же… зря ты мне не разрешил действовать через Сэма. Вдруг что-нибудь получилось бы.

— Все было бы напрасно.

— Возможно, возможно… — Его пальцы теребили салфетку. — Поживешь у нас еще несколько дней?

— К сожалению, не могу. Завтра утром мне нужно выезжать.

— Так рано? — Валери состроила печальную

гримаску. — Не успел приехать — и снова?

— Ничего не поделаешь. Чтобы сюда вырваться, я добился специального разрешения. Там во мне нуждаются.

В моих словах не было ни грана правды. Более того, уехать я решил спонтанно. Но я чувствовал: здесь я чужой. Мое место — далеко, в сельской больнице с дешевой казенной мебелью. В месте, не подвластном никаким законам жизни, в которых так уверен мой отец.

— В тебе нуждаются? — саркастически переспросил он. — Эта черная баба все еще тобой командует? Фрэнк, не пора ли наконец задуматься о возвращении?

— Насколько я знаю, в ближайшем будущем мне кое-что светит.

— Что же?

— Повышение. По-видимому, я скоро стану главным врачом.

— Эту песню мы слышим уже много лет. Поначалу ты туда и отправился, чтобы занять кресло босса.

— Да, твоя позиция мне понятна. Но дело действительно сдвинулось с мертвой точки. На этот раз все наверняка.

— Фрэнк, я могу здесь кое с кем поговорить.

Найдем тебе место поблизости. Ничего особенного не жди, но у тебя хотя бы будут перспективы.

— С перспективами у меня все нормально.

Во мне вскипело возмущение, и я сам не заметил, как напыжился и начал живописать отцу свое будущее: доктор Нгема уедет, я займу ее пост, сверну горы и через пару лет смогу претендовать на более высокую должность в другом районе… Описывая эту последовательность событий, я был железно уверен в том, что все так и случится. И больница, где мой отец ни разу не бывал, стала в моем рассказе такой, какой даже я ее никогда не видел: незаменимое учреждение, толпы пациентов, куча работы, чудеса беззаветности, трудности, побеждаемые самоотречением.

— Ну, насчет всего этого я пас. — Отец отодвинул тарелку с недоеденным пудингом. — Страна так переменилась, что я ее больше не узнаю. В одном уверен: мне бы такое было не по зубам. Против черного начальника я ничего бы не имел, но подчиняться женщине…

Это была шутка. Валери подхалимски, с притворным негодованием рассмеялась. Но я не улыбнулся.

— Валери, не могу доесть — слишком сладко. Давайте выпьем кофе в кабинете.

Так мы снова перебрались в его святая святых. Я и Валери заняли те же кресла, а отец устроился за столом. Он прикидывался, будто настроение у него хорошее, но я чувствовал: наш разговор за ужином его огорчил. Он переставлял на столе безделушки, озирался по сторонам, пока не нашел, на чем сорвать зло.

— Валери, эти цветы… Я тебе уже говорил.

— Я говорила горничной, и не раз…

— Скажи опять. Немедленно.

— Минуточку, милый, сейчас она сама появится с кофе.

Мы сидели молча, пока одна из горничных, совсем старуха — как все, в форменном платье с фартуком и босоногая, — не вошла с подносом. Пока она разливала кофе, Валери, не поворачивая головы, обратилась к ней:

— Бетти, эти цветы…

— Мэм?

— Возьмите-ка их себе, хорошо? Они так мило будут смотреться в вашей комнатке.

— Да, мэм.

Бетти взяла с каминной полки обвисший букет и понесла к дверям.

— Бетти!

— Хозяин?

— Вы роняете лепестки, Бетти. Во все стороны разлетаются. Прошу вас, прошу вас…

Старушка в красивом синем форменном платье положила на пол умирающие цветы, встала на корточки и начала ползать по полу, подбирая сухие лепестки.

— Вот еще один, Бетти, — бормотал мой отец, терпеливо указывая рукой. — И этот… и вон там, подальше…

А я прихлебывал едкий кофе, и край фарфоровой чашки позвякивал о мои зубы. Меня трясло.

XII

Я приехал поздно вечером, в полной темноте. Свет горел только в центральном вестибюле и в ординаторской. В раме окна, как на картине, я увидел Лоуренса. Он сидел за столом, сцепив руки перед собой. Прямой, как палка. Бдительный. В белом халате.

Из-за ветра он не услышал, как подъехала моя машина. Я не торопился вылезать. Долго смотрел на него. Нас разделяли заросли травы и стекло. Он не шевелился. Я тоже. Он, вероятно, был поглощен размышлениями о своих проблемах. У меня в голове не было никаких мыслей, мне просто было любопытно, что Лоуренс делает наедине с собой. Но он просто сидел. Бездействовал.

Я не стал заходить к нему в ординаторскую. Отправился прямо в комнату. Лег. Во сне я продолжал вести машину — наклонившись вперед, проваливался сквозь пейзаж, струящийся мимо меня и прямо через меня. Все проваливался и проваливался и никак не мог достичь дна.

Когда я наконец проснулся, было уже светло. Лоуренс сидел на своей кровати и глядел на меня.

Вид у него был усталый, но глаза как-то особенно светились.

— Что? — встрепенулся я. Смотреть на его лицо почему-то было жутко. — Что случилось?

— Ничего, — улыбнулся он, продолжая смотреть на меня все тем же непривычным взглядом. — Ох, Фрэнк, — произнес Лоуренс, помедлив. — Чего только не случилось после вашего отъезда!

— Прошло только два дня.

— Да. Но все уже не так, как прежде.

В его голосе, несмотря на изнеможение, звучала радость. Честно говоря, это обстоятельство меня, скорее, встревожило. Но история, которую он мне поведал после того, как я встал с постели и ополоснул лицо водой, была отнюдь не радостной.

По его словам, он много думал над тем, что я ему сообщил. О Техого, о кражах. Нехорошо это — сидеть сложа руки, когда такое происходит. Наконец он решился кое-что предпринять.

— И что же вы предприняли?

Он пошел к доктору Нгеме. Заявился к ней в кабинет после моего отъезда, в тот же вечер. Пересказал ей мои наблюдения от собственного лица. Описал все так, словно самолично стучался в незапертую дверь, вошел в комнату, увидел разбросанные железки.

Все это он рассказал мне сухо, с невозмутимым видом, как рассказывал, наверно, и доктору Нгеме. Но, договорив, внезапно залился румянцем.

— А она что сказала? — спросил я.

— Спросила: «Вы уверены? Может быть, эти железки были принесены откуда-то еще?» Я сказал, что уверен. Она спросила: «Зачем вы зашли в комнату Техого, если его там не было?»

— Она так спросила?

— И что-то еще добавила — мол, я не имел права.

— Я туда не вламывался, — заявил я. — Если бы я открыл замок отмычкой, другое дело. Ну и ну! — У меня тоже запылали щеки.

Но его лицо уже не рдело. Он снова радостно заулыбался:

— Фрэнк, это было ужасно. Она вызвала Техого.

— Вызвала Техого?

— Прямо водевиль какой-то, ей-богу. Я с ней разговариваю, вдруг в дверь стучат — Техого. Что-то ему понадобилось. Тогда она ему говорит: «Зайдите-ка ко мне, раз вы здесь. Нужно обсудить один серьезный вопрос».

— И?

— Мы сидели и смотрели друг на друга совсем так, как вы сейчас на меня смотрите. Она застави-

ла меня рассказать всю историю с самого начала. А он только мотал головой, словно знал, что я лгу. Но я действительно лгал, Фрэнк, вот в чем была вся загвоздка. Это же произошло не со мной. Я рассказывал с чужих слов. Я чувствовал: они оба знают. Они слушали меня, кивали, ждали, а сами все знали.

— Лоуренс, ничего они не знают. О господи! И что потом?

— Потом он сказал: «Давайте пойдем и посмотрим». Спокойно встал, и мы пошли с ним в его комнату.

— И?

— И там ничего не было.

Я вытаращил глаза.

— Ничего, — печально повторил он все с той же странной улыбочкой. — В комнате был страшный беспорядок, совсем как вы сказали, но никаких предосудительных железок не было. Ничего даже отдаленно похожего. Я везде посмотрел.

— Они все вывезли, — сказал я. — Техого и этот его друг. Как там его… Рэймонд. Перепрятали.

— Возможно. Фрэнк, это было ужасно. Я стоял посреди комнаты и твердил: «Но оно здесь лежало, клянусь, лежало». А они все поглядывали на меня. Я лгал, Фрэнк, разве вы не понимаете? Я сам

знал, что лгу, вот они и догадались.

— И что дальше? — спросил я.

— Ну, на том все и кончилось. Что толку доказывать, знаете ли. Был еще один разговор…

— Что за разговор?

— Мы вернулись в кабинет доктора Нгемы. Поговорили о том о сем, а потом Техого спросил меня, зачем я к нему заходил. Зачем он мне понадобился. Тут-то я и замялся. Мне было нечего ответить. Зачем вы туда заходили, Фрэнк?

— Из-за кассет.

— Из-за кассет?

— Неважно, — сказал я. — Забудьте об этом. Продолжайте.

— Что ж, прикидываться дальше было бессмысленно. Мы просто молча уставились друг на друга. Пытка безмолвием. Меня уличили, понимаете? — Он умолк. Потряс головой. Затем вновь заговорил уже иным, беспечным тоном: — И я им сказал. Ломать комедию больше не стоило. Они меня насквозь видели.

— Вы им сказали? Что вы им сказали?

— Что в комнату заходил не я. Что это были вы. Вы видели железки, сообщили мне об этом… В общем, все как было. Иного выхода не было. — И он заулыбался до ушей. — Фрэнк, мне моменталь-

но полегчало. Когда я все рассказал начистоту. Я не создан, чтобы лгать, вот в чем дело. Вся моя натура восстает. Фрэнк, что с вами? Я сказал что-то не то?

Улыбка погасла: он увидел, что я вскочил и надвигаюсь на него. Полагаю, подсознательно я намеревался на него наброситься, но, подойдя, отвернулся и уставился в окно. Все тот же вид: заросший двор, растрепанные деревья, облупленная стена в подтеках. Я постоял. Поглазел наружу. Вернулся к своей кровати и снова уселся. Меня трясло.

— Фрэнк, но все уже улажено, — твердил он. — Вам незачем беспокоиться. Я им все объяснил.

— А именно? Что вы объяснили?

— Что это я все затеял, в одиночку. Сам решил пойти к доктору Нгеме, наврать, что видел это собственными глазами. Я им сказал. Сказал, что вы не собирались ничего разглашать, что вам жаль Техого. И что именно я… Нет-нет, все уже улажено, не переживайте. Мы даже пожали друг другу руки.

— Кто?

— Техого и я. Я извинился, и мы помирились. Все уладилось, Фрэнк. У вас не будет никаких неприятностей.

Невероятно, но растерянное выражение на его лице вновь сменилось улыбкой.

— Почему вы улыбаетесь? — спросил я.

— Хорошие новости, Фрэнк. Все закончилось так хорошо, что и выдумать нельзя. Что ни случается, все к лучшему.

Этих слов я не понял. Размышлять над ними не стал — и так голова забита. Я даже не стал гадать, что еще могло случиться за время моего отсутствия. С меня и так хватало новостей. Но мне еще предстояло узнать, почему Лоуренс улыбался.

— Надо бы вам к ней сходить, — поспешно добавил он. — Она все-таки хотела с вами поговорить.

— Кто?

— Доктор Нгема. Да не тревожьтесь вы, Фрэнк, это просто формальность.

Я пошел к ней в кабинет. Она работала за столом, но, едва увидев меня, поманила рукой, вскочила, с заговорщическим видом прикрыла за мной дверь. Мы уселись в низкие кресла, почти соприкасаясь коленями.

— Фрэнк, ситуация была непростая, — начала она. — Но теперь, думаю, все уладилось.

Она выражалась практически его словами. А я ума приложить не мог, что означает слово

«уладилось» в подобных обстоятельствах.

— Рут, мне очень стыдно. Моя роль в этом деле… Но я и не подозревал…

— Бросьте, я же понимаю. Это все он. Он сам признался. Но его фортель чуть было не навлек на нас кучу неприятностей. И еще может навлечь в будущем. Этот молодой человек слишком импульсивен.

— Чем я могу помочь?

— Прошу вас, присматривайте за ним. Я заключила с ним соглашение. Но я должна быть уверена, что он выполнит свои обязательства.

— Что за соглашение?

— Насчет выездов мобильной поликлиники. Ну, знаете, то, что он вчера провел…

Мой разум пытался думать о стольких вещах одновременно, что лишь теперь, впервые после отъезда, я вспомнил о начинании Лоуренса.

— Ах, да!

— По всей видимости, прошло успешно. Сантандеры сказали… Они очень довольны.

— И что теперь?

— Я разрешила ему организовать еще один выезд мобильной поликлиники. И, честно говоря, дала ему понять, что выезды станут регулярными. Естественно, я не думаю, что до такого дойдет.

Но надо же было мне как-то его унять.

Она сияла — необычное для нее неприкрытое проявление чувств, — упиваясь собственной изворотливостью.

— Следующий выезд через месяц, — продолжала она. — В… (Она произнесла название совершенно неизвестной мне деревни). Вы только послушайте, Фрэнк. Все к одному, как по заказу. В тот день местные власти проводят там свое мероприятие. Крупное торжество. В деревне впервые появится электричество. Вот я и договорилась, что в тот же день там будет работать наша поликлиника. Много журналистов, много речей, внимание политиков… Все мы останемся в выигрыше.

— Блестяще, — сказал я. Это прозвучало как-то сухо. — И он согласился на этот… этот?..

— Обмен? Да. По-моему, да. Конечно, ему я не так объяснила. Сказала, что он должен выбирать. Если он станет обвинять Техого, мне придется обвинить его самого. Во лжи. Начнется целое расследование, Техого могут уволить, Лоуренса — отстранить… В таких условиях, сказала я, нам поневоле придется забыть о мобильной поликлинике. С другой стороны, сказала я, нам вскоре представится счастливый случай…

— И он согласился, — повторил я, не веря своим ушам.

— Ему ничего больше не оставалось. В любом случае он же не может давать показания против Техого. Никто не может, кроме вас.

После недолгой паузы — слышался только скрип веток за окном кабинета — я спросил:

— А если я это сделаю?

Она остолбенела. Разинула рот. От упоения не осталось и следа. Глаза у нее стали круглые-круглые:

— Простите?

— Что, если я сообщу о поступках Техого куда следует? Я же действительно видел эти самые железки. Они лежали у него в комнате.

На сей раз пауза затянулась. Потом доктор Нгема сказала:

— Не понимаю. Я думала, вы не хотите…

— Я и сам не знаю, чего хочу. А вы? Хотите так все и оставить? Он же вас обкрадывает.

— Ну… да, конечно. Но его припугнули. Он больше не будет. В конце концов, это просто металлолом. Вещи, которыми никто не пользовался. Невелика беда.

— Невелика беда? — Я покачал головой. — Рут, речь идет о вашей больнице. Этот металлолом

— имущество вашей больницы.

— Знаю, Фрэнк, — проговорила она, сурово поджав губы. — Задумайтесь на минутку об альтернативном варианте. Вы уже долгое время дожидаетесь, пока вас назначат главврачом. Теперь наконец-то дело сдвинулось. По всей видимости, ваши надежды скоро осуществятся. Вы хотите ими пожертвовать? Если вы подадите рапорт в министерство, расследование затянется на много месяцев. Из нас всю душу вынут. Люди будут обливать друг друга грязью. Об этом вы задумывались, Фрэнк? Исход абсолютно непредсказуем. И все из-за каких-то железок. Вы меня понимаете?

— Нет, дело не в железках. Поставлен под сомнение сам принцип…

— Какой принцип?

Я потерял дар речи. Какой принцип я отстаиваю? Для меня он был настолько самоочевиден, что не имел названия. Но я рисковал увязнуть в чересчур запутанной, неясной мне ситуации. Я решил пойти на попятный.

— Впрочем, — сказал я, — я только теоретизирую. Я не собираюсь давать ход делу.

— Рада слышать, Фрэнк. Тут слишком многое поставлено на кон. Для всех нас.

— Да. Вполне осознаю. Так что же вы мне порекомендуете сделать? — поинтересовался я беспечной скороговоркой, точно мы и не обсуждали никаких скользких тем.

Доктор Нгема подхватила мой тон:

— Просто по возможности позаботьтесь, чтобы Лоуренс не передумал. Фрэнк, вы на него положительно влияете. Вас он послушается.

— Конечно, конечно, я за ним присмотрю.

— Спасибо. Это ведь и в ваших интересах.

— Да, да, понимаю.

Я все понимал, но вышел из ее кабинета в смятении. Меня раздирали противоречивые чувства. Даже голова заныла. Поскольку в комнате спал Лоуренс, я решил посидеть в уголке отдыха. Обычно это место было тихим убежищем, но сегодня мне показалось, что народу там слишком много. Слишком светло, слишком шумно. Орал магнитофон, Сантандеры играли в пинг-понг, Темба и Джулиус беседовали за чашкой кофе.

— Фрэнк, хотите присоединиться? — окликнул меня Хорхе.

Я помотал головой. Игра продолжалась без меня. Я был в полном ступоре, и меня совершенно не удивляло, что Сантандеры весело перебрасываются шариком; я бы и сам развлекался, не будь

у меня так худо на душе. Через некоторое время Клаудия отшвырнула ракетку и плюхнулась рядом со мной, потная, хохочущая, доброжелательная.

— Вы сегодня приехал? — спросила она.

— Вчера вечером. Поздно.

— Вы пропускал вчера поликлинику. Очень хорошо. Ай, очень хорошо провели время.

— Да, — подтвердил Хорхе, подойдя к нам. — Мы вас вспоминали. Было здорово.

— Ай, очень здорово, — подхватила Клаудия. — Много людей! Много говорили! Ай, слишком много.

— Это хорошо, — сказал я.

Других слов у меня не было.

Только в этот момент до меня дошло, что светлая, праздничная атмосфера в уголке отдыха — что-то новенькое. Всего лишь несколько дней назад Клаудия не развалилась бы рядом со мной на диване, не завела бы этот непринужденный разговор таким тоном, словно не возненавидела меня после нашего романа. Свежий заряд оптимизма и молодости ей дало то, что произошло вчера, в мое отсутствие.

Я припомнил улыбку на лице Лоуренса, которая так не сочеталась с его рассказом. Эту же

улыбку мне предстояло увидеть спустя несколько дней на собрании. Вопрос о мобильной поликлинике был единственным пунктом повестки дня. Доктор Нгема высказалась без своей обычной осторожности.

— Это многообещающий успех, — заявила она. — Если кто-то сомневается, пусть обратит внимание на изменившийся настрой коллектива. Несмотря на скудость наших материальных ресурсов, мы достигли важного результата: обратились к населению и были услышаны, дали людям знать, что мы готовы прийти на помощь. Бесспорно, — заявила она, — теперь к нашим дверям протопчут дорожку те, кто раньше вообще не слышал о нашей больнице.

Лоуренс слушал эти речи и улыбался своим ботинкам.

— Разумеется, — продолжала доктор Нгема, — это был лишь эксперимент. Мы предполагали, что будем и впредь организовывать выезды мобильной поликлиники, если первый увенчается успехом. И теперь я рада вам сообщить, что в ближайшем будущем состоится еще один.

Она приосанилась. Но я был не в силах внимательно выслушивать все те вещи, о которых она мне уже рассказала в приватной беседе: крупное

официальное торжество, первое знакомство нищих крестьян с электричеством. Мероприятие развернулось перед моим мысленным взором, точно оно уже произошло: людские полчища, сияющее лицо Лоуренса в окружении восторженных слушателей; лекция, длинная и бессмысленная, по большей части оставшаяся непонятой; но это не есть важно. Главное, что лекция состоялась. Она — чисто символический акт. Главное — настрой коллектива.

Я уставился на мишень, из которой торчал единственный дротик, и этот дротик стал для меня чем-то вроде откровения. Я опомнился лишь на фразе доктора Нгемы:

— Мне не нужно объяснять вам значимость всего этого. Работа с населением, просвещение… все, чем прежний режим пренебрегал… Мы все, как один, должны отдаться новым формам работы…

И овация. Спонтанная. К аплодисментам присоединилась даже доктор Нгема. Единственными сторонними наблюдателями были Техого и я. Тихо сидели по разным углам комнаты.

Техого всегда был молчалив, но теперь он молчал по-другому. В его безмолвии отчетливо слышались обида и возмущение. Как мне казалось, его агрессия была направлена на меня.

После возвращения я с ним уже однажды столкнулся. Но еще раньше, не видя его, осознал: теперь между нами все иначе. Что меня ожидает, стало ясно после одной случайной встречи, по одному-единственному, почти незаметному жесту.

Немного посидев в уголке отдыха среди сияющих сослуживцев, я пошел прогуляться по территории больницы. Во мне бурлили мысли и порывы. Я не находил себе места. Мерил шагами тропки. Постоял, вцепившись в железные прутья ворот, глядя на внешний мир. Вечером я решил выбраться в город. Выйдя наружу, заметил неподалеку Рэймонда, смазливого друга Техого, того самого парня, которого я обвинил в соучастии. Он сидел на низком, полуразрушенном заборе автостоянки и качал ногой. Кого-то дожидался, наверно. В последний раз я видел его на вечеринке Лоуренса. Теперь, как и тогда, он был опрятен и элегантен; несмотря на сумерки, его глаза были скрыты под темными очками. Я приветливо кивнул Рэймонду, однако, когда я с ним поравнялся, он приподнял руку, которой держался за забор, и, улыбаясь, чиркнул себя пальцем по горлу.

И все. Один-единственный жест. Но всю дорогу до города меня трясло. Не от страха — или не только от страха. Этот жест был посланием,

которое адресовал мне Техого. Он сообщал то, о чем доктор Нгема постаралась умолчать во время нашего утреннего разговора в ее кабинете. В скучающем жесте этого незнакомца выразилась невысказанная лютая злоба.

Вернувшись, я не застал Рэймонда на прежнем месте. На низком, покосившемся заборе никого уже не было.

Я пошел искать Техого. Было время ужина, и я отыскал его в столовой, где он одиноко сидел в самом конце длинного стола. В глубине комнаты находились Клаудия Сантандер и Лоуренс. Оба лучились от восторга — их все еще не оставляло утреннее воодушевление. Техого, напротив, источал негодование. С едой он давно покончил — просто сидел, уставившись в стену. Перед ним стояла пустая тарелка. Увидев меня, он невольно попытался на что-нибудь отвлечься. Взял со стола солонку, начал катать по ладони.

Я сел рядом с ним. Лоуренс и Клаудия, покосившись на нас, вернулись к своей увлеченной беседе. «… Гавана, — донеслось до меня, — …государственная программа охраны здоровья…»

Техого принялся перебрасывать солонку с ладони на ладонь. Вправо-влево, вправо-влево.

— Техого.

Ни звука в ответ. Солонка совершала свои перелеты. Я пододвинулся к нему поближе, переставив стул.

— Мы можем поговорить? — сказал я. — Я хочу объяснить, как все вышло.

Вправо-влево. Вправо-влево…

— Я знаю, вы сильно обиделись. Вам очень неприятно. Но, Техого, я вам ничего не сделал. Просто выслушайте меня.

Он со всей силы опустил солонку на стол и, скрестив руки на груди, уставился прямо перед собой.

— Техого, я не вас считаю своим врагом.

Он повернул голову. Взглянул на меня. Всего на миг. Потом отодвинул свой стул и встал. Кажется, я буквально схватил его за рукав, чтобы задержать, но он уже удалялся широкими шагами. Вышел за дверь, не оглянувшись.

Ненадолго воцарилась тишина. Я почувствовал на себе взгляды Лоуренса и Клаудии. Потом их разговор — тихий, взволнованный — возобновился. Я сидел, уронив лицо в ладони, пытаясь переварить все слова и зрительные впечатления. «Техого, я не вас считаю своим врагом». Кто же в таком случае мой враг?

Я начал осознавать, что имел в виду Лоуренс,

говоря: «Все уже не так, как прежде». За те два дня, пока я отсутствовал, мое место в больничной иерархии изменилось. Кого ни возьми, все говорили со мной не совсем тем тоном, каким раньше.

Перемена была небольшая, но разительная. Ее нельзя было измерить, нельзя было объяснить логически, но меня она тревожила и нервировала так, как может нервировать лишь конкретное, вполне реальное событие.

Лишь несколькими днями позже я обнаружил: за стенами больницы тоже кое-что переменилось. И этой перемене предстояло повлиять на мою жизнь еще глубже, чем всем другим, вместе взятым.

О ней Лоуренс известил меня не сразу. Предпочел оттянуть разговор. Я побеседовал с доктором Нгемой, попытался объясниться с Техого, отсидел в понедельник утром собрание… И лишь в середине недели Лоуренс завел речь об этой новости — небрежно, между делом, словно только что вспомнил. Однако, едва он раскрыл рот, стало очевидно: подходящего момента он дожидался долго.

— Ах, да… Фрэнк… Можно вас на минутку?

Мы находились у себя в комнате. Был тот

неопределенный час, когда через пыльные стекла сочится серый, отфильтрованный, негреющий свет.

Лоуренс опустился на свою кровать и окинул меня задумчивым взглядом. Затем встал, подошел ко мне.

— Ничего, если я здесь присяду?

— Валяйте.

Он сел рядом со мной на мою кровать. Некоторое время слышалось только его прерывистое дыхание.

— Как поживаете? — спросил он наконец.

— Хорошо.

— Вид у вас не очень. Трудно вам пришлось в Претории?

— Лоуренс, в самом деле, если имеете что-то сказать, так прямо и скажите, — раздраженно рявкнул я.

Страдальчески засопев, он наконец сказал:

— Это касается поликлиники. Ну, точнее, нет. Я имею в виду, не поликлиники как таковой. То есть связано с поликлиникой. В каком-то смысле. Но сама поликлиника ни при чем.

— Никак не возьму в толк, о чем речь.

Он набрал в грудь воздуха.

— Ну, хорошо. Та женщина…

— Какая женщина?

— Та. Ну, знаете. Ваша приятельница.

Я наконец понял:

— Вы имеете в виду Марию.

— Да. Она. Из сувенирного магазина…

Он смотрел на меня, но, когда я вскинул голову, опустил глаза. Отвел взгляд.

— И что она?

— После приема. Когда меня все обступили. Она подошла ко мне. Сказала, что у нее большая проблема, спросила, могу ли я ей помочь.

И он умолк, но я обо всем догадался сам. Слово повисло в воздухе. Оставалось лишь его произнести:

— Беременна.

Он кивнул. Сглотнул — громко, отчетливо.

— Она попросила вас сделать операцию.

Он снова кивнул.

Меня обуяло спокойствие. Неестественное спокойствие, абсолютная бесстрастность. Я сказал ему:

— А мне вы зачем об этом рассказываете?

Он попытался что-то сказать, но лишь беззвучно разинул рот; я осознал, что правдивый ответ — выше его сил. Он лишь прошептал:

— Мне нужно… нужен ваш совет.

— Лоуренс, аборты больше не считаются преступлением. Вы вправе ей помочь.

— Она… она не хочет, чтобы это было сделано здесь.

— Тогда где же?

— Там. В домике.

— Это же безумие.

— Я знаю. Но она панически боится чего-то. Или кого-то. Хочет, чтобы я приехал туда поздно ночью. Тайно.

— Почему?

Он передернул плечами; в этом жесте выразилось все его отчаяние. От гордости и уверенности в себе, как на давешнем собрании, не осталось и следа; передо мной был растерянный юнец, нуждающийся в помощи.

Я спросил:

— И как вы собираетесь поступить?

— Не знаю.

— Но когда ей нужно?..

— Скоро. В точном сроке я не уверен, но скоро. Фрэнк. А что, если…

— Что?

— Не могли бы вы… не возьметесь ли?.. — Он снова передернул плечами.

— Вы что же, хотите попросить, чтобы я это

сделал?

Он вымученно улыбнулся:

— Даже не знаю. Мне тут пришло в голову… Вы… мне показалось, вы с ней знакомы.

— Но, Лоуренс, — возразил я, — она же именно к вам обратилась.

Это была правда. Если бы он не осуществил свою затею с поликлиникой, если бы он не отправился именно в ту деревню, он больше никогда в жизни не увиделся бы с Марией. Некая часть моей натуры — черствая, загрубевшая, сокрытая на самом дне моей души — испытала определенное удовлетворение. Лоуренс грезил о том, как придет к людям, как будет делать широкие символические жесты перед восторженной публикой, но, едва столкнувшись с реальностью, растерянно развел руками.

Конечно, я не собирался оставаться в стороне. Конечно, я решил выяснить, что произошло. Конечно, я сознавал, что должен вмешаться. Но покамест испытывал невеселую радость от того, что Лоуренс сам себе выкопал яму.

Той же ночью я поехал к ней. Ехал, не зная наперед, что ей скажу. В последний раз я был у нее незадолго до поездки в город. Тогда я обещал ей вернуться на следующую ночь, но так и не

выбрался.

Дорогу опять преграждал кордон. На вопрос: «Куда едете?» — я ответил: «Просто катаюсь». Эта фраза заметно озадачила молодого солдата, приказавшего мне съехать на обочину. Он заставил меня выйти из машины и распахнуть все дверцы, чтобы он мог провести доскональный обыск: под сиденьями, между сиденьями, в бардачке, в багажнике, под капотом. Ничего не обнаружив, он был вынужден меня отпустить. Но дальше я отправился с чувством вины. Точно и впрямь вез сверхсекретную контрабанду.

Перед хибаркой стояла белая машина. Та или не та, которую я видел у дома Бригадного Генерала? Я проехал мимо, не останавливаясь. Ждать было бессмысленно, но я решил сдержать слово — просто покататься. Я ехал во тьме, преодолевая милю за милей. Наконец, немного не доехав до эскарпа, я свернул на обочину и остановился. Ночь была теплая, небо кишело звездами. Со всех сторон посвистывала на ветру трава. Я присел на горячий капот машины и уставился во мрак.

Мне было хорошо вдали от всех и вся, в одиночестве. На какое-то время даже показалось, что моя жизнь существует отдельно от меня, точно шляпа или рубашка, которую я уронил на пол

и могу задумчиво отпихнуть ногой. И тут меня посетило странное видение.

Я увидел со стороны, как вхожу в хибарку Марии. Мария выглядит как обычно, но платье на ней совсем незнакомое — желтое, блестящее. Я подошел к ней и взял ее руки в свои — так, как никогда не делал раньше. Чувство, нахлынувшее на нас теплой волной, требовало не слов, а действий.

Я сказал ей:

«Мария, поедем со мной».

Она растерялась. Не поняла, что я хочу этим сказать.

«Нет ничего невозможного, — сказал я ей. — Поедем со мной».

«Но я должна стеречь магазин».

«Нет. Ты меня неправильно поняла. Ты думаешь, мы поедем ненадолго? Нет, мы поедем навсегда. Уедем отсюда. Все бросим. Твою работу, мою работу. Твой дом, мой дом. Мы поедем в большой город, поженимся и будем жить вместе, начнем все заново. С самого начала».

Она покачала головой.

«Поедем, — твердил я. — Я тебе не лгу. Нет ничего невозможного».

И я осознал, что так и есть. Осознал, как легко

перевернуть мир.

Но вдруг что-то изменилось. Мария покачала головой. Платье на ней было уже другого цвета. Будущее, ускользнув от меня в теплом сумраке, истаяло. Не те чувства. Не тот возраст. Поздно! Силы оставили меня. Я слез с капота, сел за руль и поехал обратно.

Белая машина все еще стояла у хибарки.

Я вернулся в больницу. Мой мир дожидался меня на своем обычном месте. Темные здания, внутри лишь разруха да пустота. Комната с моим скудным имуществом. Лоуренс Уотерс, спящий с запрокинутой головой.

Я долго стоял рядом. Рассматривал его. В полумраке его лицо казалось еще моложе, чем на самом деле. Оно выглядело недостаточно юным для детской невинности, но все равно слишком мягким и бледным, беззащитным перед грубой силой. Эту грубую силу воплощал в себе я. Меня осенила невесть откуда взявшаяся мысль: «Как легко размозжить голову спящего! Один сильный, резкий удар подходящим орудием — и готово дело».

Потому что теперь я понимал: это он — мой враг. Враг не снаружи, не во внешнем мире, не за оградой больницы. Враг проник внутрь. Пока

я спал.

Мало ли что ночью взбредет в голову. Но раньше у меня никогда не бывало таких мыслей. Ужасно, каким будничным, каким непроизвольным может быть помышление об убийстве. Я шуганул эту мысль, а заодно и себя самого со всей моей озлобленностью — и лег спать.

XIII

Однако ночные мысли больше не рассеивались вместе с темнотой, а стали потихоньку прокрадываться и в нормальную, дневную жизнь. Я не отступал от заведенного порядка: выполнял свои обязанности, был верен своим привычкам. Но мое лицо сделалось забралом, за которым скрывался чужак. Не то чтобы совершенно незнакомый. Темный близнец, вернувшийся после долгой отлучки…

Конечно, он был лишь временным жильцом. Я мирился с его присутствием, зная, что надолго оно не затянется — дня два, не больше, пока не уймется гнев; тогда я выдворю чужака и снова стану добропорядочным человеком.

День-два растянулись до трех-четырех, а там и до пяти-шести. Тем временем я наблюдал за внутренней борьбой Лоуренса. Размышления над дилеммой пожирали его изнутри. Он буквально чах на глазах. Я зачарованно следил за его душевными муками — ухищрениями математика, бьющегося над неразрешимым уравнением.

Воцарилась атмосфера какого-то неясного ожи-

дания. Все находилось в подвешенном состоянии. Это ощущалось не только в нашей комнате, но и во внешнем мире. Даже проезжая или проходя по длинным городским улицам, я чувствовал электрическое напряжение. Надвигались какие-то события. Места и закоулки, которые долгое время были неизменными декорациями моей жизни, неуловимо преображались.

Мама Мтембу действительно обзавелась бильярдным столом. Как-то утром, делая покупки в супермаркете, я своими глазами увидел, как эту ценность провезли по улице на грузовике. Вечером того же дня, когда я зашел выпить виски, стол был уже установлен в баре. Вокруг толпились известные мне военные и какие-то совсем незнакомые люди: одни играли, другие просто смотрели, но все пьянствовали.

В последнее время у Мамы стали собираться уже не те посетители, что прежде. Вероятно, военные притягивали новый контингент. Среди тех, кто приходил поодиночке, преобладали женщины с ярко, бесстыдно размалеванными лицами. Не знаю уж, откуда они взялись — то ли из окрестных деревень, то ли вообще из-за границы, — но захаживали они сюда не просто так. И вскоре в бар проложили дорогу дальнобойщики с

автострады. Раньше они сюда никогда не заезжали. Итак, среди моих знакомцев, людей тихих и робких, искавших в баре простого человеческого общения, стали мелькать иные, новые, грубые лица. Атмосфера стала более раскованной, голоса — громче. В чем-то стало веселее, но в воздухе запахло опасностью. Однажды я наблюдал, как ни с того ни с сего завязалась драка — солдат и шофер принялись почти вслепую молотить друг друга кулаками, — но вскоре побоище столь же беспричинно прекратилось, заглушенное стуком бильярдных шаров и звоном мелочи в кассе.

Спустя некоторое время эта атмосфера насилия, которую принесли с собой чужаки, выплеснулась из бара на городские улицы. Однажды ночью произошло ограбление. В супермаркет заявились четверо вооруженных мужчин в масках. Покупателей в этот момент не было. Банда избила менеджера, опустошила сейф и умчалась прочь из города по главной улице, постреливая по фонарям. Случай был беспрецедентный. Дотоле ту разрушительную роль, которую в других местах играет насилие, в этом городе играла скука. Несколько дней все только и говорили что об ограблении и банде.

Пострадавший менеджер — его несколько

раз ударили рукояткой револьвера по голове — обратился к нам в больницу. Я зашил ему глубокую рану над глазом. У менеджера был шок: он вновь и вновь принимался рассказывать, как они спокойненько вошли в магазин, точно с неба свалились, четверо безликих.

— Какая у них была машина? — спросил я. — Вы разглядели?

— Отлично разглядел. Белая «тойота».

Белая машина. А что за автомобиль стоял тогда у хибарки Марии — тоже «тойота»? В этом я не мог быть уверен, поскольку в марках автомобилей ничего не смыслил, но втайне не сомневался: да, «тойота», та самая. Конечно, догадка была безосновательная: белых легковушек на дорогах тысячи. Но я счел совпадение не случайным. Теперь, отлучаясь по вечерам из больницы, я держался настороже.

Марию я не навещал — хотел посмотреть, как поступит Лоуренс. По вечерам я ходил только к Маме и не возвращался, пока не напивался допьяна.

В баре часто появлялся и полковник Моллер. Подобно мне, он устраивался поодаль, в каком-нибудь темном углу. Подобно мне, он постоянно наблюдал за происходящим вокруг. Его глаза

поблескивали в полумраке. Как-то раз он перехватил мой взгляд и с ироничным видом приподнял над столом бокал — ваше здоровье, дескать.

Далеко не сразу я осознал, что посещаю бар главным образом для того, чтобы увидеть Моллера. Изо дня в день. Почти всегда он был один. Я не стремился с ним поговорить — совсем наоборот. Мне требовалось просто увидеть его поджарую фигуру, недвижно застывшую, не реагирующую ни на музыку, ни на голоса, ни на дым. Его присутствие вовсе меня не успокаивало — напротив, бередило болезненные, как сломанная кость, воспоминания. Но я зачем-то в нем нуждался.

Конечно, он не находился там безотлучно. Иногда в баре вообще не было ни одного военного. Я заключал, что они дежурят на шоссе — деловито выставляют кордон, обыскивают машины. И, как и многие другие обитатели города, недоуменно вопрошал: «А что-нибудь еще они предпринимают — или как?» Иногда можно было видеть, как их джип целеустремленно несется по главной улице. Столько усилий, четко скоординированных, упорных! Военные явно не прохлаждаются. Однако за все это время я ни разу не видел, чтобы они арестовали хоть одного человека.

Таковы были перемены вне больницы; но и в

моем непосредственном окружении произошло кое-что новенькое. На Техого никогда нельзя было особенно положиться, но теперь его прогулы стали регулярными. За две недели мне пришлось два-три раза обходиться на дежурстве без него. То же самое он проделывал и с Сантандерами — они как-то жаловались за обедом. Потом, иногда с многочасовым опозданием, Техого объявлялся — с независимым видом, даже не пытаясь оправдываться. На все упреки он лишь пожимал плечами. А мне отвечал негодующим молчанием, стоящим целой речи.

Разыскивать Техого было бессмысленно. Когда он не явился на дежурство в третий раз, я сам за ним пошел. Постучался. Но на сей раз дверь была заперта. Из-под нее тянуло затхлостью. Спустя несколько часов я увидел, как Техого входит в ворота. Разговаривать с ним я не пожелал — что толку? — но вскоре случайно повстречался с ним в коридоре. И подметил, что от него воняет потом, глаза усталые, налитые кровью.

Я попробовал завести об этом разговор с доктором Нгемой. Но она лишь вяло пожала плечами. Отголоски нашей недавней беседы о Техого еще витали в кабинете.

— Фрэнк, у него нечеловеческий график, — ска-

зала доктор Нгема. — Не забывайте, он работает за троих.

— Я знаю. Но у меня сложилось впечатление, что он здесь почти не появляется.

— У него сейчас трудный период. Терпение, Фрэнк, терпение. Все уладится.

Я не стал настаивать. Недавние события были еще свежи в памяти. Вопросы, вопросы… Слишком много вопросов. Я решил выждать, пока кто-нибудь еще обратит внимание на проступки Техого и пожалуется, но этого так и не произошло. Вероятно, людей занимало совсем другое — всплеск интереса к больнице, предчувствие обновления.

Энтузиазм не рассеивался. Воодушевление, наколдованное Лоуренсом и его мобильной поликлиникой, долго еще чувствовалось в коридорах. Я слышал, о чем разговаривают люди в столовой или по вечерам в уголке отдыха. Живо обсуждался следующий выезд и те новые перспективы, которые после него откроются.

Как-то вечером, когда мы укладывались спать, Лоуренс сказал:

— А знаете, она решила остаться. Клаудия Сантандер. Расхотела возвращаться на Кубу.

— Да? Это хорошо.

— На Кубе существует сеть мобильных поликлиник. Она мне рассказывала. Думаю, нам по силам организовать здесь нечто подобное. Она говорит, что нашла свое призвание. В смысле — поняла, что ее место здесь.

— Рад за нее, — сказал я. — Не прошло и десяти лет, как она себя нашла.

Прилив энергии, атмосфера перемен — все это спасло брак Сантандеров. Этот факт меня действительно порадовал. Ничего, что в большом мире по-прежнему бушуют эпидемии и стихийные бедствия, лишь бы за стеной, в соседней комнате, царили тишина и спокойствие.

Однажды во время моего дежурства в больницу пришел какой-то старик. Сопровождавший его мальчик — то ли внук, то ли племянник — сказал мне, что старик присутствовал на лекции Лоуренса. Поэтому они сегодня здесь, пояснил мальчик. Раньше они даже не знали, что здесь есть больница.

Старик, не знавший по-английски ни слова, лучезарно нам улыбался. Казалось, его тоже заразило неуловимое воодушевление, распространяющееся по больничным коридорам. Но на осмотре выяснилось, что его заболевание — катаракту на правом глазу — мы вылечить не в

силах. Старику следовало обратиться в больницу за эскарпом — в ту, которая функционировала по-настоящему. Я выписал ему направление к моему знакомцу Дю Тойту.

Когда я попрощался с ним, голова старика безвольно поникла. Все надежды, порожденные визитом поликлиники, развеялись как дым. И ничего не поделаешь.

Лоуренсу я о старике не рассказал. Вопреки фактам, Лоуренс мог бы воспринять эту историю как свою победу. Впрочем, не мне судить… В тот период неопределенности и ожидания я чувствовал: на душе у Лоуренса груз, которого раньше не было.

Я понимал: дело в Марии. Он ломает голову, как ему следует поступить. Со мной он на эту тему больше не заговаривал, но вопрос висел между нами в воздухе постоянно. Лоуренс то и дело в самые неожиданные моменты на меня косился, пытаясь угадать мои мысли. Но я отмалчивался. Я все еще искренне намеревался вмешаться, принять меры, но прежде желал довести ситуацию до ее логического завершения, чтобы несложные правила, по которым жил Лоуренс, наконец-то рассыпались в пух и прах.

И вот однажды он начал приготовления. Не

то чтобы демонстративно, но и не таясь от меня. Принес с кухни брикет мыла и большой таз. Достал из шкафа чистую простыню. Разложил у себя на кровати перчатки, зеркало, катетер, расширитель матки. Казалось, он устроил инвентаризацию. Потом Лоуренс взгромоздился на подоконник, уперся подбородком в колени и уставился в окно.

Я понял, что он сделал свой выбор и теперь дает мне шанс сделать мой. Время было. Я мог бы его остановить. Вплоть до самого последнего момента, когда он направился к двери. Я мог бы поманить его рукой и сказать: «Погодите, Лоуренс. Давайте я вместо вас съезжу». Или: «Не нужно, Лоуренс. Давайте я с ней сначала поговорю».

Но миновало столько дней, а я до сих пор с ней не поговорил. И этот день клонился к закату, а я не остановил Лоуренса и лишь в этот момент осознал, что вмешиваться не стану. Я сказал Лоуренсу истинную правду: это к нему она обратилась, не ко мне. В конце концов, ребенок наверняка был не от меня, а если даже и от меня, то лучшего выхода все равно нет. Повлиять на ход событий я был не в силах. Итак, я проводил Лоуренса взглядом, не проронив ни слова.

В тот же вечер он сложил приготовленное в чемоданчик. Медленно, точно ему было больно двигаться. Надел свой белый халат. Прошел к двери. Замялся.

— Фрэнк.

— Да? — откликнулся я слишком быстро, слишком громко.

— Что вы делаете сегодня вечером?

— Еще не знаю. Наверно, просто посижу где-нибудь. Я устал.

— Если хотите, мы можем попозже куда-нибудь заглянуть. Ну, там… выпить, например.

— Куда? К Маме? Я там вчера был. Вряд ли мне скоро захочется снова туда сунуться.

— А-а. Ну, ладно тогда.

— Я устал. Давайте потом решим, по обстановке.

— Хорошо.

Я не поднимал глаз, но все равно почувствовал момент, когда он вышел за дверь. Я немного выждал. Подкрался к окну. Увидел, как одинокая долговязая фигура пересекает автостоянку. Взревел мотор. Машина Лоуренса медленно выехала за ворота и растворилась во мраке.

Отсутствовал он долго. Часа четыре, не меньше. Казалось, я не испытывал ничего, кроме безраз-

личия, но догадался по своему поведению, что в моем подсознании бьется какая-то неуправляемая эмоция. Я ходил из угла в угол, чувствуя себя хищным зверем в клетке. Потом лег на кровать и выключил свет, но так и не смог сомкнуть глаз.

Я услышал, как его машина подкатила к воротам, свернула на стоянку, затормозила. Хлопнула дверца. Его шаги по тропинке — неспешные, тяжелые.

Когда он открыл дверь, я прикинулся спящим. Он, впрочем, вообще не обратил на меня внимания. Чемоданчик оттягивал его руку — можно подумать, что там камни. Да и сам Лоуренс выглядел так, словно таскал камни за тридевять земель. Он наткнулся в темноте на свою кровать, что-то пробурчал себе под нос, пошел в ванную. Журчание льющейся воды, плеск, хлюпанье. Шум не прекращался очень долго — вероятно, он несколько раз вымылся с головы до ног.

Я встал. Включил свет. Ночь была безветренная, душная — как-никак лето приближается. Внезапно мне стало трудно дышать. Я распахнул окно и, опершись коленями о кровать Лоуренса, ненадолго высунулся наружу, чтобы лицо овеял свежий воздух.

Потом из ванной вышел Лоуренс, совершенно

голый. С его тела капала вода. Взглянув на меня, он сел на мою кровать, лицом ко мне. Долгое время мы оба не говорили ни слова. Я был в одном белье. Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что эта сцена — двое обнаженных мужчин в неприбранной комнате — не что иное, как эпизод какой-то запутанной любовной истории. Лицо Лоуренса, хмурое, совершенно иное, чем раньше, было для меня непостижимо, как черты совершенно незнакомого человека.

Лишь впоследствии я осознал: та необычность, та неуловимая печать, которая отличала его лицо от всех прочих, исчезла бесследно.

Он спросил:

— Зачем вы это сделали?

Вопрос меня озадачил.

Я сказал:

— Но я же ничего не делал. Я все это время был здесь.

— Да, — кивнул он.

Это прозвучало как начало фразы, но продолжения так и не последовало.

И тогда разговор продолжил я.

— Если вы хотите кого-то обвинить, — сказал я, — вините самого себя. Мы все жили тут спокойно. Жизнь текла по нормальному руслу. А

потом вы приехали и сморщили нос. Вам обязательно понадобилось все взбаламутить. «Нет, так не годится, надо исправить…». Вы захотели все наладить. Устроить, чтобы всем и каждому стало лучше. И что с нами теперь сталось?

— Что с нами сталось?

— Да ничего не сталось, мы ни на шаг не продвинулись. Вот только никто из нас уже не довольствуется спокойной жизнью.

— Мы не продвинулись ни на шаг? Не верю. Мне не о чем сожалеть. Стало лучше.

— Благодаря одному-единственному выезду врачей в буш?

— Ах, вот как вы думаете?

— Меня там не было. Но я и так все знаю. Чего вы добились? Ничего. Слова, слова, слова. Лекция о СПИДе. Лекция о гигиене и здоровом образе жизни. Лоуренс, черт вас подери! Эти люди нуждаются в лечении и лекарствах, но, разумеется, все это им недоступно. Вы не можете дать им ничего, кроме слов.

— Это лишь начало пути. Постепенно все изменится.

— Что изменится? Через несколько недель поликлиника опять придет к людям. За компанию с электричеством.

— Вы думаете, электричество ничего не меняет? Это потому, что вы ни дня без него не обходились!

— Я не думаю, что электричество ничего не меняет. Но тот факт, что его проведут в одну-единственную деревушку, ничего не меняет. Это символический жест. Жалкая подачка. Вроде вашего подхода к медицине, Лоуренс. Здесь еще миллионы жителей, которым никто не помогает. Вы действительно верите, будто слова и несколько ярких лампочек спасут мир?

— Сидя сложа руки, вообще ничего не изменишь!

— Нельзя изменить то, как устроен мир.

— Как это нельзя?!

Мы взирали друг на друга с изумленным отвращением.

— А о вас правильно говорят, — медленно проговорил он. — Это было горькое прозрение. Раньше я не понимал. Но теперь вижу.

— И что же обо мне говорят?

— Что вы не… что вы чужой в новом государстве.

— В новом государстве… — повторил я. — И где оно, ваше новое государство?

— Вокруг вас, Фрэнк. Куда ни глянь. Все, что вы

видите. Мы начинаем с чистого листа, строим все заново.

— Слова, — сказал я. — Слова и символы.

— Нет! Это происходит на самом деле. Прогресс налицо.

— Не думаю.

— Почему? Почему вы… такой? — вопрос был негодующий, но в интонации не чувствовалось негодования, а лишь печальное любопытство. — Вы же не подлец.

— Допустим, я подлец…

— Вы не подлец. Но вы все отрицаете. У вас это на лице написано. Не знаю уж, что с вами стряслось в прошлом. Вы просто ни во что не верите. Я даже сомневаюсь, что вы верите в то, что сейчас отстаиваете.

— Нет, верю.

— И потому вы ничего не можете изменить. Самого себя изменить не можете, вот в чем дело.

— Думаете, все так просто? Когда у тебя уже полжизни за плечами, ты всего лишь просто должен ответить «да» или «нет», а остальное приложится?

— Полагаю, да.

Глядя на Лоуренса, я видел не его, а некую символическую картину. Мне представилось, что мы

с Лоуренсом — две веревки одного каната. Свиты нашим антагонизмом, скручены в единый жгут. Между собой мы несхожи, но рождены для того, чтобы существовать в паре, в связке. Что же до тех столбов, между которыми нас натянули… канат не в силах осознать свое предназначение.

Немного погодя это видение рассеялось. Мы оба притихли. Эмоциональный накал слабел, Лоуренс устало поник, его лицо посерело. Спустя еще минуту он повернулся к стене и укрылся простыней. Немного подождав, я выключил свет и тоже лег. Тот факт, что каждый из нас занимал чужую кровать, почему-то не казался странным.

Я тоже чувствовал утомление. Кости отяжелели, точно налитые свинцом. Но мне не спалось. Все только что сказанное было сказано попусту. И разговор был пустой, он не имел ничего общего с тем, что в действительности случилось сегодня вечером. Но лишь такой разговор мог между нами состояться. Лишь такой разговор касался главного.

Утром все вчерашнее отодвинулось в прошлое. Когда Лоуренс встал, я подметил, что никакой груз его больше не отягощает. Он бодро расхаживал по комнате, насвистывая. Когда я приподнялся на локте, он улыбнулся мне:

— Доброе утро, Фрэнк. Нормально спалось?

Казалось, вчерашняя ночь вычеркнута из его жизни. Груз переместился на мои плечи. Под покровом тьмы между нами произошел какой-то загадочный обмен. Теперь уже я чувствовал себя заметно постаревшим, погрузневшим, медлительным.

И только теперь задумался, всерьез задумался о том, что произошло вчера ночью. Мысленно увидел вновь, как Лоуренс пересекает в темноте автостоянку. Но теперь мое воображение двинулось дальше: свет фар, перед автомобилем как бы разматывается длинная дорога, влекущая его к дощатой хибарке под деревьями… Лоуренс входит в дверь…

И лишь в этот момент я спохватился: Мария! Дотоле вся эта история сводилась для меня к Лоуренсу, Мария же отступила на задний план, точно абстрактная, неразрешимая моими силами проблема. Но сегодня Мария перестала быть для меня чем-то абстрактным, стала материальной женщиной из плоти и крови, согревавшей меня, делившей со мной постель. А я и пальцем не шевельнул, чтобы ей помочь.

Предстояло дежурство; пора было одеваться. Лоуренс тоже начал натягивать рубашку

— проворно, с серьезным видом, точно куда-то торопился по делу.

— Что вы делаете?

Он на секунду замер:

— Еду туда.

— Куда?

— Вы же знаете. — И, не глядя на меня, стал застегивать пуговицы. — Я ей сказал, что сегодня загляну. Проверю, в каком она состоянии.

— Сейчас вам нельзя ехать. Люди увидят… День на дворе.

— Но вечером у меня дежурство.

— Я вас подменю.

— Я ей сказал, что…

— Лоуренс, я это сделаю.

Нотки, прозвучавшие в моем голосе, изумили нас обоих. Он вытаращился на меня. Пожав плечами, отвел взгляд.

Часы дежурства текли монотонно, в полном бездействии. Я мог думать только о Марии. Вернувшись вечером к себе, я смекнул, что ехать еще рано. И тогда я нашел себе совершенно неожиданное занятие: сделал в комнате уборку. Съездил в город за мылом, тряпками и моющими средствами; чуть ли не вылизал полы, стены, окна. До всех укромных уголков добрался. После этого

мне ненадолго полегчало, точно я стер какие-то постыдные пятна.

Но на месте мне не сиделось; я сел за руль, хотя время было еще неподходящее, и пару часов просто колесил по городу. Пустынные улицы, темные глазницы фонарей, пристально наблюдающие за мной бельма окон. Выждав столько, сколько полагалось, я отправился в путь.

Поравнявшись с эвкалиптами, взял вправо. Остановился почти на том же месте, где несколько дней тому назад была припаркована белая машина. Мои фары, скользнув по полотну автострады, выхватили из тьмы… лишь кусты и голую землю. Хибарка исчезла.

XIV

Поначалу я был почти уверен, что просто заехал не туда. Но, выйдя из машины, разглядел на земле контур хибарки — светлый квадрат, словно след пластыря на загорелой коже. Вокруг валялось несколько дощечек и обрывков целлофана.

Вот где для меня происходило все самое важное. На этом крохотном квадрате утоптанного песка. Он казался мне целым миром, а оказался заурядным участком буша. Через две недели его снова поглотит трава, репейник и бурьян.

Клубы пыли, взметенные моими ботинками, зависли в свете фар, как дым. Повернувшись к фарам спиной, я пошел по тропке в деревню. До нее было шагов двадцать-тридцать, но я никогда еще в ней не бывал. Когда я подошел поближе, залаяла собака; ей отозвалась другая. Сопровождаемый злобным хором, я вышел на голую круглую площадку посреди деревни. Небольшие глиняные хижины выстроились по кругу. Песок, навоз, пепел отгоревших костров — все как я и ожидал.

Людей видно не было. Свет нигде не горел.

Ничто не шевелилось, только собаки крались по моему следу. Я стоял неподвижно, точно назначил здесь кому-то свидание. Но я никогда еще не чувствовал себя таким одиноким.

В тот момент я сознавал: она может находиться где угодно. В пяти шагах от меня — в любом из этих домов. Или в любой из бесчисленных деревушек, разбросанных по бушу. Или в безымянной могиле, наскоро забросанная землей. Для меня она потеряна безвозвратно.

Горе всколыхнуло меня так, словно дотоле я не испытывал никаких чувств; горе могучее и безудержное, почти как любовь.

Лай приближался. Здесь я был чужаком. В отличие от Лоуренса Уотерса, я пришел не днем, не с лекарствами и добрыми советами, а появился из тьмы под ворчание тощих, как скелеты, собак. Делать было нечего, разве что поспешить назад по тропе к машине, вернуться в город.

Я гнал как бешеный, словно торопился сдержать какое-то обещание. Но ничто не ждало меня впереди. Мой путь не имел финиша.

Если не считать этим финишем мою комнату, где Лоуренс, сидя в постели, что-то писал на бумажке.

Он поднял на меня глаза и снова уткнулся в

бумажку.

— Здравствуйте, — сказал он обеспокоенным тоном. — Я тут план составляю.

— План?

— Для моей поликлиники. Неважно. Ах, да, я и забыл! — Он пристально посмотрел на меня. — Как она?

— Нормально, — сказал я, отвернувшись.

Он наверняка заметил, в каком я настроении, и рассудил, что отлично понимает почему. Ничего-то он не понимает.

Утром я снова поехал в деревню. Оставил машину около того места, где раньше стояла хибарка. Снова зашагал по тропке. Теперь людей было предостаточно: играющие дети, женщина, лущившая бобы у порога своей хижины, двое стариков, поглощенные серьезным разговором. В грязи валялась жирная свинья. Давешние собаки, лежавшие в тенечке, вскочили с лаем.

Я надеялся увидеть какое-нибудь знакомое лицо — женщину, которая носила Марии еду и воду, хоть кого-нибудь… Но нет. А парень, с которым мне удалось потолковать, единственный, кто тут умел объясняться по-английски, мало что знал о Марии. Да, хибарка стояла там. Но теперь ее разобрали. Он думает, что эти люди уехали куда-то

туда, вон туда. Он указал на синие холмы вдали.

«Да, да, — закивали старухи. — Туда уехали».

Я спросил, знали ли они Марию, были ли у нее в деревне подруги.

Но по их озадаченным лицам я понял, что это имя им не известно. Мои подозрения оправдались: в действительности ее зовут иначе. Своего подлинного имени она мне так и не открыла.

Ни на что не надеясь, я все-таки произнес небольшую речь.

— Если кто-то из вас сможет найти Марию, — сказал я, — если кто-то из вас пришлет ее ко мне, я выплачу вознаграждение.

Я достал бумажник и помахал им в воздухе.

— Кто вы? — спросил молодой мужчина, мой переводчик.

— Меня зовут Фрэнк Элофф. Я врач. Я работаю в больнице, которая находится в городе.

Тут их озадаченные лица широко заулыбались. Вокруг загомонили. Больница! Поликлиника! И воспоминание об этом недавнем событии взбодрило их совсем так же, как коллектив больницы.

А я-то и забыл! Ну конечно же, все это было здесь. Я расслышал, как одна старуха, не знающая ни слова по-английски, с беззубой блаженной улыбкой произнесла: «Доктор Лоуренс, доктор

Лоуренс».

Когда я отделался от деревенских и вернулся в больницу, груз, отягощавший мою душу, слегка сместился. Конечно, тосковал я именно по Марии, но боль от ее утраты распространилась на иные, смежные области жизни. Мне впервые показалось, что мои слова и поступки за последние несколько дней спровоцированы каким-то помрачением рассудка. И темный незнакомец в моей голове, на которого было так легко свалить вину за все, существовал вовсе не в отрыве от меня.

Так продолжалось весь этот длинный, знойный день до вечера. Лоуренс где-то шлялся, а я лежал на кровати, обливался потом и думал. Я сознавал, как ужасно виновен перед Марией. Всему причиной моя слепота. Я не умел ее ценить. Я поступил подло. И то, что я ей сделал — или не смог сделать для нее, ничем не отличалось в конечном итоге от того, что я натворил здесь, на этом самом месте. В больнице. В этой самой комнате.

Когда Лоуренс вернулся спустя много часов, было совсем темно. Все это время я даже не вставал с кровати. Включив свет, он изумленно уставился на меня:

— Что это вы делаете?

— Ничего.

— Почему без света? Вздремнули?

— Нет. Думал кое о чем.

— О чем же?

Ценой огромного усилия я спустил ноги на пол. Сел на кровати. На этом мои силы иссякли.

Лоуренс вытаращился на меня:

— Что вы?..

Все случившееся подступило комком к горлу, надавило изнутри на сомкнутые губы, но этот тяжелый ком было невозможно превратить в слова, и я промолчал. Слегка покачал головой.

Лоуренс улыбнулся мне. Его широкое лицо блестело, как медаль:

— Вы слишком много сидите тут в одиночестве, Фрэнк, у вас от этого депрессия.

— Лоуренс…

— Мне сейчас некогда. Приму по-быстрому душ и побегу — мы с Хорхе и Клаудией решили выпить. Хотите с нами?

— Нет.

Он отгородился от меня. Я хотел выплеснуть на него поток слов, наговорить как можно больше — в надежде, что какое-то из этих слов окажется правильным, снимет с меня грех, но он уже отвернулся, уже тянул на себя дверь ванной.

— Лоуренс.

— Ja? — Он замешкался, оглянулся, мотнул головой. — Да успокойтесь вы, Фрэнк, все это пустяки! — И закрылся в ванной.

Я сидел на кровати. Слышал, как вода, журча, утекает в слив. Но эта вода ничего не могла отмыть.

XV

Я кинулся ее разыскивать. Так я сказал себе, хотя вскоре все благородные побуждения вылетели у меня из головы. Об этих поисках у меня сохранились бессвязные, расплывчатые воспоминания, точно это был лишь сон. Я даже не уверен, когда приступил к ним — той же самой ночью или в одну из последующих. Но я помню, как сидел на своей кровати, как из ванной доносился шум воды — Лоуренс все не мог отмыться, — как горе пихало меня под ребра, толкало в нескольких направлениях сразу… И внезапно все понял.

Я вижу, как выезжаю на своей машине из города. Но память лжет: эта картина — лишь компиляция других моих ночных поездок по этой дороге. В действительности я пошел пешком. Почему? Ответ лежит на поверхности: машина, припаркованная где-либо на этом отрезке дороги, слишком бросалась бы в глаза. Итак, я быстро шагал по обочине, посыпанной гравием; воздух был теплый, недвижный; дорога шла лесом, городские огни за моей спиной вскоре исчезли из виду.

Воспоминания, в которых я уверен, начинаются лишь с того момента, когда я достиг левого ответвления дороги — места, мимо которого проезжал, не останавливаясь, уже несколько сот раз. Я имею в виду заросший бурьяном проселок, который вел через буш к старой военной базе. У меня сложился ритуал: там, где с дороги виднелась база, я всякий раз сбавлял скорость. Но на самой базе никогда еще не бывал. Даже не знаю, почему. Говорил себе: «Заброшенные, уродливые руины. Зачем попусту время тратить...» Истинная же причина была запрятана на дне моего подсознания. Я осознал ее, свернув на проселок. Мне вдруг померещилось, что я впервые переступил некую таинственную черту. Переступил через свой страх.

О Марии я больше не думал. Вообще ничего не шло на ум. Все мое внимание, подстегиваемое острой тревогой, было сосредоточено на тьме, атаковавшей меня со всех сторон. Деревья казались мне бдительными древними шпионами. Прямо у меня под ногами сквозь утоптанную землю прорастала трава. Ночь была точно увеличительное стекло, через которое за каждым моим движением следил исполинский глаз.

Проселок спустился в низину, к неглубокой

речке, бегущей с журчанием по камням, и снова начал карабкаться в гору. На холме — хаотическое скопление деревьев. Лишь с определенной точки между листьями стало различимо внешнее ограждение базы. Тонкое, четко очерченное кружево проволоки, регулярно повторяющийся узор на фоне неба. Высокий столб, к которому раньше был прикреплен прожектор. Ныне он, покосившийся под тяжестью лиан, панибратски прислонился к дереву.

Я разглядывал главные ворота. Если есть часовой, то где-то у этих ворот. Я взял правее — полез по круче к гребню холма. Таким образом я избегал наиболее очевидных опасностей, но, карабкаясь по скользким камням, обдирая лицо и руки о ветки, я понял, что никак не подготовлен для героических подвигов во тьме. Какой из меня мачо! Я мысленно увидел себя в истинном свете: обрюзгшим слабаком, который способен лишь попивать виски в светлом и теплом баре Мамы да болтать с Лоуренсом. Я видел это словно бы издалека — через разлом, расколовший мою жизнь посередине. Кто я? Что я тут делаю? Я напряг все силы и с придушенным всхлипом, впиваясь в склон ногтями, наконец-то преодолел гребень холма. И оказался у самой проволоки, на краю

обрыва.

Три или четыре палатки, бесформенные, обвисшие, сотканные скорее из теней, чем из брезента, — вот все, что осталось от базы. Между палатками — голая земляная площадка, на которой валяются какие-то разобранные механизмы. Ничто не шелохнется. Людей не видать. Не знаю уж, что я ожидал увидеть: солдат, сгрудившихся у огромного костра, белую машину неподалеку? Привязанную к дереву Марию с кляпом во рту? Впрочем, эта чернильно-темная пустота казалась еще опаснее. Долгое время я не мог пальцем пошевелить. Обмер. Безмолвие держало меня на прицеле. На моем теле даже успел высохнуть пот. Его пленка облепила меня, как холодная вторая кожа.

Я не мог уйти, не побывав на базе. Этот огромный круг мертвой земли манил меня. Однако ноги не слушались — казалось, я бреду глубоко под водой. Тело одеревенело. Я оглох. Шажок за шажком, точно пародийный сыщик, я прокрался вдоль проволоки к месту, где один из щитов ограждения валялся на земле. Вошел на территорию базы. И снова замер, напрягая слух. Но ничто не нарушало тишину, кроме какофонии моего собственного пульса и сопения.

Я немного успокоился. Если здесь со мной могло бы случиться что-то плохое, оно бы уже случилось.

База всего лишь заброшена, покинута людьми — вот и весь ее секрет. Ступая легко и беспечно, я двинулся вперед. Миновал одну палатку, вторую, вышел на гравий пустой площади.

Повеял слабый ветерок. Скудные травяные заросли затрепетали. Ближайшая палатка испустила отчетливый вздох. Но мне уже не было страшно. Обычные для ночного леса колебания воздуха?

И тут, стоило мне расслабиться, что-то шелохнулось прямо у меня перед носом. Я его не увидел, а почувствовал — внезапный негромкий всплеск, рывок тьмы. Нечто живое, наделенное свободой воли. И ужас вновь ожил в моей душе. Все самое ненавистное и опасное для меня, все призраки моей души слились в единый сгусток и образовали эту тварь, восставшую из тьмы.

Я отпрянул, завалился на бок, но моментально вскочил и побежал, опережая даже собственную мысль.

Из зеркала на меня смотрел пепельно-бледный, перепуганный человечек. Одежда грязная, вся в репьях и колючках. Припорошенная пылью

кожа. На лбу ярко алела ссадина.

Я долго стоял под душем. Горячая вода успокаивала. Когда я вытерся полотенцем и надел чистое, мне показалось, что я снова вернулся к нормальной жизни. Мой разум трезво взглянул на вещи и усомнился в увиденном. Подумаешь, какое-то внезапное движение во тьме! Скорее всего, просто олень. Какое-нибудь ночное животное, потревоженное моим неожиданным появлением. Или даже порыв ветра.

Рациональные доводы более-менее успокоили меня. Но иррациональный страх оставался, таился в глубине души. Чтобы вернуться в этот миг первобытного ужаса, требовалось лишь напрячь память.

Я лег спать, не потушив лампы. Проснувшись, увидел, что вернулся Лоуренс. Зрелище его одежды, раскиданной по полу, впервые подействовало на меня умиротворяюще. А дневной свет, столь теплый и ровный, вселял мысль, что ночная экспедиция была лишь бредом. Все ее детали казались неправдоподобными. Единственным осязаемым свидетельством была лишь ноющая ссадина у меня на лбу.

— Где это вас угораздило? — спросил Лоуренс, проснувшийся немного позже меня.

— Ударился о шкафчик в ванной.

— Не повезло, — сказал он. На том разговор и кончился.

В сущности, я сказал правду — просто немного ее подправил. Несколько слов — и словно ничего и не бывало.

Я промаялся весь день. Пока сидел на дежурстве, пустые коридоры превратились в экран, на котором мой мозг вновь и вновь прокручивал все тот же фильм. В тот день у нас не было ни одного пациента. Ни одного. Не вышел на работу и Техого. Я дежурил один. Время окружило меня стеной. Когда наступил вечер, я изнемогал от усталости, утомленный скукой. Впервые мне удалось заснуть сразу.

Утром ссадина на моем лбу покрылась коростой. Начала подживать. Вновь заступив на дежурство, я смог даже разжечь в себе легкую злость от того, что Техого вновь не явился. Я даже сходил к нему, но его дверь, как и в прошлый раз, была заперта, а мой стук отдавался в комнате как-то подозрительно гулко.

На следующий день Техого вновь не появился. И на следующий. И вскоре всем стало известно: Техого ушел из больницы — и это неоспоримый факт.

Я попытался поднять этот вопрос на очередном собрании.

— Какие меры планируются, — вопрошал я, — по поводу Техого? Будут ли искать замену? Или нам теперь придется мыкаться без помощников?

Доктор Нгема, как и в прошлый раз, среагировала вяло.

— Э-э… временно, да, придется, — ответила она на мой последний вопрос. — Возможно, он еще объявится.

— Объявится?

— В последнее время на него трудно было положиться. Мы все это знаем. Возможно, он просто ненадолго отлучился, чтобы побыть в одиночестве.

— И потом вы снова примете его на работу?

— Что ж… да. Приму. Иначе… что? Вы хотите, чтобы я дала объявление о вакансии? Опытного фельдшера мы днем с огнем не сыщем.

— Техого так и не сдал экзамены.

— Да, но свое дело он знает. Новому человеку придется осваивать все с нуля. К тому же мы ведь не завалены работой. Обходимся своими силами.

В ее голосе зазвучало раздражение. Доктор Нгема и я еще никогда не разговаривали между собой в таком тоне — во всяком случае, на людях.

Я обвел взглядом других врачей, но все опустили глаза. Эту схватку никто из них не принимал близко к сердцу.

— Обсудим принципиальную сторону вопроса, — сделал я еще одну, последнюю попытку. — Почему вы согласитесь принять его назад после такого проступка? Ведь он же нас всех подвел.

— Подвел, — согласилась она, а затем заглянула мне в глаза: — Но, Фрэнк, в последнее время ему трудно приходится. Вы же знаете.

«Вы же знаете»… Обвинение заставило меня прикусить язык, и я перестал настаивать. Мне померещилось, что все поняли, почему я так заостряю внимание на этом вопросе. Потому что комната Техого наконец-то — при самых неожиданных обстоятельствах — освободилась.

Этой темы больше никто не касался. Что до меня, то, признаюсь честно, я почти перестал вспоминать о комнате Техого. Она меня уже не интересовала. Через несколько месяцев истечет срок общественной службы Лоуренса, и тогда Лоуренс уедет, а я останусь. Останусь один.

Затем в городе произошло еще одно ограбление. На сей раз обчистили автосервис в самом начале главной улицы. Сценарий уже известен: бандиты в масках подъехали на белом автомобиле, забра-

ли деньги и скрылись под покровом тьмы.

Новость распространилась по городу еще до рассвета. К ней прилагались разнообразные подробности и объяснения. Самой убедительной версией была такая: грабителей нужно искать среди военных, расквартированных тут же в городе. Это сказал один мой знакомый, а тому проболтался парень, лично знающий какого-то солдата… К полудню эта история обрела непреложность факта.

В последнее время отношение к военным сильно изменилось. Поначалу их присутствие воспринималось как символ грядущего возрождения города. Но шло время, и военные все меньше походили на спасителей и все больше — на громогласных и заносчивых молодых бездельников. Местные смотрели на них с опаской. Было несколько стычек между военными и владельцами магазинов. В заведении Мамы каждый вечер стены ходили ходуном от разгула. Вероятно, было неизбежно, что страх обернется своей противоположностью и побудит горожан обвинять военных во всех смертных грехах.

Но я знал: военные ни при чем. Теперь уже мой собственный страх заставлял меня действовать. На следующий вечер после ограбления я пошел к

Маме. Ничего экстраординарного в этом не было — я вообще часто туда заглядывал; но на сей раз, признаюсь честно, мной руководил полуосознанный умысел.

Не знаю, как бы обернулось дело, не представься мне счастливый, удобный момент. Думаю, я предпочел бы окунуться в обычный хаос и неразбериху бара, забыться, в очередной раз так ни на что и не решиться, отложить все на неопределенное время. Но случай подвернулся.

Когда я пришел, полковника Моллера не было. Лишь несколько солдат. И лишь спустя несколько часов и стаканов, когда народу в баре заметно прибавилось, я на миг различил в толчее долговязую фигуру Моллера.

Он сидел около бильярдного стола — наблюдал за игрой. Я хорошо видел его аккуратно подстриженный затылок. Сегодня он был одет не в форму, а в джинсы и синюю футболку с какой-то улыбающейся рожицей на спине. Я зачарованно смотрел, как в полумраке его рука то подносит к губам стакан, то вновь опускает его на стол. Белесый пушок на руке полковника переливался на свету. Стакан поднимался и опускался. Двигалась только кисть, сам же полковник оставался абсолютно неподвижен.

Я не сразу с ним заговорил. Долго набирался храбрости. Черпал какое-то извращенное успокоение в том, что нахожусь так близко от него — могу внимательно рассматривать его уши, облупившиеся на солнце, — а он меня, по всей видимости, не замечает. Но тут толпа начала редеть. Я испугался, что уйдет и он, что случай будет упущен.

Я подошел и шепнул ему на ухо:

— Мне кое-что известно.

Он резко обернулся. Уставился на меня:

— Что?

— Если вы хотите найти то, что ищете, — сказал я ему, — езжайте на старую военную базу в окрестностях города.

Выпалив эту фразу, я тут же юркнул в толпу. Затеряться здесь было легко. В том-то и состоял весь мой план: таинственное сообщение, стремительный побег.

Я думал, что он меня не узнает. Тем более в баре, среди колоритных типов и заезжих шоферов. Полагался на то, что внешность у меня заурядная, совершенно никакая. Но когда я свернул в больничные ворота, позади сверкнула еще одна пара фар, и его джип затормозил неподалеку.

Я опешил. Струсил. Дело шло к совершенно

нежелательному для меня разговору в самом неподходящем, по моим меркам, месте. Я вылез из своей машины и зашагал к джипу, стараясь настроиться поагрессивнее, чтобы вернуть себе хотя бы часть утраченного превосходства.

Он, напротив, держался мирно. Казалось, моя проделка его лишь позабавила. Остался сидеть в джипе с горделивым видом, глядел на меня сверху вниз. На его губах играла легкая усмешка.

— Что вы мне сказали, доктор? Я не совсем расслышал.

— Откуда вы знаете, кто я?

— Видел вас там и сям. Белых тут не слишком много. Навел справки.

Я поднял на него глаза, но, не выдержав его взгляда, уставился куда-то мимо. Казалось, я перенесся в прошлое, на приграничную военную базу, затерянную в буше. Меня переполнял непреодолимый страх перед ним, словно не было всех прошедших лет. Он немного постарел, немного обрюзг, его суровый, четкий силуэт слегка расплылся. Но на меня наводило ужас не его лицо, а что-то, сокрытое в его душе. Вся его личность представляла собой крохотное, плотное ядро. Такое происходит с людьми, которые посвящают себя некоей всепоглощающей идее. Это может

украшать человека — например, в случае монахов. Но его это изуродовало.

Я сказал:

— Вы ищете Бригадного Генерала.

— Бригадного Генерала?

— Ну-ну, вы же знаете, о ком я говорю.

Он с озадаченным видом покачал головой:

— Если вы про черного, который раньше здесь всем заправлял…

— Да, я говорю о нем.

— Доктор, его давно и след простыл. Зачем мне его искать?

— Мне казалось, вас направили сюда, чтобы поставить заслон на границе. Мне казалось, вы пытаетесь ловить нарушителей.

— Возможно.

— Что ж, Бригадный Генерал — именно тот, кто вам нужен. Он главный. Тайно переправляет через границу все, что угодно. Слоновую кость, наркотики, людей. Тут каждый об этом знает. И вот что я вам еще скажу: это его люди дважды поработали здесь в городе. В супермаркете и в автосервисе. И я знаю, где они скрываются.

В тот вечер я немало выпил, и потому теперь, когда я наконец-то разговорился, словесный поток лился неудержимо. Но на лице Моллера не

дрогнул ни один мускул. Его немигающие синие глаза таращились на меня с прежней проницательной настороженностью.

— Кто вам это сказал, доктор?

— Спросите любого — все знают.

Он самодовольно ухмыльнулся:

— И вы думаете, что я его найду на старой военной базе.

— Да.

— Вы его там видели, доктор?

— Нет, не видел. Но я знаю: он там.

— Откуда же вы знаете?

— Я не могу этого объяснить, господин комендант. Но я знаю.

— Господин полковник, — вполголоса поправил он меня.

Осознав, что сболтнул лишнее, я смутился. Было ясно: мое сообщение его не заинтересовало. Он поехал вслед за мной из любопытства, но теперь пришел к выводу: я всего лишь псих и мои слова не стоит брать в расчет.

Я сказал:

— Вы туда съездите?

— Может быть.

— И еще одна вещь…

— Ja?

— Возможно, там находится женщина. С ними. Пожалуйста, не причиняйте ей вреда. Она совершенно ни при чем.

— Женщина?

— Она с мужчиной, который ездит на белом автомобиле.

Неотрывно глядя на меня, он кивнул, но даже сквозь непробиваемый лед его глаз чувствовалось презрение. Он раскаивался, что покинул теплый бар ради безумного разговора на автостоянке.

Он повернул ключ зажигания. Я схватил его за руку:

— Все так и есть. Езжайте — увидите сами.

— Бригадный Генерал мертв. Нет тут никаких бригадных, кроме меня, — через несколько лет, доктор, я стану Генералом.

— Он не умер! — вскрикнул я и придвинулся к нему.

Мной руководила сила, заключенная в моих тайнах. Еще немного, и я вывалил бы на него все, что знал. Но внезапно его рука выскользнула из моих пальцев, он нажал на газ, и джип умчался прочь. Наглотавшись сухой пыли, я замер посреди стоянки. Провожал взглядом габаритные огни, пока они не растворились в сумраке.

Возможно, он прав. Я так взбудоражен, что уже ни в чем не могу быть уверен — даже в том, что вчера я действительно побывал на базе. Наверно, мне подсознательно хочется населить базу призраками. Наверно, мне необходимо верить в Бригадного Генерала, в человека, к чьей груди пришпилено его прошлое, тихо позвякивающее при каждом движении. В Бригадного Генерала, который по ночам ухаживает за своими цветами. В Бригадного Генерала, который пустит мои кости на удобрение для этих цветов.

XVI

Техого объявился на следующий день. Случилось это без меня. Под вечер я отправился в деревню около исчезнувшей хибарки — справиться, нет ли известий о Марии. Но никто ничего не знал. Расстроенный, я не сразу поехал назад, а прокатился до самого эскарпа. В больницу я вернулся вечером, уже в темноте. Главный корпус сиял всеми огнями. В окнах мелькали силуэты людей.

Я поспешил внутрь. Ординаторская была пуста. Из соседнего помещения — операционной — слышался гомон. Я ринулся туда. Мне навстречу в коридор высыпали все: доктор Нгема, Сантандеры, Лоуренс.

Никто не сказал мне ни слова. Все ошалело метались, обеспокоенные какой-то проблемой. Но вскоре суета прекратилась. Сантандеры о чем-то между собой затараторили по-испански, доктор Нгема села за стол в ординаторской и начала заполнять какие-то бумаги. Только Лоуренс за компанию со мной еще несколько минут дрейфовал в жутковатом вакууме коридора.

— Что происходит? — спросил он меня.

— А я надеялся, вы мне объясните.

— Ума не приложу. Ничего не понимаю.

— Но что случилось-то?

— Он там. Пулевое ранение в грудь. Сомневаюсь, что выкарабкается. Доктор Нгема попыталась сделать операцию, но пуля засела слишком близко к легким. Я считаю…

— Кто «он»? О ком вы говорите?

Он изумленно уставился на меня, точно на единственный элемент таинственности во всей этой истории.

— Техого, — произнес он наконец. — Где вас носило?

Даже после слов Лоуренса я не смекнул, что к чему. Точнее, смекнул не сразу.

Я ринулся в операционную. Посреди комнаты, освещенный синим кладбищенским светом ночника, прикрытый по пояс простыней, лежал на спине Техого. Он был подключен к аппарату искусственного дыхания, из руки торчала трубка внутривенной капельницы. Его торс был полностью обнажен, если не считать бинтов и компрессов. Наклонившись к нему, я увидел, что щеки у него запали, словно у мертвеца.

Вернувшись в коридор, я спросил у Лоуренса:

— Кто его привез?

— Тот, другой. Его приятель. Если я не обознался.

— Если вы не обознались?

— Я не присматривался. Не успел моргнуть…

Лоуренс приложил руку ко лбу. Было очевидно, что он вот-вот заплачет. Я никогда еще не видел слез Лоуренса.

— Я дежурил в ординаторской. Услышал, как подъехала машина. На бешеной скорости. Потом загудел клаксон — очень настойчиво. Я выбежал на стоянку. А тот парень, кто бы он ни был, водитель, уже вытаскивал Техого наружу.

— Что за машина?

— Простите?

— Что за машина его привезла?

— Не знаю, Фрэнк, я не присматривался. Сожалею, что не могу помочь. — Одна настырная слезинка все-таки скатилась по его щеке, но голос Лоуренса оставался ровным. — Я взял Техого за плечи и потащил, хотел помочь, понимаете? Тут этот парень забрался в свою машину и укатил — только его и видели. Не знаю, Фрэнк, по-моему, это был его приятель, но точно не скажу. Почему так случилось? Что происходит?

— Не знаю, — солгал я.

Я знал. С такой определенностью, как будто все видел своими глазами.

Я поехал к Маме. В этот ранний час бар практически пуст. Мама была за стойкой — укладывала мелкие монеты столбиками, пересчитывала и убирала в целлофановые пакеты. Увидев меня, она заулыбалась.

— Я ищу полковника Моллера, — обратился я к ней.

Улыбка погасла: Мама что-то прочла на моем лице.

— Он наверху. В своей комнате.

— Какой номер?

Она ответила, и я поднялся по лестнице. Последняя дверь по коридору, угловая комната. Когда я постучал, он открыл почти незамедлительно, точно ожидал моего прихода. Но при виде меня его деревянное лицо слегка исказилось — всего на секунду.

Сегодня он был в форме. Камуфляжные штаны, рыжие сапоги. Но рубашки на нем не было, и торс — гладкий, почти безволосый — абсурдно контрастировал с нижней половиной тела. Заглянув через его плечо, я мельком увидел комнату, похожую на ту, где останавливалась Занеле. Но его присутствие лишь усилило, если это было

возможно, аскетическую безликость гостиничного номера. На полках я увидел его одежду, сложенную ровными вертикальными стопками. На столе лежала разобранная винтовка — детали разложены аккуратными, блестящими рядами.

— Господин полковник, вы позволите к вам на секунду зайти?

Он покачал головой:

— Извините, доктор, но я сейчас занят. Вам придется поговорить со мной в дверях.

Он был сама вежливость, сама отстраненность. Не сомневаюсь, что с теми же интонациями он обращался к людям, которых пытал и убивал. Дескать, ничего личного.

— Господин полковник, — сказал я, — к нам в больницу поступил раненый. Полагаю, вы знаете, что это за человек.

Он спокойно разглядывал меня. Выжидал.

— Я хочу знать, что с ним случилось.

— Не обессудьте… — Он покачал головой. — Мне очень жаль, что я не могу быть вам полезен, доктор.

Он по-прежнему был непроницаемо-вежлив, но сегодня держался со мной уже по-другому. Вчера я был для него просто чудиком, от которого можно брезгливо отмахнуться. Теперь же он

насторожился. За его равнодушием проглядывала внутренняя сила, скрытая бдительность. Мы вели игру по установленным правилам, и отныне он лишь делал вид, будто не принимает меня всерьез.

Я сказал:

— Поговорим без обиняков. Вы не обязаны ничего мне сообщать. Но я знаю… Я знаю, что вы стреляли в этого человека — вы или ваши люди. Я рекомендовал вам съездить на военную базу, и вы поехали. Вы считали, что ничего не обнаружите, но кое-что обнаружили. Кто-то бросился бежать или открыл огонь — и вот последствия.

Он не спускал с меня глаз. На его лице выражалось вежливое безразличие.

— Господин полковник, — сказал я. Нотки отчаяния в моем голосе звучали отчетливо для нас обоих. — Разве вы не понимаете, что я чувствую себя ответственным за все, что случилось? Я пришел не для того, чтобы вас обвинять. Не для того, чтобы портить вам жизнь. Я просто хочу понять. Я указал вам, куда ехать. Я не ожидал, что подобное случится, но, сами видите, случилось. Случилось из-за меня, и я осознаю свою роль. Вы тут ни при чем. Дело во мне. Мне станет легче, если я узнаю, что именно произошло. Больше я

вас ни о чем не прошу. Пожалуйста, господин полковник, помогите мне. Пожалуйста.

— Не обессудьте, доктор.

— Ну, хорошо. Ответьте мне только на один вопрос. Всего на один. Еще кто-нибудь пострадал? Что с остальными? Они сбежали? Вы их задержали?

— Я не могу ответить на ваш вопрос.

— Ну, хорошо. Забудем о них. Забудем о них обо всех. Меня интересует только один человек: женщина. Та женщина, о которой я вам вчера говорил. Она там была? С ней все в порядке?

— Я не в курсе.

— Всего одно слово, господин полковник. Да или нет. Даже слов не надо — просто кивните или покачайте головой. Она жива или мертва? Больше я ни о чем не спрашиваю.

Он отступил в глубь комнаты. Закрыл дверь. Этим незамысловатым жестом, не дающим никакой надежды на продолжение, был подытожен весь диалог. Я немного постоял, уткнувшись лбом в стену, а затем пошел назад к лестнице.

В больнице снова воцарились тишина и бездействие, но в воздухе висел какой-то почти ощутимый туман всеобщего замешательства. Лоуренс и Сантандеры по-прежнему сидели в

ординаторской. Разговаривали только о Техого. Все пророчили, что он не выживет.

Я снова сходил на него посмотреть. Он по-прежнему лежал в операционной, подключенный к оборудованию, которое поддерживало в нем жизнь. Казалось, он наполовину состоит из синтетических материалов, а его органическая половина была бездвижна, пассивна.

Я произнес его имя. Ни малейшей реакции. Я долго стоял и смотрел на него, на его лицо. Заметил на его щеке родимое пятно — чуть более темное, чем цвет кожи. На лбу крохотный шрам в форме полумесяца. Этих деталей я никогда раньше, вплоть до этого момента, не видел. И хотя я много лет прожил и проработал рядом с Техого, но, наверное, впервые ощутил: моя и его жизнь взаимосвязаны.

XVII

На следующий день, хотя дежурства у меня не было, я несколько раз заходил в главный корпус — казалось, ноги сами меня несли, — посмотреть, как там Техого. Мной руководил не долг врача, но какая-то психологическая, глубинная потребность, невыразимая словами. Всякий раз повторялось одно и то же: я долго стоял у изножья кровати, не сводя глаз с раненого. До сих пор не могу объяснить себе, что я надеялся прочесть на его лице.

Иногда я заставал в операционной доктора Нгему. Не менее взвинченная и взволнованная, чем я, она хлопотала у кровати: щупала у Техого пульс, измеряла давление, следила за состоянием зрачков. Столько внимания она никогда еще не уделяла ни одному пациенту.

— Как вы думаете, не пора ли его эвакуировать? — спросил я. — В той больнице ему будет лучше.

— Возможно, возможно. Но сейчас его нельзя тревожить. Состояние слишком тяжелое.

— Вы наверняка сознаете, — заметил я, — что

они могут за ним вернуться.

Эта догадка только что пришла мне в голову.

— Кто? — переспросила она.

— Его… товарищи, — сказал я. — Те, с кем он был.

Она уставилась на меня с изумлением, близким к шоку. Никак не могла взять в толк, кого я имею в виду и почему эти люди захотят забрать Техого с собой. Но не задала мне никаких вопросов — просто вернулась к своим хлопотам. Я же до конца дня только и думал что об этом варианте. Зачем они бросили здесь Техого, если он знает все их тайны?

По-видимому, та же мысль пришла в голову и полковнику. На следующее утро Техого приковали наручниками к койке, а в углу палаты появился часовой из числа подчиненных Моллера.

Произошло это в мое дежурство. На обходе доктор Нгема буквально остолбенела, увидев, какие меры безопасности были приняты в ее отсутствие. Притронувшись к серебристому браслету на запястье Техого, она испепелила часового взглядом:

— Кто вы такой? Зачем вы здесь?

Солдат был молодой, белый, совсем юнец, с

легким пушком над сардонически улыбающимся ртом. Негодование доктора Нгемы его лишь позабавило.

— Караулю, — ответил он.

— Караулите? Кого?

Он смолчал — вероятно, полагал, что ответ очевиден.

— Это реанимационное отделение, — процедила доктор Нгема. — Сюда закрыт вход всем, кроме медицинского персонала.

— Обратитесь к нашему полковнику.

— Не смейте его приковывать. Мы больше не живем в полицейском государстве. Зачем вы это сделали?

— Есть опасность.

— Опасность? — И она обвела взглядом комнату, точно пресловутая опасность каким-то образом воплотилась в материальной форме: опасность — длина такая-то, вес такой-то — прячется под кроватью. — Я буду жаловаться. Вы не имеете права так с ним обходиться. Я сообщу куда следует.

Но если она действительно пожаловалась или сообщила куда следует, это ничем не кончилось: ни серебристые наручники, ни часовой никуда не исчезли. Правда, последний спустя некоторое

время перебрался ко мне в ординаторскую. Вероятно, там ему было веселее. Можно было варить кофе, играть в дартс — какое-никакое занятие. Честно говоря, я и сам был рад присутствию часового. Точнее, тому, что он вооружен. После вчерашнего разговора с доктором Нгемой меня не оставлял страх.

Солдат сидел со скучающим видом — похоже, сам не верил в опасность, о которой толковал. Он не сопровождал меня, когда я ходил в палату. Должно быть, солдату казалось, что неусыпная забота о пациентах — в моем характере, но это был первый случай в моей жизни, когда я так напряженно размышлял над сугубо медицинской проблемой.

Поначалу Техого лежал совершенно неподвижно, точно покойник, выставленный для прощания в гробу. Его поза изменялась лишь тогда, когда его перекладывали. Для профилактики пролежней мне приходилось каждые два часа переворачивать Техого на другой бок. Когда я подхватывал его под мышки, наши лица сближались, и я чувствовал его прогорклое дыхание — дурной запах, поднимающийся из пустого желудка. Тело у него было потное, горячее, обмякшее.

Мне приходилось все за него делать. Пища и

воздух поступали в его организм по пластиковым трубкам. Я должен был следить за аппаратом искусственного дыхания и за капельницей. Каждые два часа колоть морфий. Несколько раз мне пришлось опорожнять мешок мочеприемника. Потом пациент обделался — пришлось обмыть его и сменить простыни. Все эти необходимые процедуры входили в обычные обязанности Техого; но для меня они были внове. Вплоть до того дня я ни разу не прикасался к телу Техого. Теперь же я был вынужден ухаживать за ним, точно за самым близким человеком. В аллегорической притче эта работа смирила бы мою гордость, но то была реальная жизнь, банальная, странная и нервирующая одновременно, и ничего похожего на смирение я не испытал.

Постепенно его состояние стало улучшаться. К полудню пульс и давление приблизились к норме. Позднее, зайдя перевернуть Техого, я обнаружил, что он сам изменил позу. Совсем ненамного — чуть-чуть пошевелил руками и ступнями, но то был бесспорный признак возвращения к жизни.

Да, он зашевелился. Подергивались мускулы, по телу пробегала дрожь. К вечеру он начал корчиться и жестикулировать, не приходя в сознание.

Чтобы он не оборвал трубки, я нарезал фланелевую тряпку полосками и привязал его к кровати. Эти путы на его ногах и свободной руке казались злой пародией на реальные наручники. Он был одновременно пациентом и пленником, точно так же как я — его врачом и виновником его бед.

Совесть, совесть… Мне не сиделось на месте. Я мерил шагами коридор. Иногда в палату Техого заглядывали и другие врачи. Доктор Нгема, Сантандеры, все взволнованные, напуганные. Но их тревога была вызвана недоумением; я же все понимал слишком хорошо.

Не заходил только Лоуренс. Я ждал его весь день — хотя бы потому, что врачебный долг был для него вроде бессознательного желания творить добро. Но он появился лишь вечером, к началу своего дежурства. Сказал, что сидел в нашей комнате — составлял план работы мобильной поликлиники.

О выезде поликлиники я напрочь забыл. Но, предположил я, в этих обстоятельствах его наверняка отменят.

— Нет-нет, — горячо возразил Лоуренс. — Я говорил сегодня с доктором Нгемой. Она сказала, что все остается в силе.

— Но как же Техого?

— Ну-у… конечно, дело серьезное… Но, Фрэнк, жизнь продолжается. Не мне вам об этом напоминать.

И я осознал, что в нашей больнице впервые появился пациент, на которого Лоуренсу плевать. Конечно, Лоуренс был расстроен и потрясен случившимся, но госпитализация Техого была для него лишь помехой, ведь срывался его собственный, куда более масштабный замысел.

К чему мы пришли? Привычный мир перевернулся вверх тормашками. Фельдшер стал пациентом. Самоотверженный, добросердечный молодой врач думает только о себе, а я, нигилист и скептик, готов был бы молиться, если бы надеялся, что это поможет.

Возможно, из этого следует какая-то мораль. Но какая?

Я нервно слонялся по ординаторской, хотя время моего дежурства истекло, а тело сковывала усталость.

— Идите-ка поспите, — сказал наконец Лоуренс. — Вид у вас измученный.

— Скоро пойду. Вот еще подожду немного.

— Чего вы ждете?

— Сам не знаю.

Он окинул меня испытующим взглядом.

— Я думал, Техого вам несимпатичен, — заметил он.

— Да, несимпатичен. Но я не желаю ему смерти.

— Помните, что вы мне однажды сказали? «В медицине нет места символам».

— А это тут при чем? Для меня Техого не символ.

— Вы уверены?

Утром Техого очнулся. Остановил на мне взгляд. Глаза холодные, влажно блестящие, немигающие. Я увидел в них свое отражение — две фигурки. Тут Техого уставился на пол.

В тот день должна была дежурить Клаудия Сантандер, но я вызвался ее подменить. Она растерялась.

— Нет, нет, — твердила она. — Завтра поликлиника. Не хочу работать завтра.

— Никто вас не обязывает. Я не меняюсь с вами дежурством. Просто хочу поработать сегодня, никакого обмена, никаких обязательств.

Она так ничего и не поняла, но в итоге смирилась. Итак, весь следующий день я опять ухаживал за Техого. Пришла доктор Нгема, отключила аппарат искусственного дыхания, убрала капельницу. Симптомы быстрого выздоровления были

налицо. Но пулю все равно следовало извлечь.

— Подождем день-два и сделаем операцию, — сказала доктор Нгема. — Пусть его состояние стабилизируется. Как по-вашему, Фрэнк?

— Я считаю, что его следует отвезти в ту больницу.

— Но, я уверена, мы сможем решить его проблему здесь… Ему уже гораздо лучше.

Ей требовалось, чтобы я одобрил ее план; но я не хотел, чтобы Техого оставался здесь. Чем дальше он окажется, тем лучше. Иначе они не смогут за ним приехать.

— Я настаиваю на своем мнении, — сказал я. — Давайте я его отвезу.

— Что ж… Хорошо, — произнесла она, растерянно моргая. — Но сейчас он слишком слаб.

— Тогда завтра. Займусь этим с самого утра.

— Завтра мы выезжаем с поликлиникой.

— Неужели вы не отменили выезд? — воскликнул я. — Не разумнее ли его отложить? В теперешних обстоятельствах…

— О нет. Нет, Фрэнк, это невозможно, — печально произнесла она. — Для нас это слишком важно, министр рассчитывает… Нет, отменять уже поздно.

— Ладно, я участвовать не буду, — зло сказал

я. — Я его повезу.

Это не было просьбой; она отлично поняла мою интонацию. И слишком удивилась, чтобы возражать.

Техого внимал нашей беседе, не вмешиваясь. Говорить он пока не мог из-за слабости и болей, но, когда доктор Нгема обращалась к нему, он кивал или качал головой. Да, ему удобно. Да, голова болит. Нет, судно ему не требуется.

— Попозже, когда он немного окрепнет, попытайтесь его разговорить, — сказала мне доктор Нгема. Точнее, прошептала на ухо в ординаторской. — Попытайтесь выяснить, что с ним такое стряслось.

В ее голосе звучало беспокойство, но я чувствовал: ей самой вовсе не хочется его расспрашивать. Она была рада переложить это деликатное дело на меня. Но со мной Техого говорить отказывался. Обессиленный раной, одурманенный морфием, он все же не забывал о своей обиде. Каждый раз, когда я к нему обращался, он демонстративно поднимал брови и тут же отводил взгляд.

Я делал вид, что ничего не замечаю. Он по-прежнему оставался моим пленником-пациентом, прикованным к кровати. Ноги и одну руку я ему развязал, но наручники, как и прежде, позвя-

кивали при каждом его движении. Он отлично видел и наручники, и солдата в углу.

Часового сменили. Новый караульный явно нервничал. Сидел весь скукожившись, зажав винтовку между коленями. Наблюдал. Этот солдат относился к своему заданию серьезно, его не соблазняли кофе и дартс в ординаторской. Когда я входил в палату или направлялся к двери, он непременно провожал меня взглядом.

Техого разрешили есть, но только жидкую пищу — трубка ободрала ему горло. В тот день я дважды приносил суп на подносе и сам кормил Техого с ложки. Его рот послушно разевался, но глаза смотрели куда угодно, лишь бы не на меня. Все мои заботы он сносил с остервенелой пассивностью. Вел себя кротко, но я отчетливо ощущал, какие в нем на самом деле кипят тайные страсти.

Он не мог самостоятельно мочиться — требовалась моя помощь. Устроившись рядышком с ним, точно старый друг, я обнимал его за плечи, поддерживая в сидячем положении. Чтобы скрыть унижение, он жмурил глаза. Точно так же он жмурился позднее, когда я его мыл. Я очищал его тело планомерно, участок за участком, точно мы оба были машинами. Впрочем, когда-когда, а

в тот момент в наших действиях не было ничего машинального.

Я с ним не разговаривал. Даже о том, что интересовало доктора Нгему, хотя я тоже хотел бы услышать, что он ответит. Лишь однажды я обронил несколько слов, наклонившись к самому его уху.

— Техого, я же тебе сказал, что не ты мой враг, — проговорил я. — Разве я стал бы так ухаживать за врагом?

Солдат резко вскинул голову: какой, дескать, вредоносной информацией тут исподтишка обмениваются? Но в лице Техого не дрогнул ни один мускул. Он не желал ничего мне открывать.

Тот вечер я впоследствии стал называть про себя последним, прощальным. Но протекал он по обычному распорядку. Ничто в нем не было отмечено печатью рока, и потому вспомнить его подробности совершенно невозможно. Вечер ничем не отличался от множества прочих вечеров — от всех вечеров, которые я проводил в больнице, попусту тратя свою жизнь. Помню лишь, что дежурство меня измотало; измотало диспропорционально, слишком сильно по сравнению с затраченной на него энергией. Поэтому, сдав смену Лоуренсу, я не стал задерживаться в

главном корпусе. В конце концов, тревожиться было не о чем. Наутро я отвезу Техого в другую больницу.

— У вас все готово к завтрашнему дню, Фрэнк? — бодро поинтересовался Лоуренс.

— К завтрашнему?.. Увы, Лоуренс, я не смогу участвовать в выезде. Мне нужно везти Техого.

— Именно завтра? Почему? Разве он не может денек подождать?

— Нет. Мне очень жаль, но ничего не получится.

— Да-да, разумеется. Разумеется. Не берите в голову. Я вообще-то и не рассчитывал, что вы пожелаете участвовать.

Были ли сказаны именно эти фразы? Да и говорили ли мы вообще об этом? Не знаю. Возможно, я что-то домыслил задним числом. Неприятно, что после всех глубокомысленных фраз финальные реплики растворились в тумане банальностей.

Итак, я помню — или внушил себе, будто помню, — что в последний раз, когда я видел Лоуренса, он немного дулся, точно капризный ребенок. Делал вид, что ничуть не задет, а сам изнывал, вновь уязвленный в самое сердце. Я опять его подвел — оправдал его худшие предчувствия. Выходя в коридор, я крикнул ему:

— Доброй ночи, Лоуренс!

Но он точно и не услышал — демонстративно деловито рылся в шкафу с бинтами. В пустом коридоре его имя отдалось тихим, зловещим эхом.

Наутро он исчез. Вместе с солдатом и Техого. Унесли даже кровать, чтобы не терять время на возню с наручниками.

XVIII

Я встал очень рано, по будильнику. Когда я вышел на улицу, едва-едва рассвело. Ступив на тропинку, я увидел в тусклом утреннем свете, что у главного входа суетятся люди.

Доктор Нгема встретила меня в дверях. Ее лицо застыло, как деревянная маска; губы не слушались. Сделав над собой усилие, она выговорила:

— Исчезли. Они исчезли.

— Кто? О ком вы?

Ответ я знал наперед, но, лишь войдя в опустевшую палату, уяснил, что именно стряслось. Да и то не сразу — долго стоял и созерцал пустой, прямоугольный, выделявшийся своей относительной чистотой участок пола, словно шифрованное письмо, которое я со временем разгадаю.

Через несколько минут я присоединился к тем, кто бесцельно бродил по коридорам. В наших передвижениях не было ни горячечной суетливости, ни целенаправленности. Все были в шоке. Просто в голове не укладывалось, что три человека и одна кровать могут за ночь исчезнуть. Бесшумно, не оставив следов. Словно какая-то

исполинская рука сгребла их и унесла за облака.

Как это произошло? Сколько было пришельцев, чем они были вооружены? Въехали ли они через главные ворота, как добропорядочные посетители, или перелезли через стену, как наемные убийцы? Как знать. На эти вопросы мне никогда уже не найти ответа. Ведь все случилось, пока я был, считайте, в другой стране. Пока я спал.

А Лоуренс? Зачем они прихватили его с собой? Чего он такого натворил, чтобы его понадобилось убрать? Это ясно и без очевидцев: Лоуренс наверняка преградил им путь, встал между Техого и врагами. «Извините, его нельзя увозить, он мой пациент. Я обязан его оберегать». Долг, честь, обязательства — все те слова, ради которых жил Лоуренс. Ради них он и умер.

В ту ночь мог дежурить кто угодно, любой врач. Например, я. И тогда развязка наверняка была бы иной. Я, как и большинство людей на свете, живу не ради слова «долг». Вскоре выяснилось, что солдата никто не похищал — он просто пустился наутек, завидев пришельцев. Спустя несколько часов он приковылял из буша, пристыженно волоча за собой винтовку. Отыскалась и кровать — точнее, груда ее обломков в зарослях бурьяна. Недоставало только одной из спинок — той са-

мой, к которой был прикован Техого.

Но все это было позже, на этапе логических выкладок и объяснений. Утром же нам было не до рационализма и логики. Был только длинный, холодный коридор и пустое место в палате, точно гладкая десна на месте вырванного зуба.

Доктор Нгема, как и все, бесцельно слонялась из угла в угол. Спустя некоторое время с явным отчаянием в голосе она заговорила со мной:

— Какая дикость, Фрэнк! Никак не могу поверить. Что нам делать?

— Не знаю, — тупо пробубнил я. — Заявить в полицию.

— Я заявила. Поговорила с тем человеком… с военным. Он обещал сделать все, что в его власти…

— Раз так, вы больше ничего не можете предпринять.

— Он сказал, что мне следует составить письменные показания. Перечислить все факты. Я займусь этим позже. После выезда мобильной поликлиники.

— Вы все-таки его проведете?

— А что мы можем? — вскричала она. — Все спланировано!

И вскоре все трое — Сантандеры и доктор Нгема, последние, кто остался здесь из медиков, — по-

кинули больницу. Покатили выполнять свой долг на торжестве в честь подключения электричества. Кажется, они считали, что я тоже туда отправлюсь на своей машине. Но я не поехал. Я долго ходил по коридору из конца в конец, потом поднялся наверх и стал вышагивать по коридору второго этажа, потом вышел на улицу и стал вышагивать по траве.

У меня было ощущение, что он все еще где-то неподалеку, совсем рядом, живой. Лоуренс со своими идеалами и своим чувством долга. Разумеется, ощущения меня почти наверняка обманывали: он уже валяется в канаве или в могиле, с перерезанным горлом или с пулей в голове… С того дня я много раз пытался вообразить себе последние минуты его жизни — кульминацию его истории, — но воображение отказывалось мне служить. Убит и выброшен на помойку, как вещь, пришедшая в негодность? Такое случается с другими, с теми, кого ты не знаешь, но не с Лоуренсом. Нет, он где-то здесь, в ближайших окрестностях. Он жив, и живо его негодование и надежды. Он уверен, что его выручат: люди ведь всегда выручают друг друга.

Вот оно: мой звездный час, мой момент если не истины, то действия. Он наступил слишком позд-

но, чтобы с него началось что-то новое. Но жизнь все-таки дала мне шанс проявить истинное мужество. Я действовал бессознательно. Чувствовал лишь, как накапливается сила — пока даже не во мне, а где-то снаружи. Сел за руль, выехал из ворот, все еще не отдавая себе отчета, куда, собственно, направляюсь.

Впервые в жизни я, находясь за рулем автомобиля, съехал с дороги на тот самый проселок, запрыгал по ухабам и выбоинам. Конечно, к этому моменту мое сознание уже обо всем догадалось. Так, наблюдая за действиями человека, можно вычислить его цель. Душа пела: я уже видел, как стремительно влетаю в главные ворота, как бьет из-под колес красивый, героический фонтан пыли. Но на дне низины моя машина наехала на камень; двигатель заглох, заглох безнадежно. Кураж стал рассеиваться; опасаясь, что он совсем пройдет, я вылез из автомобиля и побежал трусцой в гору. Я мысленно видел, как пробьюсь через озадаченную толпу к единственному человеку, который что-то может предпринять, и упаду перед ним на колени.

«Я пришел, — сказал бы я, — чтобы предложить: возьмите меня, а его отпустите. Я не о Техого говорю — он и так из ваших, можете его

забрать. Я о том, другом. Я понимаю, для вас он никто, но для меня он стал всем. Всем, чем я не являюсь. Характер предопределяет судьбу. Моя судьба в том, чтобы прожить жизнь вхолостую — лишь наблюдать со стороны, судить свысока, на все сетовать. Так позвольте мне в последний миг моей жизни перекроить самого себя. Умоляю: возьмите меня, а его отпустите, подарите мне смерть, которая придаст моей жизни смысл, сделайте со мной что хотите, но отпустите его».

Да, я бы так сказал. Не побоялся бы. В тот момент мне не было страшно умирать.

Но конечно, их там не было; сам не знаю, почему мне взбрело в голову искать их там. По-видимому, после ранения Техого они навсегда покинули базу. Им не было никакого резона возвращаться. Лишь в моем сознании они были прикованы к одному месту, точно мишень, на которую я нацелил стрелу своей жизни. И, как обычно, промахнулся. Какое бы многообещающее сырье ни предоставляла мне жизнь, я так и не смог претворить его в удобоваримую трагедию.

Итак, в итоге мне пришлось бороться лишь с самим собой. С обрюзгшим, давно уже не молодым, пыхтящим идиотом. Застывшим, согнувшись в три погибели, посреди этой заброшенной сцены,

где зрителями были лишь гнилые брезентовые палатки да ржавые ограждения.

И он. Он появился спустя несколько минут, спокойный, с выражением легкой скуки на лице. Пришел с дальнего конца базы. Только теперь я заметил, что из-за забора торчит крыша его джипа.

Как и в прошлый раз, он был в форме. Но держался более непринужденно, скорее, как гражданское лицо. Шагал, засунув руки в карманы, насвистывая.

— Доброе утро, доктор, — сказал он.

Казалось, он совершенно не удивился, встретив меня здесь. Лишь слегка улыбнулся тому, как я вспотел.

— Вас бы в учебный лагерь, — сказал он. — Мы бы живо из вас человека сделали.

— Я приехал… — выдохнул я, пыхтя, — приехал… посмотреть…

— И я тоже. Докторша, начальница ваша, мне сообщила, что случилось. Вот я и решил: пора проверить вашу версию. Посмотреть, нет ли здесь чего интересного. Однако…

Умолкнув, он указал на бывший плац, заросший бурым бурьяном. Дескать, все давно заброшено.

— Неправда, — сказал я. — Вы здесь уже бывали. Зря отнекиваетесь.

Он холодно улыбнулся. Сегодня настроение у него было благодушное.

— Здесь же никого нет. Только мы с вами. Кому нужна эта дыра?

— И что теперь будет?

— Ничего. Их больше нет. Не думаю, что мы их когда-нибудь еще увидим.

— Я хотел спросить… что будет с ним? С моим другом.

— Так я вашего друга и имею в виду, — сказал он.

Сказать тут было нечего. Все бесповоротно решилось здесь — в самом неожиданном месте, в самый заурядный день.

— Как вы сюда добрались? — спросил он. — Вас подвезти?

— Моя машина там, в низине. Заглохла.

— Я вам помогу. Сейчас подъеду на джипе.

Он повернулся было на каблуках, опять принялся насвистывать, но я произнес:

— Господин комендант.

Не знаю уж, откуда во мне взялось это никчемное правдолюбие.

— Вы хотели сказать «полковник», — попра-

вил он.

— Я знаю вас по прежним временам. Помните?

Поразительно, но он переменился в лице. Насторожился мгновенно. Его сущность сжалась, образовав твердое ядро, о котором я уже упоминал: крохотное, герметично замкнутое, не подвластное никакому давлению. Он уставился на меня, словно с большого расстояния.

— Где мы встречались?

— На севере. На границе. — Я назвал базу и год.

Он задумался. Видимо, принялся ворошить свои воспоминания в поисках моего лица.

— Я был врачом, — сказал я. — Иногда вам требовалась помощь, и вы вызывали капитана. Но как-то ночью, когда капитан был в отъезде, вы вызвали меня.

— Вы мне помогли?

— Да.

Он вновь принялся испытующе меня разглядывать, но это длилось недолго. Я угадал его мысли. Опасности нет: как он с самого начала и предполагал, я лишь жалкая букашка.

— Извините, — сказал он, — что-то не припомню.

— Между нами был разговор.

— Возможно. Мало ли с кем я там разговаривал.

Не обессудьте.

Это было сказано деловитым, бесстрастным тоном. Я его больше не интересовал. Итак, я наконец-то решился исповедаться в своей мелкой подлости — но он не смог отпустить мне грехи. Поддавшись какому-то неясному порыву, — подоплека неясна мне до сих пор, — я сделал два шага вперед и протянул ему руку. И он ее пожал. Ничего не значащий жест, пустая формальность; свою подлинную сделку он и я заключили гораздо раньше, в старые времена.

XIX

Лоуренс никогда не вернется. Теперь я это знаю. Но в первые дни, хотя я снова жил в своей комнате один, мое сознание отказывалось верить. На стульях, на веревке в ванной по-прежнему висела его одежда; на подоконнике, в горке пепла покоилась его недокуренная сигарета; все свидетельствовало, что он отлучился совсем ненадолго — ушел на дежурство, куда-то поехал — и появится с минуты на минуту.

Когда прошла неделя с лишним, я, поддавшись внезапному порыву, принялся разбирать его вещи. Демонтировал и бережно упаковал святилище из камешков и фотографий, устроенное им на подоконнике. Аккуратно сложил его одежду и засунул в чемодан — в тот самый, с которым он, приехав сюда, заявился в ординаторскую. Чемодан я задвинул под кровать. Смыл и стер все следы и отметины, очистил зеркало от подтеков его крема для бритья. Выбросил окурки. Вынул из стакана его зубную щетку и, немного поразмыслив, выкинул на помойку.

И тогда мне немного полегчало. Я снова был в

комнате один — почти один. Спустя еще неделю или две меня осенило, и я переставил мебель так, как она стояла прежде, до его приезда. Создал впечатление, будто ноги его тут не ступало.

Но он жил здесь, и с этим фактом ничего нельзя было поделать. Не мог же я попросту все забыть. Да и вторая, опустевшая кровать оставалась в комнате. Была для меня постоянным укором.

Среди его скудного архива мне попалось письмо от Занеле. На конверте был указан ее обратный адрес в Лесото. Я подозревал, что писать ей не стоит, но все-таки написал. Вдруг ей так никто и не сообщит? Над письмом я немало помучился. Сначала думал, что сочинить его будет просто — достаточно перечислить сухие факты, но факты сопротивлялись словам. Я вывел на листке: «Он умер», — и долго сидел, созерцая это слово. «Умер». Разве это слово вяжется с ситуацией? Нет ни трупа, ни орудия убийства, ни более-менее очевидной последовательности событий. В итоге я написал лишь, что он исчез при необычных, чрезвычайных обстоятельствах и что я все объясню подробнее, если она со мной свяжется.

Она со мной так и не связалась. Должно быть, просто не получила моего письма — за истекшее время она могла уже вернуться в Америку. Или

не пожелала выяснять подробности. Как тут удостоверишься? Признаюсь честно, ее молчание не вызвало у меня ничего, кроме облегчения.

Я поискал среди бумаг домашний адрес, но так и не обнаружил. На конвертах писем, приходивших от его сестры, то есть — в действительности — от матери, не было обратного адреса. Я спросил доктора Нгему, есть ли эти сведения в его личном деле. Она ответила, что уже обо всем позаботилась. И вновь я испытал облегчение от того, что мое вмешательство не требуется.

Затем — спустя месяц или два после его исчезновения — приехала мать. Высокая, изможденная женщина в черном брючном костюме, беспрерывно курившая сигареты в длинном мундштуке. Я никак не мог вообразить ее и Лоуренса вместе. В ее чертах смутно проступало легкое сходство с его широким, памятным мне лицом, но в манерах, размашистых жестах — ничего общего, все непривычно. Несколько часов она прочесывала больничную территорию — заглядывала в заросли бурьяна, высовывалась за ограду. Казалось, эта женщина целеустремленно и невозмутимо ищет какую-то потерянную вещь, но совсем не там, где эта вещь могла бы оказаться.

Наконец она явилась в мою комнату. Доктор

Нгема, боязливо избегавшая всех непростых эмоций, справилась у меня, соглашусь ли я ее принять.

— Это сестра Лоуренса, — торопливо выпалила доктор Нгема. — Она хочет с вами немного побеседовать.

Я ничего против не имел; более того, меня снедало какое-то болезненное любопытство. Но когда мы оказались лицом к лицу (она сидела на его кровати, а я на своей, совсем как во время моих разговоров с ним), внезапно оказалось, что говорить не о чем. В комнате царила даже не атмосфера взаимной неловкости, а полный вакуум.

Я достал его чемодан и пачку фотографий. Отдал ей. Она вяло перетасовала фотографии.

— Ключи от его машины тоже у меня, — сказал я. — Наверное, вы и машину захотите забрать.

— О, нет, нет. Не сейчас. Я приехала сюда на своей машине.

— Она тут, на стоянке. Я ее не трогаю. Время от времени прогреваю мотор.

— Очень мило с вашей стороны. Я скоро за ней приеду. — Она огляделась по сторонам; ее темные глаза казались еще темнее на фоне белых подглазий, огромных, как фарфоровые блюдца. —

Значит, это здесь… — произнесла она, — здесь…

— Извините?

— Это была его комната.

— Напополам со мной. Да.

Она пристально посмотрела на меня. Она была хрупко сложена — казалось, переломится, как тростинка, от первого порыва ветра. И только хриплый, прокуренный голос выдавал, как трудно ей пришлось в жизни. Только голос. И глаза.

— Вы стали для него другом, — сказала она.

— Простите?

— Он мне писал. Часто упоминал о вас.

— Правда? Я очень тронут. Но я не знаю, хорошим ли другом я для него был.

— О нет. Давайте без ложной скромности. Судя по тому, как он о вас отзывался, было совершенно ясно… Он писал, что вы о нем заботитесь.

— Действительно, — проговорил я. — Да, наверно, я был ему другом.

— Спасибо, что вы были так добры к моему… младшему брату.

С этой фразой абсурдность ситуации усилилась как минимум вдвое. Я больше не мог сдерживаться:

— Я знаю, что вы его мать. Нет смысла скрывать.

Она и бровью не повела. Невозмутимо кивнула, попыхивая сигаретой:

— Полагаю, он вам сказал.

— Э-э-э… да.

— Значит, очень вам доверял. Иначе ни за что бы не признался.

Я не знал, что ответить. Мысленно взмолился: «Скорей бы она ушла». Но она точно приросла к его кровати. Пауза затягивалась. Женщина все попыхивала и попыхивала своей сигаретой. А потом внезапно сказала:

— Не понимаю, как это произошло.

Во мне что-то всколыхнулось: наконец-то маски сброшены!

— Крайне запутанное стечение обстоятельств, — сказал я.

— Значит, вы все-таки понимаете.

— Нет, я… По-настоящему нет. Ума не приложу.

— Но он исчез.

— Да.

— Не умер, а исчез. Разница есть.

— Боюсь, я не совсем улавливаю…

Все такая же спокойная, невозмутимая, она выбросила окурок в окно и вставила в мундштук новую сигарету.

— Я имею в виду, — произнесла она, — что он может вернуться.

Голос у нее был ровный, и я расценил эту фразу как утверждение. Но ее глаза неотрывно смотрели на меня. Я догадался: она не утверждает, а спрашивает.

Немного подумав, я ответил:

— Нет. Я в это не верю.

И тогда она расплакалась. Я изумленно наблюдал, как она, такая высокая и бесстрастная, вдруг сломалась, не выдержав отчаяния. Закрыв ладонями лицо, она зарыдала. Я сел рядом с ней, обнял за плечи. Ее плач бередил мне душу. Я сожалел, что мы все-таки не избежали этого момента и чувства выплеснулись наружу.

Лоуренса больше нет. Он исчез. В ее словах есть доля правды: исчезнуть — не то же самое, что умереть.

Позднее из моей жизни исчезли некоторые другие люди. Исчезли, но не как Лоуренс, а просто скрылись в лабиринте своей собственной жизни. Спустя несколько месяцев военную часть во главе с полковником Моллером перевели в какое-то другое место. Казалось, еще вчера они толпились у бильярдного стола, попивая виски и хорохорясь, а на следующий вечер в баре вновь

наступило затишье.

Потом Клаудия вернулась на Кубу. Не знаю уж, почему, но случившееся с Лоуренсом окончательно разрушило брак Сантандеров. Вместо былых ссор из-за стены доносилось лишь молчание — гнетущее, бесцветное. Очевидно, они вообще перестали разговаривать. Затем на одном из понедельничных собраний было объявлено, что на следующей неделе Клаудия уезжает. Значит, все-таки разрыв. После ее отъезда в нашем крыле осталось всего двое жильцов — Хорхе и я. Дежурства значительно удлинились.

Почти одновременно с Клаудией уехала доктор Нгема — вернулась в большой город, в министерство, где ее ждала желанная должность. Теоретически отъезд доктора Нгемы отвечал нашим общим интересам. Разумеется, это действительно было так. Но я не могу забыть своего последнего разговора с доктором Нгемой — разговора, начавшегося вроде бы на пустом месте.

Этот разговор состоялся у нее в кабинете за несколько дней до ее отъезда. Она учила меня тонкостям, связанным с обязанностями главврача: как писать рапорты, вести бухгалтерскую отчетность, регистрировать документы. Потом стала объяснять, как выбивать деньги для найма

дополнительного персонала взамен всех, кого мы потеряли. Очевидно, больница находилась в критическом положении. Требовались незамедлительные меры. Но эта тема пробудила печальные воспоминания в нас обоих, и доктор Нгема, прервав долгие сухие разъяснения, вдруг умолкла. А затем со вздохом произнесла:

— Бедный Техого.

— Что?

— Какая ужасная судьба! Как ужасно то, что с ним случилось.

Я мог бы промолчать, пропустить ее слова мимо ушей. Но во мне точно лопнула какая-то пружина. Доктор Нгема снова уткнулась было в бумаги. Я спросил:

— А Лоуренс?

Она удивленно захлопала глазами:

— Да. И Лоуренс тоже.

— Техого еще жив, — сказал я. — А вот Лоуренс наверняка мертв.

Она неспешно опустила бумаги на стол. Уставилась на меня. В воздухе повисла ощутимая напряженность.

— Никак не пойму, к чему вы это говорите, — произнесла она.

— А вот к чему: Техого для них свой человек.

Они приехали и забрали его, чтобы он не проговорился. Но ничего плохого они ему не сделают.

— «Они», — сказала она. — Какие еще «они»?

— Его товарищи.

— У Техого никаких товарищей не было. Никого у него не было. Если хотите знать, я думаю, что его забрали солдаты. Решили, что он видел что-то лишнее.

Я недоверчиво щелкнул языком:

— Техого — потерпевший? Почему вам так упорно хочется верить в его невиновность?

Она улыбнулась, но не потому, что мои слова ее позабавили.

— Вы всегда недолюбливали Техого, — проговорила она с расстановкой. — У вас с давних пор был на него зуб.

— Неправда.

— Простите, Фрэнк, но, по-моему, причина именно в этом. Вы мечтали его выгнать. Мечтали, чтобы он исчез. Не могли найти с ним общего языка. Что ж, теперь его вообще нет на свете.

— Да жив он. Где-нибудь шляется.

— Все-то вы знаете наверняка!

— Я знаю, кто такой был Техого. Он был вор. Я все видел своими глазами. Я и в вас разочаровался оттого, что вы его покрывали.

Все это произносилось с ледяной учтивостью, словно мы беседовали о каких-то отвлеченных материях. В последнее время доктор Нгема и я частенько разговаривали между собой на повышенных тонах. Но на сей раз ни она, ни я не сорвались на крик.

— Этому молодому человеку, — сказала она, — жилось очень нелегко. Очень тяжело. Гораздо тяжелее, чем вам. У него не было никаких возможностей и привилегий, которыми пользовались вы. Разве этот факт для вас ничего не значит?

— В данном случае — нет. Ничего не значит.

— Оно и видно. — Она уставилась в мою сторону, но куда-то вдаль, через мое плечо. — Я смотрю, вы даже представить себе не можете, каково в этой стране быть чернокожим. Для вас реальна только ваша собственная жизнь.

— А разве не у всех так? Человек может прожить только одну жизнь.

— Черные проживают много жизней.

— Какая чушь!

— Да. Для вас это чушь. Для меня — истина. Но мы все равно ни до чего не договоримся.

Она снова склонилась над бумагами, а наш разговор как бы убрала с глаз долой. Так прячут в карман нож. Но этот нож нанес раны нам обоим.

К этой теме мы больше не возвращались. Вплоть до отъезда доктора Нгемы держались друг с другом преувеличенно вежливо.

Мария исчезла тоже. Но затем нашлась. Объявилась спустя долгое время после того, как я потерял надежду с ней увидеться. Однажды в ординаторскую явился молодой чернокожий парень со смутно знакомым лицом. Сказал:

— Я могу вас проводить к тому, что вы хотите.

Я не сразу уразумел, о чем это он толкует.

Но вдруг вспомнил, где именно с ним встречался: в деревне за хибаркой Марии, когда приезжал туда ее разыскивать. Этот парень переводил мои слова, когда я обещал вознаграждение за любую помощь.

Отправиться с ним немедленно я не мог из-за дежурства. Лишь через несколько дней смог развязаться с делами и выкроить время для поездки. Я заехал за ним в деревню на своей машине, и мы двинулись в путь. Он стеснялся меня, но дорогу указывал уверенно. С его лица не сходила лучезарная улыбка. Ехали долго, по немощеным дорогам — паутиной проселков, отходящих от автострады. Местность была дикая, заросшая густыми лесами. Изредка попадались деревни — из тех, что на карте Лоуренса были отмечены

безымянными кружочками.

В одном из этих кружочков, неподалеку от вереницы синих холмов, что виднелись на горизонте, и находилась Мария. Машина преодолела последний участок пути — вскарабкалась в гору по кошмарной дороге, которую, казалось, лишь вчера прорубили в буше тупым топором. На круче имелось хаотическое скопление хижин с прилегающими огородами. На вид деревня ничем не отличалась от всех других, попавшихся нам по пути, но мой сияющий проводник сказал:

— Тут.

— Тут?

Он пояснил мне, куда ехать. Вон — одна из крайних хижин. Рядом, в двух шагах, выстроились стеной деревья. Перед хижиной — белая машина.

Я всегда видел эту машину мимоходом, издали. А теперь, впервые подойдя к ней близко, осознал, что к Бригадному Генералу этот автомобиль не имеет никакого отношения. Старый «датсун» с проржавевшим насквозь капотом и такой же крышей. Одна из дверец держится на честном слове. Лобовое стекло рассечено трещиной. Машина бедняка.

Итак, головоломка, которую я совсем было

собрал, все-таки не поддалась моим усилиям. Или ее части соединяются совсем не так, как я полагал.

По-видимому, то же самое можно было сказать и об истории с Марией. Отправляясь в путь, я думал, что ей известно о моем приезде. Предполагал, что мой проводник с ней уже поговорил, уже сообщил, что я ее ищу. Но, едва увидев ее, понял: для нее я все равно что с неба свалился.

Она была на голом участке между деревней и опушкой, по ту сторону маленькой хижины. Сначала я постучал в дверь. Откуда-то сзади откликнулся мужской голос. Мы обошли хижину. Мария сидела на земле, но тут же вскочила, зажав себе рот ладонью. Уставилась на меня.

Он тоже там был. Я увидел его впервые. Ее мужчину. Примерно мой ровесник, коренастый, круглолицый, в лихо заломленной клетчатой кепке. Похоже, он не был склонен к бурным проявлениям эмоций, но я чувствовал его изумление, точно вибрацию, от которой дрожит земля.

Итак, все мы замерли, рассматривая друг друга. Трое в замешательстве и четвертый — все с той же неуместной улыбкой на лице.

Я сказал:

— Мария.

Но на это имя она не отозвалась. В действительности ее звали иначе. Она резко повернулась ко мне спиной и, глядя в глаза мужу, заговорила с ним. Что-то произнесла высоким голосом, очень быстро — я не смог уловить ни слова. Потом умолкла и, даже не оглянувшись, убежала в хижину.

Сам не знаю, чего я ожидал. Что мы радостно усядемся бок о бок и примемся толковать о старых временах? Что ее мужчина по какому-то мистическому стечению обстоятельств, подобно тому, как он отсутствовал в дни нашей связи, будет в отлучке? Или что мы чудесным образом перенесемся в хибарку, потонувшую во тьме, на тот квадрат утоптанного песка?

Реальность не имела ничего общего с этими измышлениями. Оказывается, эта история — без развязки. Возможно, у нее нет и не было даже сюжета. И приехал я только для того, чтобы в очередной раз удостовериться: я почти ничего не знаю и ничего уже никогда не пойму.

Мужчина сильно рассердился. Подошел ко мне и стал что-то говорить негромко, монотонно, настойчиво. Его руки сжались в кулаки, но я решил, что он вряд ли полезет со мной драться. Во всяком случае, в ближайшее время. Покамест он был

слишком изумлен, слишком неуверен в себе.

— Я не понимаю, что он мне говорит, — сказал я.

— Он говорит, — перевел мой проводник, — что вам тут надо?

— Я хотел поговорить с Марией.

— Он говорит: что вам надо от его жены?

— Скажите ему: ничего. Ничего плохого. Я ее друг по прежним временам, я ее знаю по магазину. Я хотел узнать, все ли у нее хорошо.

— Он говорит, у нее все хорошо. Он говорит, вам теперь лучше уйти.

— Я приехал сюда не для того, чтобы принести им неприятности. Объясните ему.

Но мой приезд сюда все-таки принес неприятности. Беда сгустилась вокруг меня, словно вихрь пыли на ветру. Лучше всего было уехать, так и не узнав, каковы будут последствия. Так мы немедленно и поступили. Не пробыв в деревне и трех минут, вновь отправились в долгий обратный путь.

— Но она жива, — сказал я себе вслух. Это было полчаса спустя, когда мы мчались по каким-то ничем не примечательным местам. — Хотя бы это мне известно.

— Да, — радостно подтвердил мой спутник. —

Она жива.

И это уже кое-что. Все остальное я узнать не в силах. Она была таинственным знаком, вокруг которого вращалась моя жизнь, но для нее самой я был лишь второстепенной деталью, источником смятения и беспокойства. Я никогда больше ее не увижу — но она жива.

Когда я высадил проводника у его деревни, он выжидающе застыл у машины. Я был так поглощен собственными мыслями, что не сразу догадался достать бумажник.

Собираясь в дорогу, я решил: Марии нужно дать денег. И теперь мне сразу попалась под руку припасенная пачка купюр, сложенная вдвое. После недолгих колебаний я вынул всю пачку и отдал проводнику. Сумма была крупная — столько я никогда еще никому не давал за услугу. Сам не знаю, каковы были мои подсознательные намерения, — планировал ли я выкупить Марию у мужа или компенсировать мое неожиданное исчезновение из ее жизни…

Проводник, на миг вытаращив глаза, поспешил убрать деньги подальше. Его улыбка стала ослепительной.

Незадолго до того, как его доконал рак, отец изъявил желание приехать ко мне в гости. Пола-

гаю, в этом выражалось его одобрение. Узнав, что я наконец-то назначен на пост главного врача, отец воскликнул: «Слава богу!» В этом случае он исходил из собственных представлений. Я не стал открывать ему глаза на реальность. К моему облегчению, он так и не приехал — был уже слишком слаб. Он умер, думая, что я наконец-то преодолел черную полосу и чего-то добился в жизни. Наверное, на бумаге так и есть.

По очевидным причинам для меня многое изменилось. Например, я перебрался в кабинет доктора Нгемы. Вместо доски для дартса и многочасового безделья — письменный стол и горы бумаг. Я больше не чувствую себя врачом. Превратился в администратора.

Больница на грани упразднения, и мои служебные обязанности состоят в том, чтобы ее спасти. Я пишу письма, обзваниваю нужных людей. Министерство хочет нас закрыть, и я трачу массу времени, доказывая, почему этого делать не следует. Мы проводим жизненно важную работу в нищих сельских районах, твержу я. По иронии судьбы, чтобы подтвердить это примером из практики, я вынужден ссылаться на два выезда мобильной поликлиники Лоуренса.

Теперь мы никуда с мобильной поликлини-

кой не выезжаем. И вообще мало что делаем. Врачей осталось всего двое, столько же, сколько кухонных работников: у каждого из нас свой повар. Даже не знаю, сколько здесь еще выдержит Хорхе.

Нам пришлось ужать свою деятельность во всех отношениях. По сути, больница превратилась в амбулаторию, которая работает по утрам, не больше двух часов в день. В основном мы раздаем советы и лекарства. Все тяжелые больные, а также не тяжелые, но нуждающиеся в госпитализации хотя бы на сутки, получают направления в другие больницы.

В общем, ситуация отчаянная, перспектив никаких. Но все же, наперекор логике, я доволен. Возможно, это лишь ложная умиротворенность, наступившая после капитуляции перед судьбой. Но мне почему-то кажется, что теперь я на своем месте.

Наверное, дело всего лишь в том, что после семи лет ожидания я продвинулся на двадцать метров, в кабинет доктора Нгемы. Мелочь, но для меня она много значит. Новая комната — голая, чистая, пустая. В такой хорошо начинать заново. Я разложил свои вещи, купил и развесил по стенам несколько картин и ковров. Приложил

усилия, чтобы оставить свой отпечаток в этом безличном интерьере. Теперь моя жизнь снова пустила корни. Я знаю, что навеки тут не застряну, — еще будут другие места и другие люди.

Перемена малюсенькая, но благодаря ей я смотрю в будущее совершенно иными глазами.

Подозреваю, все бы сложилось иначе, если бы ко мне не подселили соседа.